

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН**

На правах рукописи

Пигарь Степан Сергеевич

**Власть и самоорганизация общества: социально-политическое и
территориальное устройство у абхазов в конце XVIII - второй половине XIX
века**

Специальность 07.00.07

Этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель: доктор исторических наук
АНЧАБАДЗЕ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Москва 2018

Оглавление.

Оглавление	Стр. 2.
Введение	стр. 4.
Глава I. Основные черты социально-экономического строя и политической культуры абхазов в конце XVIII - второй половине XIX века.	
§1. Экономический уклад.	стр. 22.
§2. Основные черты социального строя.	стр. 30.
§3. Особенности политической культуры.	стр. 39.
Глава II. Власть и лидерство в абхазском обществе в конце XVIII - второй половины XIX века.	
§1. Источники власти.	стр. 50.
§2. Факторы ограничения власти.	стр. 65.
§3. Функции власти.	стр. 73.
§4. Принципы и институты управления.	стр. 77.
§5. Типы политического лидерства.	стр. 88.
§6. Динамика властных отношений в Абхазии конце XVIII - второй половине XIX века.	стр. 96.
Глава III. Традиции народовластия и формы самоорганизации в абхазском обществе в конце XVIII - второй половине XIX века.	
§1. Сущность народовластия в абхазском обществе.	стр. 107.
§2. Источники народовластия в абхазском обществе.	стр. 110.
§3. Социальная основа традиций народовластия.	стр. 115.
§5. Формы горизонтально интегрированных сообществ.	

Родственные формы самоорганизации населения. стр. 122.

Территориальные формы самоорганизации населения. стр.129.

Глава IV. Социально-политическая и территориальная структура абхазского общества в конце XVIII - второй половине XIX века. стр. 142.

§1. Патрон-клиентские отношения у абхазов. стр. 144.

§2. Народный сход и ополчение как всеобщие формы организованности людей. стр. 166.

§3. *Акыта* как универсальная форма социально-политической и территориальной организации абхазов. стр. 176.

Заключение. стр. 188.

Библиография.

Источники. стр. 194.

Литература. стр. 199.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Важным направлением в изучении традиционных доиндустриальных обществ является определение вариантов их интеграции в целостную социально-политическую структуру. Изучение потестарных традиций народов мира свидетельствует о множественности путей институализации властных отношений, взаимодействия между властью и социумом, самоорганизации последнего и т.д. Один из конкретных исторических вариантов представлен в самобытном социально-политическом и территориальном устройстве горских народов Кавказа, существовавшем в эпоху, предшествующую вхождению в состав Российской империи. Его изучение представляет актуальную задачу историко-этнологической науки.

Актуальность проблемы связана также и с другим обстоятельством. Во многих социумах, в последнее время, наблюдается традиционализация общественного сознания, возрождение самобытных социальных практик и институтов, в том числе в области политической культуры.

Кавказский регион не остался в стороне от этих процессов. С распадом СССР часть республик бывшего советского Кавказа стали субъектами РФ, другие – самостоятельными государствами. Обретение ими той или иной доли политической самостоятельности в сочетании с длительными социально-экономическими и политическими неурядицами привело к возрождению многих самобытных социально-политических институтов и этнических традиций.

В такой ситуации неполнота знаний о принципах, на которых основывались общественные структуры кавказских народов, упорное стремление рассматривать их политическую культуру и мотивацию в категориях сугубо иерархических обществ, где управление отделено от населения, а люди глубоко отчуждены друг от друга, стали причиной ряда политических катастроф и хронической нестабильности Кавказского региона. То значение, которое сегодня кавказские

народы обрели в качестве субъектов региональной политики, заметно превзошло ожидания, основанные на показателях их численности и более чем скромных экономических возможностей.

Разгадка этой контroversы лежит в социально-политическом устройстве, которое каждый из этих народов создавал в целях интеграции своего общества, превращения его в целостный субъект, обладающий собственной политической волей и механизмами реализации своих интересов. Приоритетным направлением научных изысканий в свете сказанного становится определение путей формирования социально-политических систем, выявление принципов, на которых они основывались, и разновидностей этих систем.

Структура абхазского общества в эпоху существования самостоятельного Абхазского владетельного княжества при этом привлекает особый интерес, поскольку являла собой переходную форму между общественным устройством горских народов Северного Кавказа, обладающих развитыми традициями народного самоуправления, и иерархически структурированными феодальными обществами Закавказья. Сочетая в себе структурные черты обоих, она тем самым суммировала в себе ряд ключевых особенностей социально-политических структур, присущих Кавказскому региону.

Не менее важно, что реконструкция социально-политического и территориального устройства абхазов в период до того, как Абхазия стала частью Российской империи, дает представление об особенностях общественно-политических традиций народа, не так давно создавшего самостоятельное государство.

Степень изученности темы.

Следует признать, что социально-политическое и территориальное устройство, существовавшее у горских народов Кавказа накануне вхождения региона в состав Российской империи, изучено далеко не полностью. Взгляд на него, сформулированный в научной литературе в середине XX в., нуждается в дополнении и уточнении уже хотя бы ввиду давности лет, на протяжении которых

он почти не приводился в соответствие с научными и мировоззренческими реалиями современности.

Социально-политическое и территориальное устройство абхазов прежде не рассматривались исследователями в виде целостной системы. Имеющиеся на данный момент научные работы рассматривали присущие этой системе институты и явления в отрыве друг от друга, а некоторые аспекты, такие, как источники и функции власти в абхазском социуме, принципы управления, территориальное устройство, социальные функции народного схода и ополчения, практически оказались вне поля зрения ученых.

Ситуация осложнялась еще и тем, что исследователи, работающие в данном направлении, были стеснены однолинейным подходом к эволюции человеческих обществ, который предполагал безальтернативный путь развития через централизацию общества и полный переход к сугубо иерархической модели, т. е. - бюрократическому государству как инструменту господства в руках элиты. Движущей силой эволюции общества при этом считалась классовая борьба, а переход к иерархической модели интеграции общества - как неизбежная победа правящего слоя и утверждение его абсолютного господства над обществом.

Определенную роль в доминировании такого подхода играла политическая конъюнктура. К тому же, в указанный период сказывалось отсутствие теоретических воззрений, признававших наличие не одного, а множества вариантов социально-политического развития человеческих обществ. В том числе таких, которые вели не к жесткому классовому антагонизму и победе элиты над остальным обществом, а к социальному консенсусу или даже преобладанию институтов народовластия.

Соответственно социально-политическое устройство абхазов рассматривалось в парадигме классовой борьбы, а важной задачей исследователей становился поиск таких фактов, которые могли бы, вписать абхазскую структуру XVIII-XIX вв. в классическую европоцентричную модель феодального строя. Однако сделать это было непросто, ввиду чего Ш. Д. Инал-ипа, подробно

изучавший социальный строй абхазов, вынужден был признать, что сельская община в Абхазии этой модели не соответствует, поскольку "она не выглядела здесь в своей типичной форме: в общинном пользовании находились леса и пастбища, а не пахотные земли, община не знала земельных переделов, а также включала в себя не только крестьян, но и феодалов" [11, с. 395].

Имеющаяся научная литература, затрагивающая тему социально-политического устройства у абхазов, представлена исследованиями, написанными главным образом в 1930-1960-х годах. Их общей характерной чертой является сосредоточенность на изучении сословно-классовых отношений в абхазском обществе изучаемого периода.

Открывается этот ряд работами А. В. Фадеева [30;31], поставившего себе целью показать наличие в Абхазии жесткого классового антагонизма и сложившихся крепостнических отношений. Слабое соответствие традиционной структуры абхазского общества модели классического феодального строя при этом объяснялось наличием множества пережитков родоплеменной эпохи. Социально-экономический строй абхазов преподносился как выгодный лишь знати, а крестьянство, в том числе лично свободное, - как однозначно закабаленное. Такой взгляд упрощал представление о созданной абхазами социально-политической модели, однако стал основой для всех последующих научных исследований.

И. Г. Антелава [3] и Г. А. Дзидзария [9] как специалисты прежде всего по политической истории Западного Кавказа рассматривали социально-экономический строй в связи с событиями Кавказской войны, русско-турецкой борьбы за влияние в регионе и вхождения Абхазии в состав Российской империи. В фокусе их внимания - сословия абхазского общества и взаимоотношения между ними, борьба политических групп, а также изменения в хозяйственной жизни и социальном строе. З. В. Анчабадзе как автор обобщающих трудов по древней и средневековой истории Абхазии посвятил специальную работу феодальному

строю в Абхазии [4], сосредотачиваясь на вопросах землевладения, податей и фактах противоборства между знатью и крестьянством.

Ш. Д. Инал-ипа, являясь этнографом, рассматривал институты и явления, касающиеся социально-политического строя абхазов, как самобытные социокультурные феномены абхазской жизни [11;12]. Он посвятил научные изыскания родовым институтам абхазов, обычаям фиктивного родства, образу жизни сословий изучаемого общества.

Из исследований, написанных в постсоветское время, следует упомянуть работы Ш. Д. Инал-ипа [13] по антропонимии абхазов, О. В. Маана [18;19] и Т. А. Ачугба [5], посвященные социальному строю абхазов, А. Э. Куправа, который рассмотрел абхазский народный сход в его культурно-эстетическом наполнении, а также осветил его роль в общественно-политической жизни Абхазии на протяжении XIX-XX вв. [15;16]

Цели и задачи исследования

Объектом исследования является общество абхазов на завершающем этапе существования Абхазского владетельного княжества накануне и в период его интеграции в состав Российской империи.

Предметом исследования являются традиционные формы социально-политического и территориального устройства у абхазов.

Хронологические рамки работы. Конец XVIII - вторая половина XIX в., вплоть до проведения крестьянской реформы в 1870 г. - это завершающий период существования традиционной социально-политической и территориальной структуры абхазского общества. Позднее присущие ей институты, во многом утратив актуальность, деформировались, изменили свои изначальные функции и структуру, либо вовсе исчезли.

Целью данного исследования является определение принципов и конкретных форм интеграции людей в абхазском обществе - горизонтальных и вертикальных, которые упорядочивали отношения между людьми, превращая людскую массу в целостную структуру.

Задачи исследования заключаются в том, чтобы:

1) по отдельности рассмотреть два варианта интеграции людей в абхазском обществе - вертикальный (иерархический), воплощенный в феноменах лидерства и власти, а также горизонтальный, воплощенный в традициях самоорганизации и институтах самоуправления;

2) показать, каким образом и в каких конкретно организационных формах происходило слияние этих конкурирующих начал в устойчивые социально-политические объединения, локализованные на определенных территориях.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые феномены власти и самоуправления в абхазском обществе становятся самостоятельными объектами исследования;

- выявлена фундаментальная особенность социально-политического устройства абхазов, заключающаяся в соединении двух конкурирующих вариантов интеграции общества: вертикального (иерархического), воплощенного в феноменах лидерства и власти, и горизонтального, воплощенного в традициях и институтах самоорганизации населения;

- показано, что результатом такого соединения явилось формирование суверенного всеобщего территориального сообщества *акыта*. Это была основная форма социально-политического и территориального устройства абхазов в конце XVIII - второй половине XIX в., которую некорректно рассматривать ни как феодальную общину, ни как пережиток родоплеменного строя, но как оригинальный вариант интеграции населения в политическом, социальном и территориальном отношении.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на примере абхазского общества описан достаточно уникальный случай достигнутого и закрепленного в структуре общества состояния равновесия элитарного и эгалитарного начал. Это показывает, что вертикальный (иерархический) и

горизонтальный (эгалитарный) варианты интеграции общества вполне совместимы и на практике может быть реализован их симбиоз в единую структуру, а также дает пример того, как это может выглядеть в реальности.

Результаты исследования могут внести определенную лепту в развитие нелинейной концепции социальной эволюции как пример того, что иерархический и горизонтальный варианты интеграции общества могут быть сбалансированы в рамках одной социально-политической структуры.

Практическая значимость работы в том, что она может стать еще одним этапом в реконструкции социально-политического и территориального устройства, существовавшего ранее в Абхазии и на сопредельных территориях. Это достаточно актуально в условиях нынешнего возрождения на Кавказе традиционных особенностей политической культуры и социального строя автохтонных народов, а также позволит более адекватно представить истоки их нынешнего территориального устройства.

Кроме того, результаты исследования могут помочь заполнить лауну в образовательном курсе истории и этнографии абхазов, где тема социально-политического и особенно территориального устройства освещена неудовлетворительно.

Методология и методы исследования

Методологической основой работы служит системно-функциональный подход, рассматривающий предмет исследования как целостную структуру, элементы которой находятся в состоянии взаимодействия и каждый выполняет собственную уникальную функцию. Это позволит описать социально-политическое и территориальное устройство абхазов не как набор изолированных феноменов, а как действующую систему, обеспечивающую жизнеспособность изучаемого общества.

Важным принципом исследования, логически вытекающим из системно-функционального подхода, является выявление причинно-следственных связей, что дает возможность уяснить причины формирования каждого элемента и

явления внутри изучаемой системы, а также взаимообусловленность их существования в конкретно-исторической форме.

В работе используется также сравнительно-исторический метод, позволяющий на примере различных по времени и локализации, но аналогичных по содержанию явлений яснее раскрыть их сущность и универсальность в рамках эволюции человеческих обществ.

Теоретической базой работы служит существующая в рамках неозволюционизма нелинейная концепция социальной эволюции. Она предполагает несводимость исторического пути всякого человеческого общества к единой стандартной модели, а признает множество оригинальных вариантов для каждого из них. При таком взгляде эволюция общества рассматривается не как линия, имеющая лишь один вектор, а как некое пространство, поле, в пределах которого развитие может идти различными путями [6, с. 137; 14, с. 91]. Такое понимание предполагает в качестве универсального критерия развитости общества степень его внутренней структурной сложности. Суть в том, что "аналогичный уровень социально-политического (и культурного) развития, позволяющий решать одинаково сложные проблемы, встающие перед соответствующими обществами, может быть достигнут не только в различных конкретно-исторических формах, но и на принципиально разных эволюционных путях" [32, с. 5].

Данный подход позволяет точнее и глубже отразить особенности внутренней структуры сложных традиционных обществ, в том числе абхазского, плохо вписывающегося в однолинейную концепцию политогенеза, сводящего его сугубо к росту классовой борьбы и развитию аппарата угнетения и контроля.

Понятийный аппарат, используемый в работе, включает определение "абхазское традиционное общество". Термин "традиционное" в данном случае используется как показатель состояния, в котором оно пребывало. Во-первых, это позволяет подчеркнуть, что речь идет о той фазе исторического развития, когда структура этого общества пребывала в своем самобытном состоянии. Во-вторых,

рассматриваемый термин подразумевает, что речь идет об обществе, находящемся на таком уровне структурной сложности, когда универсальным регулятором отношений между людьми и группами в обществе служат не строго кодифицированные нормы права и формализованные бюрократические институты контроля и управления, а устоявшиеся во времени изустно передаваемые традиции и соответствующие им неформальные институты, объединяющие людей.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. отсутствовал жесткий сословный антагонизм и бюрократический аппарат подавления и контроля, а отношения между властью и населением основывались на вынужденной взаимозависимости и сотрудничестве. Практика управления при этом основывалась на поддержке и участии самого населения и носила ситуативный характер. Основной функцией власти становилось упорядочивание насилия, то есть ограничивалось военно-политической сферой, а степень ее вмешательства в хозяйственную и духовную области жизни населения была мала.

- Горизонтально интегрированные коллективы, охватывающие все население страны, ограничивали притязания лидеров на централизацию, позволяя населению решать значительную часть жизненных задач, не прибегая к единоличному руководству. Одни сообщества основывались на принципе родства, другие - на территориальном принципе. Первый тип представлен фамилией и патронимической группой, второй - суверенным территориальным сословным сообществом *акыта*. Переходной формой между ними являлась соседская община *ахабла-ацута*. Отношения внутри данных сообществ основывались на принципах родственной и соседской солидарности (взаимопомощи и кооперации), обеспечивая населению приемлемый уровень жизни и защиту от основных социальных угроз. Это снижало потребность централизованного управления в социальной и экономической сферах жизни общества, однако способность таких сообществ решать военно-политические

задачи была мала, обуславливая актуальность единоличного руководства в данной сфере.

- Необходимость лидеров опираться непосредственно на население, с одной стороны, и нужда последнего в военно-политическом руководстве, с другой, обусловили обоюдную заинтересованность в сотрудничестве на взаимовыгодных условиях. Результатом стала реализация властных отношений у абхазов в форме патрон-клиентской связи, предполагающей двусторонние обязательства. Своеобразие абхазского варианта патрон-клиентских отношений заключалось в феномене *полипатроната*, при котором человек мог являться клиентом сразу нескольких патронов, обладая инициативой выбора между ними. Поскольку патрон-клиентские отношения у абхазов оформлялись через родственную (реальную, а чаще фиктивную) или соседскую связь, исключалось отчуждение патрона от массы покровительствуемых под угрозой нарушения фундаментальных этико-правовых норм абхазского общества. Вкупе с *полипатронатом* это блокировало переход власти патрона к жесткой авторитарной модели.

- Институционально состояние взаимозависимости и вынужденного сотрудничества правящей и подвластной частей общества воплотилось в народном сходе и организации войска в форме народного ополчения. Народный сход представлял собой всеобщий механизм согласования и управления, призванный обеспечить консенсус между различными политическими, социальными и территориальными группами в принятии управленческих и судебных решений. Абхазское войско также было всеобщим и существовало в форме территориального ополчения. Это лишало лидеров возможности использовать военную силу для упрочения своей власти над населением.

- Основной формой территориального и социально-политического устройства абхазов служило *акыта* - самоуправляющееся всеобщее территориальное сообщество. В организационном плане оно представляло собой объединение соседских сельских общин. Это был целостный социально-

политический организм, отношения между сословиями внутри которого основывались на взаимозависимости, а властные отношения реализовывались в виде патрон-клиентской связи между главой (*ахылапшую*) сообщества и его рядовых членов (*хипшы*). Среди последних преобладало лично свободное крестьянство (*анхаю*), которое делегировало главе-покровителю полномочия по управлению сообществом в обмен на протекцию и невмешательство в хозяйственно-бытовые и духовные стороны жизни. Социальное и политическое единство *акыта*, а равно и его способность к самоуправлению и самообороне обеспечивались всесословными институтами: народным сходом и ополчением.

- *Акыта* представляло собой надродовую форму интеграции людей, основанную на социальном компромиссе, общности территории проживания и наличии централизованного руководства. Посему *акыта* уместно рассматривать не как родовую или феодальную общину, а как самобытный тип территориально-политического устройства, созданный абхазским народом.

Достоверность результатов исследования обусловлена спецификой и фундированностью источниковой базы. Всю совокупность источников, на которую опирается данная работа, можно разделить на две группы.

Первую составляют документальные источники. Это официальные отчеты и донесения военных чинов российской армии и гражданских служащих краевой администрации, составленные на протяжении XIX в. Среди них особо подробные и ценные сведения содержат отчеты по сбору сведений о политическом устройстве и сословно-поземельных отношениях в Абхазском владетельном княжестве в период его упразднения и проведения крестьянской реформы в 1860-1870-х годах.

Следует отметить, что подлинники этих документов были в свое время выявлены и скопированы Г. А. Дзидзария (1914-1989), работавшим в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне РГВИА), Центрального государственного исторического архива СССР (ныне РГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР

(ныне ГАРФ), Центрального государственного архива Военно-морского флота СССР (ныне РГАМФ), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ныне ЦИАГ), Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Абхазской АССР (ныне ЦГАА, большая часть фондов архива погибли во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.). Выдающийся абхазский ученый готовил издание полного свода доступных для исследователей отечественных архивных документов по истории Абхазии XVIII-XIX вв., однако проект тогда не был осуществлен. Лишь недавно, в 2008-2012 гг. этот трехтомный свод вышел в свет, став ценнейшим источником сведений [20; 21; 22].

Вторую категорию источников составили литературные материалы. Это личные воспоминания, путевые заметки или очерки в периодических изданиях, содержащих сведения о лично наблюдавшихся авторами особенностях жизни населения Абхазии. Наибольший интерес среди них представляют воспоминания Ф. Торнау [29] и Л. Серебрякова [28], а также статьи, опубликованные в периодических изданиях середины - второй половины XIX в., основная часть которых собрана в сводном двухтомном издании "Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - начало XX вв.)" в 2005-2008 годах [1;2]. К этой же категории источников относятся историко-этнографические работы, рассматривающие образ жизни автохтонного населения Западного Кавказа, которые были написаны непосредственно в период существования описываемых явлений. Особый интерес среди них представляют работы А. Введенского [7], П. Гибалы [8], С. Званба [10], П. Краевича [17], Г. Рыбинского [26;27] и др.

Апробация результатов исследования

Данная диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры Истории России и зарубежных стран Исторического факультета Абхазского государственного университета, где была рекомендована к защите. Результаты исследования изложены в статьях: "Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII-XIX вв." [23], "Патрон-клиентские отношения у

абхазов в XIX в." [24] и "Лидерство у горцев Кавказа в XIX в.: абхазский вариант"[25], которые опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертационной работы включает введение, четыре главы, в которых раскрывается тема исследования, и заключение, обобщающее полученные результаты. В конце приводится перечень использованных в работе источников и литературы.

-
1. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I.
 2. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.) Сухум, 2008. Кн. II.
 3. *Антелава И. Г.* Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.
 4. *Анчабадзе З. В.* Социально-политическая эволюция крупной феодальной сеньории в Абхазии XIX в. // Он же. Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II. С. 270-280.
 5. *Ачугба Т. А.* О некоторых особенностях абхазского феодализма. // Абхазоведение. 2011. Вып. V-VI. С. 215-227.
 6. *Бондаренко Д. М. Коротаяев А. В.* Политогенез, "гомологические ряды" и нелинейные модели социальной эволюции. // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 128-139.
 7. *Введенский А. Н.* Абхазы (Азегга). // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. Вып. VI. С. 1-48.
 8. *Гибаль П.* Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.
 9. *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.
 10. *Званба С.* Зимние походы убыхов в Абхазию. // Кавказ. 1852. №33. С. 136-138.
 11. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
 12. *Инал-ипа Ш. Д.* Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.

13. *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
14. *Коротаев А. В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.
15. *Куправа А. Э.* Вопросы традиционной культуры Абхазов. Сухум, 2008.
16. *Куправа А. Э.* Народные Сходы и ораторское искусство. // Абхазы (под ред. Ю. Д. Анчабадзе и Ю. Г. Аргун). М., 2007. С. 331-339.
17. *Краевич П. Д.* Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.
18. *Маан О. В.* Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014.
19. *Маан О. В.* Основные черты социально строя. // Абхазы (под ред. Ю. Д. Анчабадзе и Ю. Г. Аргун). М., 2007. С. 322-331.
20. Материалы по истории Абхазии XIX века. Сухум, 2008. Т. I.
21. Материалы по истории Абхазии XVIII-XIX века. Сухум, 2011. Т. II.
22. Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III.
23. *Пигарь С. С.* Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 117-127.
24. *Пигарь С. С.* Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 4. С. 185-192.
25. *Пигарь С. С.* Лидерство у горцев Кавказа в XIX в.: абхазский вариант // Известия СОИГСИ. 2017. № 24 (63). С. 26-36.
26. *Рыбинский Г. А.* Скотокрадство в Абхазии. [2, с. 308-312].
27. *Рыбинский Г. А.* Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894.
28. *Серебряков Л. М.* Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. // Морской сборник. 1865. №6. С. 90-105.
29. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.
30. *Фадеев А. В.* К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.

31. *Фадеев А. В.* Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939. Сборник первый. С. 105-126.

32. Цивилизационные модели политогенеза (под. ред. Д. М. Бондаренко и А. В. Кортаева). М., 2002.

**Глава I. Общие черты социально-экономического строя
и политической культуры абхазского народа в конце XVIII - второй
половине XIX века**

Сложной задачей, всегда стоявшей перед абхазоведением, было воссоздание внутренней структуры абхазского традиционного общества. В 60-х годах XIX в. отмечалось, что по своему устройству оно представляет собой нечто среднее между народовластием вольных горских сообществ Северного и Западного Кавказа, и феодальными отношениями, господствующими в соседней Грузии. Впервые на такой нетривиальный характер абхазского общества обратил внимание А. П. Черепов, писавший о нем в 1866 г., что: "Сочетание... двух начал – демократического и аристократического – в обществе, только что рождавшемся для гражданственности, положило самые разнообразные и запутанные формы общественных состояний и отношений" [29, с. 156]. То же самое отмечал П. Д. Краевич: "С одной стороны, стояла владетельская власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий" [13, с. 3].

Наиболее очевидным решением было представить его в стадийном смысле - как переходный этап развития между племенем и ранним государством, на котором в какой-то момент исторического развития остановилось абхазское общество. Но такая модель не объясняла сущность целого ряда оригинальных черт общественной жизни Абхазии. К таковым относились:

- целенаправленное ограничение рыночных форм эквивалентного обмена и аскетизм быта всех сословий;
- отношения между сословиями, основанные на взаимозависимости и силовом паритете;

- институт владетельного князя страны (*ах*), возвышенного не только над обществом, но и над собственной фамилией, а также его личных представителей (*ацнахума*), которые не образовывали классической феодальной дружины;

- всеобщность народного схода, уникального равным участием представителей господствующего и подвластного слоев общества;

- осознанное этническое единство в рамках страны при отсутствии экономической и слабой политической интеграции.

В научной литературе эти оригинальные черты абхазского традиционного общества не удостоились подробного рассмотрения и воспринимались как архаичное наследие прошлого, как пережитки. При этом оставалось неясным, как абхазам: во-первых, удалось на протяжении истории сохранить таковую архаичность при близком соседстве и неизбежном взаимодействии со столь сложными общественными системами, как например элинская, византийская, грузинская, османская. Во-вторых, каким образом абхазы сумели обеспечить осознанную этнокультурную целостность на уровне народа, а не конгломерата племен, успешно сохранять свою идентичность и выступать (пусть и не всегда) как целостный субъект политических отношений регионального уровня.

Вырисовывалась картина сложного переплетения трудно совместимых явлений: глубокого и осознанного социокультурного единства страны, ее способности выступать как политически единое целое (в качестве владетельного княжества) при отсутствии оформленных иерархических (вертикальных) структур власти и управления (бюрократического аппарата), экономической мозаичности страны, преобладания в обществе горизонтальных форм интеграции населения - родственных и соседских коллективов. П. Д. Краевич писал об Абхазии: "Главнейшими условиями внутренней жизни... является: внутреннее устройство страны, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействовавших административной централизации, и обычаи ассаства (переселения, орфография как в источнике - *С. П.*) и кровомщения, кои, принося свою пользу обществу, содействовали, с другой стороны, развитию

самоуправства" [Там же, с. 2]. В то же время Р. де-Скасси, сравнивая абхазов с их соседями, отмечал: "Гораздо легче будет договориться с абхазцами, чем с черкесами, т. к. надо будет иметь дела только с двумя князьями Сафир-беем и Гассан-беем, которые пользуются у них большим влиянием, тогда как у черкесов - множество князей, интересы которых различны, и между которыми существует семейная вражда, с трудом заглушаемая" [31, с. 647].

Получается, что более уместно говорить не об архаичности абхазского традиционного общества конца XVIII - второй половины XIX в., а о пусть не совершенной, но оригинальной системе, эгалитарные и элитарные тенденции в которой целенаправленно уравнивались через общественные институты и традиции. Тем интереснее для понимания внутреннего устройства этого общества рассмотреть, каковы были существующие в нем формы и принципы интеграции людей. Для этого по отдельности будет рассмотрены оба ее варианта:

- вертикальный, предполагающий интеграцию общества в форме иерархической системы, который воплощался в институтах власти и управления;
- горизонтальный, основанный на началах народовластия и воплощенный в институтах народного самоуправления.

Особенности социально-политической структуры, которая описывается в работе, были обусловлены спецификой экономического уклада, социальных отношений и политической культуры абхазов, заслуживающих краткого обзора.

§ 1. Экономический уклад

Территория проживания абхазского народа представляет собой природно-географической нишу, с мягким субтропическим климатом, высокой плодородностью почв и сложным рельефом местности. Активные процессы выветривания горных массивов, обильные осадки - в среднем около 1500 мм в год и среднегодовая температура +15 °С - обеспечивают обилие пищевых ресурсов, а высотная поясность - их разнообразие на территории Абхазии. Ввиду этого

исторически сложившийся местный тип хозяйствования характеризовался низкими трудозатратами при многоукладности, когда задача накопления продовольствия решалась не через интенсификацию отдельного вида производства, а путем сочетания целого комплекса производящих и присваивающих форм: земледелия, скотоводства, охоты, бортничества и рыболовства. Богатство местной природы позволяло населению успешно сочетать эти отрасли, избегая жесткой экономической специализации. В зависимости от места проживания, в горах или предгорьях определенный вид хозяйствования мог получить приоритет, но никогда не становился единственно главным. Важное наблюдение: за всю историю абхазского народа не известно ни одного случая массового голода - столь характерной в истории человечества беды, постигавшей и куда более развитые общества. В 1854 г., когда еще наблюдался традиционный уклад жизни абхазов, С. Пушкарев, несколько утрируя, писал: "земледелец здешний не спешит с наступлением весны взяться за плуг или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; он не боится неурожая, он знает..., что и на этой пол-десятине Бог дарует ему кукурузы... весьма достаточно на годовую пропорцию для всей его семьи... И без этих хлопот в вековых лесах Абхазии зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодоносные деревья... в таком изобилии и оттого в таком небрежении, что ставятся на одну степень с нашим дровяным лесом. И вы думаете, что абхазцу нечем полакомиться? Ему стоит только взобраться на дерево с дуплом взять из него сколько нужно сотового меда... А рыбный стол разве редкость для него? В любом ручье он закинет сеть и вытащит десяток вкусных форелей... И так... он обеспечен насущным куском хлеба, а за большим, по природе своей, и не гонится" [21, с. 161]. Последнее замечание обращает внимание на аскетический быт абхазов, исторически сложившийся подход к хозяйствованию, лишенный стремления к предельной эффективности, а значит - форсированной эксплуатации природных ресурсов, чреватой их истощением.

В источниках, описывающих быт абхазов в конце XVIII - второй половине XIX вв. такой аскетизм при богатстве природных ресурсов порой трактовался как нищета, порожденная его нерациональным укладом: всеобщей воинственностью, хищничеством и разорительными масштабами гостеприимства [3, с. 327; 27, с. 57]. Группы иных народов, живших на территории Абхазии в разные исторические эпохи, например эллины или османы, сумели, опираясь на местные ресурсы, организовать свой быт куда комфортнее автохтонного населения. Однако необходимо учитывать, что: "Разнообразие этнокультурных... реалий, которые могут выступить критериями рациональности/нерациональности в экономическом мышлении и поведении людей подтверждает... что рациональность как максимизация прибыли является лишь одним из его (поведения) вариантов" [12, с. 80]. Соответственно данное обстоятельство уместно рассматривать не как аномалию, а как специфическую черту рассматриваемого общества. Она проявлялась в двух особенностях имущественных отношений у абхазов: а) аморфности института частного землевладения; б) отсутствии эквивалентного обмена в форме товарно-денежных отношений как постоянной и универсальной экономической практики.

Согласно записке Кавказского горского управления за 1870 г., у абхазов "земля не возделанная не может быть предметом чьей-либо частной собственности, и только чрез приложение к ней труда может поступать в частное исключительное владение. Главным обычным способом приобретения земель в частное владение служит, для всех без исключения сословий, беспрепятственная расчистка земель, никем исключительно не занятых" [26, с. 561]. То же самое сообщает П. Д. Краевич: "приложение к земле труда дает права собственности на оную" [13, с. 15], поясняя, что: "За исключением известных категорий земель, подлежащих частному владению, все остальные земли, лежащие в районе местности селения, не могут быть предметом чьего-либо исключительного владения и состоят в общественном пользовании, для пастьбы скота, для устройства зимних приютов (для этого последнего), для рубки дровяного и

строевого материала, в размере своих собственных потребностей; все имеют право свободной расчистки этих земель, за некоторыми, установленными обычаем, ограничениями" [Там же]. Недостатком такой неполной институционализации частного землевладения являлась царившая в Абхазии неравномерность распределения земельных угодий, которая определялась фактической способностью освоить и отстоять определенный участок.

Прямое отношение к вопросу об освоении и владении землей имеют такие особенности абхазской жизни как рассеянный, хуторской способ расселения, а также широкая практика переселения отдельных людей и семейных групп. При этом - полное отсутствие исторических сведений о наличии безземельных, за исключением немногочисленной группы домашних рабов, и то при заключении брака наделяемых участком. В совокупности все это говорит об отсутствии в Абхазии дефицита земельных ресурсов. Как следствие - отсутствовала серьезная необходимость в выработке правовых норм и процедур ее владения и передачи, т. е. создания юридической категории неотчуждаемого землевладения. Земли было много, а для решения вопросов связанных с ней вполне хватало имеющихся изустных норм традиционного права.

Важно также, что обилие пригодной для возделывания земли позволяло практиковать подсеčno-переложную систему полеводства [9, с. 233], избегая тем самым как истощения почв, так и необходимости интенсивно совершенствовать технологию возделывания земли.

Всеобщая доступность и право на пользование по факту вложения труда распространялась и на имевшиеся в стране месторождения полезных ископаемых, находившихся в общем пользовании ее населения [2, с. 94; 5, с. 140; 25, с. 23].

Описанная доступность основных экономических благ - природных ресурсов, была одной из важнейших положительных сторон жизни абхазского народа, а потому ставила перед ним задачу сохранения этого ресурсного потенциала. Она была решена абхазами через ограничение потребления, что предполагало запрет на интенсификацию труда, т. е. стремление к безудержному

накоплению и техническому прогрессу. В результате складывался оригинальный тип хозяйствования, сочетавший всеобщую доступность природных ресурсов при крайне умеренном потреблении и низких трудозатратах.

Другой самобытной чертой жизни абхазов являлось целенаправленное ограничение оборота материальных благ, организованного по принципу эквивалентного обмена: торговли, бартера, оплаты труда и помощи. За редким исключением всякая торговля осуждалась этически, поэтому происходила в эпизодической форме и сводилась к приобретению дефицитных товаров зарубежного производства и продаже местного древесного сырья, бортнической продукции, виноматериала, рабов и велась абхазами с иностранцами, а не между собой. На всем лежала печать принципа материальной достаточности и реципрокции: "коренное население для сбыта ничего не производит. В продажу идут одни остатки от хозяйственных потребностей и то с большими затруднениями. В селениях заезжему человеку купить решительно ничего нельзя. Все, что нужно, ему предложат даром, без денег, но продавать не станут - это считается по понятиям горцев, совсем неприличным, и за все можно заплатить только одними подарками. Таков обычай... На личные деньги торговля производится по городам и местечкам и находится в руках мингрельцев и имеретин и отчасти у армян и евреев. Торговля же по селам до сих пор идет почти одна, «меновая» и ее ведут преимущественно только мингрельцы" [16, с. 452]. У другого автора: "догматы и самобытный склад мировоззрения абхазцев делают их безразличными к торговле, к промышленности... считают за стыд промышлять, пользоваться доходом от продажи продуктов своего хозяйства", "все, что требуется для них чтобы появиться в приличном виде среди своего общества, есть изделия их жен и дочерей, в лавках покупается лишь то, что невозможно сделать самим" [23, с. 14,15]. На крайнюю умеренность и самообеспеченность в быту у абхазов обращают внимание и другие авторы: И. Ф. Бларамберг [2, с. 96, 98], С. М. Броневский [3, с. 327], Ф. Дюбуа де Монпере [6, с. 123], Ф. Ф. Торнау [27, с. 57, 61]. Особенно важно, что эта умеренность была в абхазском обществе

универсальна: знать, за небольшими допущениями [3, с. 346], также жила довольно скромно, даже при наличии серьезных источников дохода. Исключение составляла особа владетельного князя и его семья, но не род (фамилия) в целом. Лишь к концу XIX в., получив представление о стандартах жизни высших сословий в других странах, местная знать начинает все более тяготеть к обогащению и роскоши, что ускоряет материальное расслоение общества. Но это уже было одним из проявлений кризиса традиционного местного образа жизни, сориентированного на умеренность в потреблении материальных благ.

Такая ориентация смягчала социальные конфликты, могущие возникнуть на почве имущественных отношений: помимо упомянутого отсутствия резких различий в материальном быту между сословиями, абхазское общество обладало возможностью всеобщего обеспечения базовыми ресурсами, необходимыми для выживания. Население Абхазии как не ведало настоящего голода, так же не имело в своем составе экономически маргинальных групп - т. е. настоящей нищеты, исключенной из общественного разделения труда и лишенной социальных функций и прав: бродяг, нищих, сирот.

Конечно, все это не значит, что у абхазов отсутствовала имущественная градация общества или общечеловеческое стремление к обогащению. Однако они были вытеснены традиционной культурой в строго ограниченную область престижных благ, ценных не столько как предметы роскоши, сколько соединяющих в себе полезные в повседневной жизни функции с ролью атрибутов-символов социального и политического статуса владельца, если можно так выразиться - "артефактов социальности": "Спросите... абхаза, что является пределом его желаний. Ружье, сабля, кинжал, испещренный узором... серебра, перевязь и портупея, украшенные металлическими бляхами, пороховница и маленький ящик, где он хранит сало для смазывания пуль, — вот все, что необходимо для его счастья. Прибавьте к этому разорванную одежду, убогую саклю, горсть проса, - но все это уже дополнительные принадлежности... Оружие - вот его счастье и богатство!" [6, с. 121]. В другом месте читаем: "абхазец

крестьянин не стыдится черной работы и хотя он не так трудолюбив, как-то было бы желательно, руки его корявые, мозолистые... Всякую продажу, торгашество абхазец считает делом... оскорбляющим достоинство человека-воина... Хотя им трудно живется и есть позыв выйти из рамок спартанского аскетизма, но он всеми силами старается уклониться от наемного труда, считая такое положение для себя унижением. Он признает труд только на самого себя и если вы его увидите работающим на князей и дворян, то... он выполняет это не за плату, а в виде взаимного одолжения" [23, с. 15-16].

Обращает на себя внимание примат социального и этического над материальным, что было закономерно для народа, у которого экономическое обеспечение, исторически не являлось залогом выживания. Поэтому экономические отношения у абхазов не являлись первичной определяющей общественной жизни, а были подчинены принципам социальной и культурной природы: "Не голод, не выигрыш, а гордость и престиж, ранг и статус, публичная похвала и личная репутация обеспечивали стимулы для индивидуального участия в производстве" [20, с. 26]. В сочетании с экономическими предпосылками такие принципы (подробнее о них будет сказано ниже) и обеспечивали описанные особенности абхазского общества: отсутствие маргиналов, резкого материального расслоения и всеобщую обеспеченность первичными экономическими благами.

Особо выделяется ограничение у абхазов товарно-денежных отношений и шире прямого эквивалентного обмена. Уже сам принцип минимальной достаточности в материальной жизни, низкий уровень развития технологий и сложный рельеф страны, разделяющий ее на множество обособленных областей, предрасполагали к слабой инфраструктурной связности страны, при которой стабильный товарооборот затруднен и нерентабелен. Отсюда проистекала экономическая мозаичность страны, ее разделение на множество экономически и, в какой-то мере, политически самодостаточных территориальных организмов.

Добровольный отказ абхазского общества от товарно-денежных отношений был результатом его стремления к сохранению своей самобытности, поскольку решал триединую задачу:

а) исключал возможность чрезмерного накопления материальных благ в одних руках, сохраняя систему их более-менее равномерного распределения;

б) строго ограничивал товарооборот с соседними регионами и заезжими купцами, что позволяло абхазской натуральной экономике индивидуальных хозяйств избежать конкуренции с более совершенными в структурном и технологическом плане экономическими организмами;

в) блокировал неконтролируемое культурное влияние извне, мощнейшим каналом которого были внешние торговые связи. Привнося знания и технологии ойкумены, это влияние одновременно разрушало единое смысловое и знаковое пространство абхазского общества. Как уже было сказано, экономически Абхазия была фрагментирована, а значит этническое и политическое единство страны обеспечивалось через культурную однородность и социальные институты, основанные на солидарности. Ограничение связей с внешним миром становилось залогом сохранения культурного и, шире, этнического единобразия.

Совокупное решение всех трех задач позволяло абхазскому обществу избежать отчуждения людей на экономической и культурной почве, которое неизбежно бы разрушило те родовые и соседские институты, на которых оно было основано. Также обеспечивалась высокая степень экономической самостоятельности населения за счет сведения к минимуму товарно-денежных отношений.

Разумеется, обмен ресурсами и услугами существовал, но в более архаичной и удобной для доиндустриального общества форме реципрокного обмена (подробно см. § 2 настоящей главы).

В результате описанного выше у абхазского народа оформился такой экономический уклад, который превращал его в совокупность материально слабо зависящих друг от друга индивидов, объединенных во множество локальных

самодостаточных хозяйственных организмов, не нуждающихся в общем руководстве. Это была прочная основа для того, чтобы население страны, опираясь на природные ресурсы, а также свой трудовой и интеллектуальный потенциал, сорганизовалось в автономные самоуправляющиеся сообщества, не нуждающиеся в централизованном распределении ресурсов в масштабах страны. Таким образом, описанный экономический уклад во многом обусловил сохранение и развитие в Абхазии в рассматриваемую эпоху традиций и институтов народовластия.

§ 2. Общие черты социального строя

Абхазский социум состоял из трех сословных групп: знати, крестьянства и рабов. Каждая из них делилась на ряд иерархически расположенных социальных категорий, пронизанных горизонтальными родственно-соседскими связями. Поскольку социально-политические отношения у абхазов носили персонифицированный характер, обязательства и повинности между представителями разных социальных страт относительно друг друга не были строго стандартизированы, а в каждом конкретном случае определялись межличностными договоренностями. Ввиду однородности экономического уклада абхазов, отсутствия разнообразия в трудовой специализации населения, такие повинности ограничивались тем, что подвластный, сообразно договоренностям, делился со своим патроном определенной долей урожая и оказывал трудовую помощь в его хозяйстве. Размеры и регулярность этих повинностей зависели от множества факторов: межличностных договоренностей, социальной принадлежности лидера и подвластного, влиятельности каждого из них, наличия или отсутствия каких-либо уз, родственников или соседских, между ними, особенностей властных взаимоотношений в данном регионе страны.

На вершине абхазского общества находился *ах* - владетель всей Абхазии. Являясь одновременно верховным сувереном страны, живым символом единства

народа и высшей чрезвычайной судебной инстанцией, он не имел себе равных по статусу. Его фигура возвышалась над сословно-категориальной структурой абхазского социума.

Сословие знати включало следующие категории:

- князей - *атауад*, к которым относились наиболее влиятельные, крупные и древние аристократические фамилии. Две наиболее могущественные из этой категории фамилии - Чачба (Шервашидзе) и Амаршан (Маршания), господствовали: первая - над прибрежной и предгорной, а вторая - над горной частями страны, выдвигая из своей среды удельных князей для каждой из провинций Абхазии, входящих в подконтрольную им зону. Кроме того Чачба (Шервашидзе) удерживали за собой титул владельца всей страны (*ах*);

- дворянство - *аамста*, которые сообразно влиятельности и размерам подконтрольной территории делились на дворян крупных (*аамста ду*) и дворян мелких (*аамста гячь*). Данная категория исторически сложилась на основе княжеской свиты из тех, кто сумел положение приближенных обратить в постоянный аристократический статус и закрепить его через династические браки и обретение влияния на определенной территории.

Сословие крестьян состояло из двух категорий:

- лично свободных крестьян - *анхаю*. Это была наиболее многочисленная социальная группа абхазского общества: согласно переписи 1868 г. общее число жителей страны составляло 66 468 чел., из них 46 тыс. чел. относилось к *анхаю* [24, с. 18]. Лично свободное крестьянство обладало правом собственности на землю, перемены места жительства и применения оружия, а его взаимоотношения со знатью основывались на началах взаимовыгодного сотрудничества. Будучи главным производителем в хозяйстве страны, а также основной рабовладельческой группой в абхазском обществе - они владели 72 % всех рабов, живущих в Абхазии, *анхаю* обладали полной трудовой и материальной самостоятельностью по отношению к остальным социальным категориям;

- лично зависимых (крепостных) крестьян - *ахую*, ведущих индивидуальное хозяйство и отбывающих повинности в пользу господина - аристократа или лично свободного *анхаю*. "Земля, на которой они жили, им не принадлежала и помещики никогда не стеснялись, когда им нужно было переводить этот класс крестьян на другое место", "помещики имели право их продавать и дарить, не разрознивая конечно семейство" [18, с. 468].

Сословие рабов представляли *ахацала*, приобретенные путем купли или захвата в плен и живущие непосредственно в хозяйстве владельца. Они были бессемейными и не имели никаких имущественных прав.

Любопытной чертой сословно-категориальной структуры абхазского общества было наличие обособленных переходных социальных групп между общественными стратами, каковыми были:

- *ацнахума* - промежуточная форма между лично свободным крестьянством и дворянством. Это были личные представители владетельных князей на местах, комплектовавшиеся главным образом из числа *анхаю*, но пользовавшиеся дворянскими привилегиями (подробнее см. Глава II, § 4);

- *амацуразку* - переходная форма между *анхаю* и лично зависимыми крестьянами (*ахую*) [11, с. 157]. Они, так же как и последние, несли регулярные обязательные повинности, но в урезанном виде;

- *агыруа* - переходное состояние между лично зависимыми *ахую* и рабами. От последних отличались наличием семьи и собственного индивидуального хозяйства на земле господина.

Помимо владельца страны вне социальной иерархии находилась обособленная социальная категория вольноотпущенников - *азатов*. Это были выходцы из категорий лично свободного или зависимого крестьянства, избавленные от каких-либо повинностей, служб или сословных обязанностей, зачастую пополнявшие ряды духовенства.

Наличие обособленных переходных групп между социальными категориями, а также внесословной категории *азатов* было обусловлено

особенностями абхазской практики освобождения от зависимости: "По народному обычаю в Абхазии освобождение из зависимости бывает полное и неполное. В первом случае освобождаемый делается человеком совершенно свободным и никому никакими податями, взносами и услугами не обязан (становится *азатом* - С. П.). Во втором - освобождаемый переходит из одного зависимого сословия в другое" [29, с. 72].

Результаты переписи, проведенной в 1868 г. в Пицундском и Очамчирском округах Абхазии (провинции Бзыб и Абжуаа соответственно), демонстрируют численное соотношение различных социальных категорий абхазского общества. Из общей численности населения, учтенного в переписи, категория *атауад* составляла 2%, *аамста* - 3%, *ацнахума* 2%, *анхаю* - 70%, *амацуразку* - 2%, лично зависимые *ахую* и *агыруа* - 12%, *ахацала* - 2% и *азаты* - 3% [24].

Внутренняя жизнь абхазского общества конца XVIII - второй половины XIX в. характеризовалась развитыми традициями групповой солидарности, родственной и соседской, выполнявшей функцию распределения социально-экономической нагрузки, с одной стороны, и благ с другой, внутри коллектива. Это позволяло ослабить тяжесть жизненных проблем, ложившихся на каждого человека в отдельности, и в то же время блокировать социальное и имущественное отчуждение в обществе. Реализация групповой солидарности, ввиду особенностей социально-экономического уклада абхазов, происходила в виде реципрокных взаимодействий.

Как известно, реципрокция представляет собой обмен, облеченный в форму жестов доброй воли - дара или услуги, который хотя и подразумевает эквивалентность, но сугубо приблизительную, а не строго пропорциональную, как в товарно-денежных отношениях. Именно в этой приблизительной, нечеткой эквивалентности таится сама суть реципрокного обмена как вполне рационального, но в котором материальная мотивация приведена в строгое соответствие с соображениями социального и этического порядка: "Реципрокность фиксируется в том случае, когда можно утверждать, что ни

принцип максимизации прибыли, ни альтруизм не были исключительными стимулами" [32, р. 184]. Это была всеохватывающая социальная практика, реализуемая как межличностная коммуникация. Целью людей, участвующих в реципрокном обмене, было не получение сиюминутной материальной прибыли, а поддержание и расширение собственных социальных связей - основополагающей ценности в доиндустриальном обществе, определяющей способность человека решать экономические, политические или когнитивные задачи. Посему эта коммуникация реализовывалась в форме взаимного добровольного обмена дарами и услугами. Как отмечал в 1882 г. К. Мачавариани: «Почти все благосостояние Абхазии держится на взаимных услугах абхазцев», «Стоит только абхазцу сказать: «мне эта вещь нравится»... как тот, к кому обращены эти слова... уступает ее тому, кому она понравилась, получая взамен может быть старые изодранные вещи. Но он знает, что его подарок рано или поздно оплатится ему чем-нибудь лучшим» [15, с. 54, 62]. Для людей, связанных узами родства или соседства, такая коммуникация была обязанностью, а для чужих друг другу - способом подать знак расположения и доверия, пригласить к установлению контактов: «в Абхазии считалось очень неприличным прийти с просьбой без какого-нибудь подарка, а непринятие его было равносильно отказу в просьбе» [18, с. 469].

Реципрокные взаимодействия содержали значительную морально-этическую составляющую, поскольку внешне оформлялись как проявление альтруизма, связывающее людей обязательством быть благодарными. Это характерно для обществ, «в которых социальные нормы не вырастают из экономического эгоизма индивида, а сдерживают его» [1, с. 20].

Реципрокный обмен служил прочной основой для обеспечения двух важных особенностей общественных отношений в горско-кавказском обществе:

- он обеспечивал единство родственных и соседских коллективов и соответственно их способность самостоятельно решать повседневные социальные и экономические задачи;

- как вид коммуникации, осуществляемый в межличностной форме, он обуславливал персонифицированный, личностный характер всяких общественных отношений, которые реализовывались строго как взаимодействие двух персон.

Важно понять, что реципрокный обмен - явление социальной природы, но тесно связанное с экономикой в силу того, что использует обмен услугами и ресурсами как инструмент. Более того, становясь постоянной практикой, реципрокность превращалась в один из основных механизмов перераспределения социальной нагрузки и ресурсов: «Она может достигаться посредством распределения трудового бремени в соответствии с определенными правилами перераспределения (например, при выполнении того или иного действия «по очереди»). Аналогично, реципрокность иногда достигается посредством обмена в установленных пропорциях, который выгоден партнеру, испытывающему необходимость в чем-либо... В результате в нерыночных хозяйствах две формы интеграции – реципрокность и перераспределение – работают вместе» [19, с. 90]. Таким образом, материальное достояние и социально-политические возможности всякого человека становились в определенной степени достоянием тех коллективов, к которым он относился, но одновременно он и сам использовал их ресурсы и потенциал.

В связи с темой перераспределения обращает на себя внимание царившая у абхазов строгая экзогамия, как механизм, препятствующий обособлению всякого родственного коллектива и тем самым блокирующий чрезмерную концентрацию в его руках ресурсов, поскольку "Экзогамная форма брака предполагала уход части имущества родственной группы... за ее пределы в пользу рода невесты" [17, с. 82], т. е. служила каналом распределения материальных благ, но уже не внутри, а между отдельными родственными коллективами в масштабах всего общества.

Из функции перераспределения вытекала другая фундаментальная функция групповой солидарности у абхазов. А именно - обеспечение доверия и гарантий от социальных угроз в условиях отсутствия универсальных институтов правопорядка, низкоэффективной экономики и персонифицированного характера

общественных отношений. Имея целью не концентрацию, а равномерное распределение благ, возможностей и привилегий, групповая солидарность предоставляла каждому члену коллектива доступ к его ресурсному и социально-политическому потенциалу.

Как принцип взаимодействия людей, солидарность связывала людей сугубо личными узами. Это позволяло соединить потребность общества в доверии и взаимопомощи с крайним индивидуализмом в ментальности и образе жизни абхазов, когда только родство и соседство, освященные традицией, накладывающие жесткие обязательства взаимопомощи и понятные в своей простоте, могли гарантировать единство людей. Особенно это касается родства, оказавшегося настолько эффективной формой объединения в горском обществе, что она была воспроизведена в институтах имитирующих реальное биологическое родство - молочном родстве и аталычестве.

При системообразующей роли групповой солидарности в структуре абхазского общества, реальные возможности всякого человека определялись совокупным количеством людей, готовых его поддержать. Обретение и удержание социальных контактов основывалось на реципрокных взаимодействиях, а также на репутации, старательно выстраиваемой человеком на протяжении всей жизни. Именно отсюда проистекает столь важная роль, отводимая в местной культуре личной славе и этикету. Обретение славы служило способом заявить о собственных возможностях, а равно и пользе дружбы и сотрудничества с собой. Этикет же, строгий и детализованный, как выпестованный историческим опытом народа стандарт межличностной коммуникации, гарантировал, при его соблюдении, позитивное отношение к человеку в делах и быту. Соединяясь вместе, широта социальных связей и репутация порождали авторитет, как показатель реального статуса человека в обществе, в зависимости от которого находились его материальное положение и политические возможности и даже психологическое состояние. Получалось, что

социальный капитал (авторитет) был базовым в общественной жизни абхазов, а экономический (богатство) и политический (власть) - производными от него.

С другой стороны, ресурсный и социально-политический потенциал всякого коллектива складывался из потенциала его членов, а значит, коллектив был заинтересован в росте авторитета и богатства каждого из них, с тем, чтобы обратить их успехи в общую пользу.

В такой ситуации культура и социум у абхазов не подавляли социальную активность личности, ее желание утолить собственные амбиции, а стремились их регулировать таким образом, чтобы растущее влияние, богатство и слава человека становились достоянием не его одного, но тех родственных и соседских групп, к которым он относился. Поэтому столь большое значение придавалось тому, чтобы поведение всякого человека строго соответствовало общепринятым этическим нормам, направленным на то, чтобы деятельность людей была предсказуемой и социально полезной, а значит, не отчуждала, а сплачивала их. Значение этикета как механизма обеспечения целостности общества у абхазов ярко проявлялось в существовании представлений о социальной смерти человека - ситуации, когда, нарушив этические нормы, человек отторгался коллективом и превращался в «живого мертвеца» [10, с. 47]. Он становился существом, лишенным чести, а потому не заслуживающим отношения к себе как к полноценному человеку. Степень отчуждения таких людей от общества была такова, что с ними даже не садились за один стол. Ключевой момент здесь таится в разрыве отношений между коллективом и личностью, нарушившей нормы его бытия.

Наоборот, социально полезные качества в этической системе абхазов, особенно героизм и самопожертвование, имели явно выраженные приоритет перед миром личных чувств и счастья человека, что нашло отражение в народном творчестве. К примеру, как отмечал Ш. Д. Инал-ипа: "в абхазской народной поэзии резко преобладают «песни мужества», прославляющие героизм, храбрость

и отвагу в боях с неприятелями и чужеродцами, в то время как любовная лирика представлена сравнительно очень скромно" [Там же, с. 27].

В результате всякий коллектив был заинтересован в успешной социальной активности своих членов. Те из них, кто достигал на этом поприще успехов, становясь влиятельной и известной персоной, рассматривались как ценное достояние коллектива. Это проявлялось во взглядах на ценность жизни успешных членов коллектива. Характерен случай, произошедший в середине XIX в.: князья Амарщан (Маршания) совершили нападение на *акыта* (территориальное сословное сообщество, подробнее см. гл. IV § 3) Члоу, управляемое князем Батой Ачба. Он организовал погоню за нападавшими, настиг их и вступил в бой. В результате погибли предводители обеих сторон. Оба они были представителями равных по знатности княжеских фамилий, к тому же организатор нападения поплатился за него жизнью. Тем ни менее Б. Ачба обладал большим личным авторитетом, а потому его род счел себя пострадавшей стороной, как потерявший "более выдающегося человека" [8, с. 82].

Подводя итог, можно утверждать, что социальный строй и этическая система абхазов обеспечивали устойчивую взаимосвязь между личностью и коллективом. Суть ее заключалась в том, что родственные и соседские коллективы не подавляли социальную активность и амбиции своих членов, а оказывали содействие и регулировали ее, обретая возможность получать и распределять внутри себя результаты этой активности в виде новых ресурсов или расширения собственного влияния и мощи. Эта взаимосвязь была равновесной: целостность, сила и богатство всякого коллектива зависели от успехов отдельных его членов в той же мере, в какой их собственное положение в обществе, безопасность и широта возможностей - от поддержки самого коллектива.

§ 3. Особенности политической культуры

Поскольку иерархическая модель интеграции не стала основной в абхазском обществе, существующие социально-политические институты не превратились в обезличенные бюрократические структуры, а всегда олицетворялись в одной или нескольких конкретных персонах. Потому всякое политическое событие, пусть даже масштабное, понималось как имеющее последствие исключительно для его непосредственных участников, а не общества или какой-то социальной страты в целом. Эта черта, характерная для мышления горских народов Кавказа, накладывала жесткие ограничения на возможность какой-либо внешней или внутренней силы подчинить местное общество, утвердить в нем четкую вертикаль власти. Она было тонко подмечена Р. А. Фадеевым в "Кавказских письмах", где он описывал кавказские народы как "сильные именно отсутствием всякой централизации, которых потому невозможно было сокрушить одним ударом, а приходилось покорять человека за человеком" [28, с. 128]. Таким образом, политической культуре абхазов был присущ глубоко персонифицированный, личностный характер социально-политических отношений, реализующихся как межличностное взаимодействие двух конкретных людей.

Примером персонифицированного характера власти в политической культуре абхазского общества может служить тот факт, что с приходом в Абхазию русской имперской администрации ее политика становилась результативной только в случае появления в ней сильной характером и влиятельной личности, олицетворявшей власть и волю государства в стране. Администрация, как сила управляющая, становилась таковой только при условии ее четкой персонификации в глазах местного населения. Всякие договоренности и правила в отношении управляющих инстанций и войск понимались этим населением как заключенные с конкретным их представителем, а не безликим чиновным аппаратом. Пример тому - фигура генерала А. Г. Пацовского (1788—1839 гг.), его взаимоотношения с населением Бзыбской Абхазии: "Значение,

которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе... не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили" [27, с. 36]. При других администраторах такие взаимоотношения имели враждебный характер.

Напрашивается вывод, что власть в абхазском обществе понималась не столько как институт, сколько как свойство личности. В деле ее обретения и удержания личные качества человека играли здесь гораздо более важную роль, чем в социумах, где общественный статус индивида и его претензии на власть основывались в большей мере на социальном происхождении и экономической состоятельности. В Абхазии они служили лишь подспорьем в деле его возвышения. Этот принцип был универсален для абхазского общества, что видно на примере владетельного князя - верховного правителя страны: "Власть владетеля зависит более всего от его личных достоинств и от того влияния, которое он приобрел на народ" [4, с. 23]. Удивительный пример такого приоритета персональных качеств приводил в 1837 г. Г. В. Розен. Описывая положение русских дезертиров и пленных, живущих в Цабале, барон упоминал, что один из них: "старик, проживший в Цебельде более 30-ти лет, одаренный от природы хорошим понятием, пользуется некоторым уважением даже у самих князей, которые нередко допускают его к разбору своих ссор" [22, с. 459]. Учитывая его иноземное происхождение и изначально маргинальный статус, способность достигнуть такого авторитета красноречиво свидетельствует о высокой роли персональных качеств в общественном статусе человека в абхазском обществе.

Такое понимание власти ограничивало возможность абхазских лидеров эффективно использовать формальные рычаги влияния на общества - идеологию и право. Так, политическая власть в традиционных представлениях абхазского общества была практически лишена сакральности и представлялась как сугубо светская область человеческой деятельности, что было естественно для общества

конфессионально неоднородного, лишённого всякого религиозного фанатизма, а равно и политически влиятельного духовенства. Эта особенность служит показателем уровня политической культуры абхазов, сумевших избежать контроля власти над духовной сферой жизни общества. Конечно, данные о средневековой Абхазии показывают, сколь сильны в ней были позиции христианской церкви, однако в рассматриваемую эпоху это было в прошлом. Мусульманское же влияние, в отличие, к примеру, от горцев Северо-Восточного Кавказа, не затрагивало здесь социальной структуры [9, с. 587].

Базовым в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. был социальный капитал - авторитет, он и служил главной основой власти лидеров. Приоритетное значение авторитета человека (репутации и широты личных связей) над социальным происхождением было выражением сильных потестарных тенденций - сильная личность, используя потенциал своих социальных связей и персональных качеств, утверждала свою власть, ставя общество перед необходимостью признать ее: "Предприимчивый, энергичный и смелый человек, владеющий деревней, может стать грозным и создать себе репутацию, которая увеличит его богатство" [5, с. 146]. В другом источнике: "Между членами владетельского дома, прочими княжескими фамилиями и дворянами... степень влияния каждого лица из этих сословий зависит от лично заслуженного уважения. Сильный дворянин имеет более веса, чем слабый князь" [7, с. 343].

В то же время такое значение персональных качеств ничуть не умаляло роль групповой солидарности, в первую очередь родственной, в политической жизни страны. Это неудивительно, поскольку соединение людей по родственному и соседскому признаку основывалось на общности насущных жизненных интересов людей. Отделенные от населения и производства бюрократические структуры контроля и управления в Абхазии изучаемого периода отсутствовали. Население объединялось в родственные и соседские сообщества, на которые только и могла опереться власть всякого лидера. В 1869 г. П. Д. Краевич писал по этому поводу,

что в Абхазии "власть... была слишком слаба для выполнения лежавших на ней обязанностей по управлению страной и должна была опереться вследствие того на порядок и внутренне устройство, выработанные самим народом, возникшие в его среде именно вследствие непрочности, ненадежности, слабости той власти" [13, с. 8].

В руках умелого лидера внутренне спаянные родственные и соседские коллективы превращались в эффективное орудие упрочения своей власти, хотя такая связь порождала взаимные обязательства, способные в какой-то момент обратиться против его неумеренных амбиций. Поэтому всякое управленческое решение в политической практике абхазов представляло собой консенсус между интересами лидера и коллектива, на который он опирался.

Как и для других горских народов Кавказа, характерной чертой политической культуры абхазов была роль людей старшей возрастной категории внутри всякого коллектива - старшинство. Эта роль основывалась на высоком значении, которое философско-этическая система абхазского народа придавала возрасту человека. Поэтому когда в единый коллектив соединялись люди, примерно равные друг другу по политическому и социальному статусу, наибольшим авторитетом автоматически наделялся старший по возрасту, разумеется, при должной интеллектуальной и физической дееспособности. Всякая социальная группа - родственная и соседская, спаянная общностью жизненного пути и чувством солидарности, имела своего старшего.

Старшинство одного человека существует только в сравнении с другими, поэтому всегда будет иметь строгую привязку к конкретной группе людей. За пределами собственной группы, во взаимоотношениях с членами общества, не входящими в нее, то есть чужаками, старшинство обязывало последних не более чем к общепринятым нормам этикета. Внутри всякой группы лояльность рядовых ее членов к своему старшему основывалась на сугубо личных связях, а также нравственных стандартах, принятых в абхазском обществе. Получается, что лидерство, основанное на старшинстве, имело неполитическую природу. В то же

время старшинство могло сыграть позитивную роль в упрочении авторитета политически активной фигуры. Поэтому следует различать старшинство, как один из источников личного авторитета и вырастающую на его основе неполитическую форму лидерства - старейшин.

Суть феномена старейшин в горско-кавказском обществе заключена в том, что по достижении преклонных лет человек обретал статус носителя социального опыта и хранителя нравственных канонов жизни общества, которые имел право трактовать перед людьми. Преклонные годы и умудренность жизненным опытом воспринимались как особое духовное качество человека. Не всякий старик удостоивался чести быть названным «*абырг*» - старцем, достойным обращаться к божественным силам при молениях и публично оценивать поведение других людей по «шкале» нравственных ценностей. Интересно, что другой термин, которым зачастую обозначали в старину наиболее старых и авторитетных старейшин – «*апаимбар*», тождественен по своему смыслу понятиям «ангел» и «святая». Видимо старшинство и святость в абхазской мировоззрении были связаны. Неслучайно функции жрецов родовых и территориальных культов выполняли исключительно старейшины.

В результате старейшины, обретая особый нравственный статус, оказывались как бы вне социальной градации и политической иерархии. Они превращались в обособленную неформальную социальную группу, осуществляющую контроль над информацией в собственном обществе. Складывалась особая, неполитическая форма лидерства в абхазском традиционном обществе конца XVIII - второй половины XIX в. Это был самобытный институт, обеспечивавший самодостаточность родственных и соседских коллективов в вопросах хозяйственно-бытового управления, а также духовной сфере.

Внутри собственных коллективов старейшины выполняли функцию распорядителей материальных и трудовых ресурсов внутри родственных, а порой и соседских сообществ (на уровне соседской сельской общины *ахабла-ацута*, но

не выше). Это положение было закреплено в традициях народа и сформулировано в виде четкой формулы: "Делай сказанное стариками, кушай сделанное молодыми". У абхазов люди преклонного возраста не исключались из трудового процесса, а меняли специализацию, продолжая участвовать в общественном разделении труда, где они выполняли функцию хозяйственного управляющего, а молодое и среднее поколения - функцию производителя.

Кроме того, старейшины являлись представителями своих родственных и соседских сообществ на народных сходах, во взаимоотношениях с административным начальством и в судебных тяжбах. Однако не в роли абсолютного начальника, принимающего решения единолично, что превращало бы их в политических лидеров, а в роли выразителей общей воли тех коллективов, которые они представляли, и советчиков - как людей с большим жизненным опытом. Авторитет и власть абхазских старейшин не являлась безусловной властью патриархального владыки-тирана. Это была власть родича и соседа, власть наиболее умудренного жизнью члена коллектива, разделяющего все перипетии жизни с теми, кого он представлял. Как лидеры старейшины не были отчуждены от массы тех, кем руководили и кого представляли, а значит - не являлись господами, то есть лидерами политическими. Статус старейшины мог быть только заслужен и не передавался по наследству.

Старейшины могли принимать активное участие в политической жизни, но, учитывая возрастные возможности и в соответствии с заданным традициями образом старости, не в качестве господ-предводителей, а в качестве выразителей общественного мнения и посредников в конфликтах. То есть они не являлись в полном смысле слова ни субъектами и объектами политических отношений, а выполняли двоякую роль посредника между таковыми и одновременно - роль стороннего наблюдателя, имеющего право давать морально-правовую оценку происходящим событиям. В этом был глубокий рациональный смысл, ибо политические конфликты зачастую глубоко раскалывали родственные коллективы. Занимая нейтральную позицию в политических процессах,

старейшины сохраняли за собой статус хранителя единства коллектива, арбитра в спорах между его членами. Сосредотачиваясь на хозяйственных, социальных и духовных сферах жизни своих родственных и соседских сообществ, старейшины господствовали в неполитических аспектах жизни общества. В результате, политические лидеры не рассматривали старейшин как своих прямых конкурентов, а потому не боролись с ними.

Особого внимания заслуживает тот факт, что именно старейшины у абхазов давали морально-правовую оценку событиям и явлениям общественной жизни, поскольку выступали в роли блюстителей нравственных норм и отправителей фамильных религиозных культов. На этом базировалась духовная власть старейшины над своими родичами и соседями, его роль посредника между собственным коллективом и высшими силами - богами, духами и душами предков, что обеспечивало когнитивную самодостаточность таких родственных и соседских коллективов. В каком-то смысле старейшины выполняли у абхазов функцию духовенства и посредством этого обеспечивали духовную самостоятельность массы населения по отношению лидерам, лишая последних возможности манипулировать этико-правовыми нормами и религиозными воззрениями народа по своему усмотрению.

Итак, институт старейшин придавал родственным и соседским сообществам дополнительную устойчивость как форма лидерства, альтернативная лидерству политическому. Получается, что всякий коллектив у абхазов обладал двумя центрами лидерства: в лице наиболее влиятельного в обществе, политически активного члена – лидера и в лице духовного лидера - старейшины.

Авторитет старейшин имел неполитическую природу и поодиночке они не являлись самостоятельной политической силой. Но в совокупности, как обособленная половозрастная категория людей, обладающая групповыми привилегиями и солидарностью, они являлись важным компонентом политической культуры абхазов, значение которого заключалось в контроле над

хозяйственной и идеологической сферами жизни общества, и всякая политическая сила в пределах Абхазии обязана была с этим считаться.

Важной чертой традиционной политической культуры абхазов было отсутствие судебного иммунитета знатного сословия, а следовательно - правящего слоя общества относительно массы простого народа: "никто из жителей Абхазии не изъят от обвинения и каждому предоставляется право потребовать другого в суд... Раб может всегда вызвать в суд своего господина, подвластный - своего протектора, будет ли он дворянин или князь, дворянин - другого дворянина или его подвластных... словом никакие сословные преимущества и никакие родственные отношения не могут служить препятствием в подобном случае" [14, с. 31].

-
1. *Барсукова С. Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20-30.
 2. *Бларамберг И. Ф.* Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа Нальчик, 1999.
 3. *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1.
 4. *Бутков В.* Записка о вознаграждении владельца Абхазии М. Г. Чачба (Шервашидзе) в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии от 1864 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 22-28.
 5. *Гибаль П.* Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.
 6. *Дюбуа де-Монперэ Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1.
 7. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.
 8. *Инал-ипа Ш. Д.* Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.
 9. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
 10. *Инал-ипа Ш. Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
 11. *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
 12. *Карнышев А. Д.* Этнокультурные критерии рациональности/нерациональности экономического поведения. // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1. С. 75-80.
 13. *Краевич П. Д.* Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.

14. *Краевич П. Д.*. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. // Сборник сведений о кавказских горцах. - Тифлис, 1870. Вып. IV. - С. 27-44.

15. *Мачавариани К.* Некоторые черты из жизни абхазцев. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. IV. С. 40-76.

16. *Небольсин Д.* Современные жертвоприношения в Сухумском округе (Из записок туриста). // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2008. Кн. II. С. 450-462.

17. *Негря Л. В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V - VII вв. М., 1981.

18. *Пахомов А. В.* Объяснительная записка управляющего имениями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию за 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.

19. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс. // Западная экономическая социология. М., 2004. С. 82-104.

20. *Поланьи К.* О вере в экономический детерминизм. // "Великая трансформация" Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. (под ред. Р. Нуреева). М., 2006. С. 22-29.

21. *Пушкарев С.* Абхазы. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 160-169.

22. *Розен Г. В.* Отношение командира отдельного кавказского корпуса к военному министру от 8-го мая 1837 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 459-460.

23. *Рыбинский Г. А.* Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894.

24. Сведения о туземном населении Сухумского отдела. 1868 г. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 5-18.

25. Статистический взгляд на Абхазию в 1831 г. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 9-28.

26. *Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани от 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 551-569.

27. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.

28. *Фадеев Р. А.* Письма с Кавказа. Письмо третье. // Кавказская война. М., 2005. С. 127-136.

29. *Черепов А. П.* Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.

30. *Шатилов П.* Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому за 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 72-76.

31. *de Scassi R.* Nations sur Sokhoum-kale et sur les Abazes. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1874. Т. VI, ч. 1. С. 646-647.

32. *Sik E.* "Small Is Useful" or the Reciprocal Exchange of labour // Labour Market and Second Economy in Hungary. Frankfurt/Main, N.Y., 1985.

Глава 2. Власть и лидерство в абхазском обществе в конце XVIII - второй половине XIX века

В данном разделе будет рассмотрен вертикальный вариант интеграции людей в абхазском традиционном обществе, воплощенный в иерархически организованных институтах господства и управления.

§ 1. Источники власти

Как отмечалось, личностный характер политических отношений в абхазском обществе делал главным условием обретения власти персональные качества лидера, а не его богатство или социальное происхождение. Истинным мерилom значимости человека был авторитет, объединяющий в себе его репутацию с широтой личных связей. Как следствие, - в абхазском обществе не было непроницаемых социальных перегородок, блокирующих стремление мелкого дворянства и лично свободных крестьян обрести власть на местном уровне. На недостижимой высоте находились лишь персоны владетельных князей Чачба (Шервашидзе) и Амаршан (Маршания), причем не все представители рода, а непосредственно сами удельные правители провинций страны. Подтверждением служит факт того, что абхазское общество описываемого периода не знало эндогамных аристократических сетей, т.е. не было замкнутой группы элитарных фамилий, породняющихся исключительно между собой. Как и простой народ, знать придерживалась господствующего и поныне у абхазов принципа строгой экзогамии. Даже владетельный князь мог жениться на представительнице «чистого» крестьянства (*анхаю*), как это сделал Келеш-бей Чачба (Шервашидзе) (1747-1808 гг.), женатый вторым браком на крестьянке из рода Лейба, без существенной потери престижа.

Поэтому хотя знать численно и преобладала среди глав территориальных сообществ и военных предводителей, абсолютной монополией на руководство эта социальная группа обладала, вероятно, только к началу изучаемого в работе периода (конец XVIII - вторая половина XIX в.) на протяжении которого шел процесс утраты абхазской знатью этой самой монополии. Влиятельные лично свободные люди незнатного происхождения начинают все чаще добиваться лидерства, становясь главами территориальных сообществ (*ахалапшаю*) и представителями владетельного князя на местах (*ацнахума*) (подробнее об этих институтах будет сказано ниже). Такое ослабление доминирующего положения абхазской знати было, по-видимому, следствием двух факторов: во-первых, начавшегося еще до присоединения Западного Кавказа к Российской империи процесса ослабления аристократии у народов Западного Кавказа; во-вторых - военно-политических событий, происходивших на Кавказе на всем протяжении XIX в. и серьезно изменивших старый уклад жизни в Абхазии.

В плане политического господства, все власть предержавшие: князья, дворяне и влиятельные лично свободные люди незнатного происхождения, составляли единую социальную группу лидеров-покровителей: "Установившиеся отношения... состояния общественных уз выражаются словами: ахалапшюю – заступник, патрон и хипшы – состоящий под покровительством" [44, с. 158-159]. Это разделение является ярким проявлением принципа персонификации политических отношений у абхазов, главенства личных качеств лидера над социальным происхождением и отсутствия жестких социальных перегородок. Даже в случае, если статус покровителя в какой-либо местности закреплялся за определенной родственной группой, он "всегда переходил в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству, каким бы путем человек ни достиг первенства" [Там же, с. 159]. То же самое касалось и подвластных, среди которых "привилегированные роды также покоряются личности, как и простые смертные" [Там же, с. 160]. Таким образом политическая иерархия в абхазском обществе не совпадала с социальной, что неудивительно. Власть

слишком сложное явление общественного бытия, несводимое к социальной стратификации, к правам и возможностям сословий. Всякая власть опирается прежде всего на фактическую способность обрести ее, а значит никакие формальные ограничения не являются для нее абсолютными, что видно на примере абхазского традиционного общества конца XVIII - второй половины XIX в.

Несмотря на значение персональных качеств для обретения лидерства, сами по себе они разумеется не могли быть достаточной основой власти конкретного лица. Поэтому важно определить, какими общественными институтами и традициями эти качества подкреплялись, позволяя лидеру обретать и упрочивать свою власть в обществе.

Прежде всего, к ним относилась создаваемая каждым лидером сеть доверия - круг людей, связанных с ним какими-либо личными взаимными обязательствами, основанными на узах родства или патрон-клиентских отношениях. Как источник власти родственные и квазиродственные связи интересны тем, что служили одним из важнейших каналов распространения и поддержания социально-политического статуса как отдельных лиц так и групп. Так, родственная солидарность влиятельных фамилий в Абхазии имела во многом политическую подоплеку. В 1851 г. Л. М. Серебряков писал о доминирующем в нагорной части страны роде Амарщан (Маршания), что "князья Маршания состоят из нескольких отраслей этой фамилии, из которых каждая с подвластным ей народом составляет отдельный частный союз на правах равенства между ними, а соотношения между этими союзами имеют характер более политического, чем гражданского устройства" [37, с. 91].

Непременным условием сохранения таких уз являлась обязанность помощи, позволяющая лидерам активно эксплуатировать родственную поддержку в своих личных целях. В то же время это была еще одна причина, помимо традиционной экзогамии, которая мотивировала знать идти на заключение родственных или квазиродственных союзов с влиятельными фамилиями лично свободных

крестьян. Как писал Г. А. Рыбинский: "Между крестьянами... дворянин ловко пользуется для своих целей молочной роднею, которая пойдет в огонь и воду по его требованию. Порочный дворянин может заставить ее совершать даже преступление, ибо молочный брат подчиняется ему как загипнотизированный, лишенный личной воли человек" [33, с. 309].

Другим основанием власти лидера, близким по смыслу предыдущему, было покровительство над отдельными лицами или группами, позволявшее лидерам расширять личные связи за пределы круга родственников.

Так формировалась сеть доверия лидера, его боевая сила и представительство на местах (в территориальных сообществах). В условиях отсутствия в абхазском обществе бюрократических институтов такая сеть была единственным механизмом распределения управленческой, военной и хозяйственной нагрузки, непомерным бременем ложащейся на плечи лидера и его семьи. То же самое и в отношении социальной ответственности за свои деяния [37, с. 91-92]. Таким образом, распределение всевозможной нагрузки и ответственности, логически вытекающей из родственных и патронатных отношений, было неременным условием удержания власти в абхазском обществе. Поэтому отдельные лица и влиятельные фамилии активно конкурировали между собой за обретение и расширение таковых связей, способствуя их сокращению у соперников [21, с. 9]. В случае, если лидер обладал достаточно широким кругом подвластных и лично зависимых и при этом успешно выполнял роль протектора над ними, число желающих признать его власть стремительно увеличивалось [41, с. 553; 44, с. 160]. Само собой это происходило за счет менее влиятельных руководителей, неспособных удержать подвластных - настолько лидерские качества и, соответственно, способность решать насущные управленческие задачи в абхазском обществе были важнее формальных обязательств.

Значение для всякого лидера круга лично связанных с ним людей было столь высоко, что его утрата для аристократа грозила полной потерей общественно-политического статуса и переходом его семьи на более низкую социальную

ступень. Так, ветви могущественных княжеских фамилий Чачба (Шервашидзе) и Гечба, территориально оказавшись за пределами влияния своих фамилий: первая в Сванетии, а вторая в окрестностях г. Сухум (Гечба правили в Западной Абхазии), превратились в лично свободных крестьян, а князя Амаршан (Маршания), живущие в Убыхии (совр. район Сочи), считались только дворянами [16, с. 155–156].

Также это могло привести к экономической состоятельности лидеров. В 1866 г. группа знатных лиц, проживавшая в районе Гагр, приняла решение переселиться в Османскую империю. Основанием, которое они посчитали достаточным для оставления родины, стало опасение, что "у них отберут всех крестьян и рабов, а через это... они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание" [8, с. 197]. В 1868 г. А. В. Пахомов упомянул живущих в окрестностях г. Сухум представителей влиятельной аристократической фамилии Маан (Маргания). Эта семья не обладала должным кругом приближенных, а потому они "хотя и принадлежат к настоящим Маргани... но никогда не пользовались никаким значением и будучи очень бедны жили милостями своих помещиков... Пахотной земли они занимали очень мало, только то, что было около их усадеб и в этом отношении положение... анхае (крестьян - *С. П.*), живших там же,.. было несравненно лучше" [26, с. 479].

Лидер и его подвластные, пусть даже и не родственники, зачастую воспринимались настолько как единое целое, что на них могла распространиться агрессия, в том числе кровная месть, адресованная самому лидеру [42, с. 51-55; 25, с. 225].

Утверждение территориальной власти лидера также напрямую зависело от числа находящихся под его влиянием людей среди местного населения. Здесь решающее значение играло обретение лидером статуса главы (*ахылапшую*) территориального сообщества (*акыта*), что автоматически превращало все

население этого сообщества в его клиентов. Неслучайно каждый из наиболее могущественных князей страны являлся главой какого-либо территориального сообщества из числа крупнейших, а владетельные князья всей страны - главой самого густонаселенного сообщества в Абхазии - Лыхны.

Особым источником обретения и упрочения власти в общественно-политической жизни Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в. было использование управленческих ресурсов какой-либо внешней политической силы, когда лидер стремился выступить как представитель этой силы и тем обосновать ее использования в угоду себе. Для лидеров местного, локального уровня, претендующих на главенство в конкретной местности, такой внешней силой была поддержка какого-либо могущественного князя или, шире, фамилии, обладающей влиянием в масштабах страны. Получив такую поддержку, амбициозный локальный лидер начинал действовать от имени своих могущественных покровителей, но в своих интересах. Так поступала прослойка княжеских представителей на местах (*ацнахума*), руководителей (*ахылапшую*) сельских территориальных сообществ.

Во второй половине XIX в., по мере становления в стране имперской администрации, такие локальные лидеры пытались заручиться ее поддержкой в собственных целях, что им порой удавалось. В 1868 г. А. В. Пахомов писал об окружных начальниках имперской администрации, что "они сами поддерживают значение подобных личностей (местных локальных лидеров - С. П.), не только не преследуя их, но напротив оказывают им во многих случаях покровительство" [26, с. 511-512].

В случае с удельными князьями, правившими целыми провинциями страны, внешней поддерживающей силой могла быть власть наиболее влиятельных в регионе держав - Российской и Османской империй. После утверждения в крае имперской российской администрации часть абхазской знати целенаправленно стремилась занять роль посредника между ней и населением страны, дабы получить возможность использовать управленческий потенциал империи для

укрепления своей личной власти. Примером может служить владетельный князь Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе) (1806-1866 гг.), использовавший силовой аппарат администрации в своих целях [31, с. 20]. При этом он умело расширял дистанцию между этой администрацией и рядовым населением, что усиливало его собственное политическое значение как арбитра во взаимоотношениях этих двух сил: "Народ видел, что по представлению владетеля ссылаются в Сибирь его враги, что войска русских охраняют его безопасность и что владетелю дано право на введение тяжких монополий в торговле. Не подлежит сомнению, что следствием этого было отчуждение от нас (то есть администрации - С. П.) народа" [34, с. 12-13].

Как и во всяком человеческом обществе, универсальным источником власти в абхазском социуме конца XVIII - второй половины XIX в. служило насилие. Значительная роль потестарных тенденций в жизни абхазского народа четко проявлялась, например, в таком важном аспекте жизни общества как поземельные отношения, что отметил в конце XIX в. Г. А. Рыбинский: «кто сильнее, тот и большим и лучшим участком владеет» [32, с 17]. Тем не менее демонстративное насилие само по себе не могло служить прочной основой власти в абхазском обществе, поскольку:

- элита не обладает монополией на насилие;
- была развита родовая солидарность (взаимопомощь и кровная месть);
- персонифицированный характер общественно-политических отношений обращал всякий политический конфликт в межличностный, что в сочетании с отсутствием бюрократического аппарата исключало проведение системного легального террора власти против населения.

Поэтому властный террор в абхазском обществе реализовывался в абсолютном большинстве случаев индивидуально и не публично, имея целью не уничтожение или абсолютное порабощение, а принуждение к соглашению и лояльности. Приоритет тайных методов террора (разорение, дискредитация) объяснялся тем, что человек в абхазском обществе был не обособленным субъектом социальных

отношений, но всегда членом ряда коллективов (родственных, соседских, промысловых). Демонстративное нападение на одного рассматривалось коллективом как нападение на всех, в то время как урон, нанесенный скрытно, оставался личной проблемой жертвы. В то же время, ввиду натурального характера экономики, всякое индивидуальное хозяйство в Абхазии было самодостаточным, лишая лидеров редиистрибутивной функции. Групповая солидарность и экономическая самостоятельность массы населения ограничивали возможность осуществлять принуждение.

В таких условиях целью агрессии лидеров становился не сам человек, а те факторы: имущество, личные связи и репутация, которые исключали прямой террор. Успешные нападения на имущество жертвы или близких для него людей оборачивались не только материальным убытком, но и дискредитировали такого человека в глазах общества, как неспособного защититься, а значит недостойного утраченных благ. Пример того, как это выглядело на практике, в 1892 г. дал Г. А. Рыбинский: "замечая, что какой-либо крестьянин из его доброхотных ленников перестает ему оказывать помощь в работе и не несет приношений, дворянин делает ему внушение. Если же крестьянин, несмотря на это, ответит отказом... порочный дворянин приступает к темным операциям, которые кончаются тем, что у крестьянина, несмотря на всю его бдительность, исчезает рабочий скот или лошадь. Зная, чьи это проделки, крестьянин идет к своему патрону с приношениями - в виде барашка, индюка и пр. и умоляет его помочь в беде, разыскать пропавшую скотину. Бедняк осознает, что если он не покорится и будет упорно отстаивать свою независимость, то его ожидает полное разорение... После надлежащего нагоняя дворянин умилоствуется, обещает оказать ему помощь в отыскании пропавшей скотины, и, действительно, через несколько дней она появляется у крестьянина" [33, с. 310].

Так же обстоит дело и на верхнем уровне общества, что иллюстрирует сложившаяся в конце 1850-1860-х годах ситуация в провинции Гумаа (Сухумский округ). После смерти ее удельного князя Дмитрия (Сеит-бея) Чачба (Шервашидзе)

в 1858 г., правителем провинции стал юный наследник Георгий, находившийся на обучении за пределами Абхазии. Почувствовав ослабление княжеской власти, назначенные еще Дмитрием управляющие на местах стали игнорировать права наследника провинции, тайно терроризируя тех, кто оставался верен ему и обещая людям протекцию в обмен на признание их власти. В этой ситуации население "видя, что приверженцы князя Димитрия страдают, а люди, обещающие им защиту и покровительство (т. е. бывшие управляющие - *С. П.*) действительно сильны, мало по малу стали переходить на их сторону, и в течение около десяти лет так привыкли думать головой своих коноводов, что и в настоящее время эти лица пользуются прежним значением и большим доверием, нежели русское начальство (администрация края - *С. П.*)" [26, с. 429]. В итоге можно утверждать, что абхазские лидеры практиковали террор, но в ограниченных масштабах, дабы не допустить коллективного противодействия.

Большое значение имеет вопрос, могло ли право собственности на землю и, шире - благосостояние лидера, являться источниками власти в абхазском традиционном обществе конца XVIII - второй половины XIX в. По всей видимости ответ будет отрицательным, но требующим пояснения. Поземельные отношения в Абхазском княжестве в изучаемую эпоху не имели строгой упорядоченности. Как уже говорилось, право владения землей обреталось по факту вложения в него труда и способностью силовой защиты от чужих посягательств. По сути, земельные угодья всякого территориального сообщества (*акыта*) находилась в общем пользовании его населения, распоряжавшегося ими по своему усмотрению и решавшего возникшие проблемы на общем сходе. В силу личностного характера общественных отношений у абхазов, подати и повинности, приносимые в пользу того, кто властвовал над местностью, в каждом конкретном случае различались, общего стандарт не было. Какие-либо сведения о привязке объема податей и повинностей к площади используемого участка земли отсутствуют. Более того, Д. С. Старосельский и Н. И. Воронов в 1870 г. прямо указывали, что "повинности, платимые лицам покровительственного элемента, вовсе не проистекают из их

поземельных прав" [41, с. 564]. При такой неполной институционализации частного землевладения оно не могло служить серьезной основой власти. Тем более, что использование имущественных прав и богатства как основы общественного статуса личности противоречило принципам политической культуры абхазов, основанной на приоритете личности.

В абхазском обществе не было жесткой связи между социальной и имущественной иерархией. Отсюда своеобразное отношение знати к зажиточному крестьянству, при котором знать не столько стремилась сама превзойти их в роскоши, сколько ограничить в этом подвластных, выступая тормозом процесса концентрации материальных благ в обществе в отдельных руках. Избегая роскоши, они не позволяли своим состоятельным подвластным заводить ее у себя. Авторитет человека, как соединение репутации с широтой личных связей, определял могущество и материальное благосостояние человека, а не наоборот. Как социальный капитал, он был строго привязан к конкретному человеку, с которым появлялся и исчезал, когда тот умирал, а потому не мог быть накоплен и передан по наследству. Вероятно, в случае победы в Абхазском княжестве централизма, то есть объединения "сверху" и создания четких иерархических структур управления, была бы сформирована структура "власти-собственности" или "азиатского способа производства", которой было свойственно сращивание властных полномочий с правом на собственность и отсутствие частного неотчуждаемого землевладения.

В связи с этим нуждается в разъяснении фраза Ф. Ф. Торнау о господствующем классе абхазского общества, что "Крестьянами они владеют на праве подданства за землю" [42, с. 57]. Сам термин "владеют" некорректен по отношению к лично свободному крестьянству - *анхаю*, а применим только в отношении немногочисленной прослойки рабов (*агыруа*, *ахую*) и лично зависимых (*амацуразку*), подчиненность которых была личной, а не поземельной. Смысл самой фразы, учитывая особенности властных отношений в Абхазии, следует понимать в том смысле, что, принося подати и повинности в пользу лидера,

подвластные, тем самым, оплачивали ему не аренду самой земли, а протекцию и беспрепятственное пользование ресурсами той местности, над которой этот лидер господствовал. То же самое касалось и предпринимателей, платящих сборы князьям за торговлю на подконтрольной им территории.

Для уяснения реального порядка владения землей в Абхазии, до проведения крестьянской реформы, серьезное значение имеет обсуждение данной темы, состоявшееся в ноябре 1869 г. в Комитете по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа. В ходе них было прямо указано, что подати, которые получают *ахылапшуу* за право осуществлять экономическую деятельность на подконтрольной им территории, были платой за безопасность и невмешательство. Они не были жестко закреплены за конкретными людьми, а выплачивались по факту реального доминирования в конкретном месте и в конкретное время: "таковая плата взималась теми, кто в данное время был способнее доставить более обеспечивающее от грабежа покровительство, и никогда... не считалась принадлежащею известным родам, а, напротив, весьма часто... присваивалась новыми фамилиями... или же наконец взималась несколькими, совершенно отдельными фамилиями в одно и то же время" [11, с. 320].

Таким образом, само по себе владение землей являлось в абхазском традиционном обществе рассматриваемого периода не источником, а результатом обретения власти, и основывалось на способности лидера реально управлять подвластными землями, а не на формальном праве владения ими. Лишь во второй половине XIX в., беря пример с соседних стран, и из стремления обогатиться, абхазские лидеры стали предпринимать попытки превратить земельные угодья на подконтрольных территориях в неотчуждаемое частное землевладение, что было для Абхазии новшеством. Когда в ходе упомянутого заседания Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа развернулась дискуссия о существующих у абхазов поземельных отношениях, член специальной комиссии ген. В. А. Гейман (1823-1878 гг.) прямо указал на факт "существования только личной зависимости подвластных сословий", при котором

закрепление земельных участков за конкретными лицами из привилегированного класса было бы "ломкою существующего... порядка пользования землею" [Там же, с. 317]. Его вывод был подтвержден Д. С. Старосельским (1832-1884) указавшим на возникшую в Абхазии с началом работы по распределению земельных угодий систематически повторяющуюся ситуацию, когда на одни и те же участки земли претендовало сразу множество лиц, неспособных внятно доказать свое право на владение [Там же, с. 318-319]. Такое не могло бы иметь места в случае существования в стране четко сформулированного представления о неотчуждаемом частном землевладении, обеспеченном правовыми нормами.

Рассмотрение данного вопроса уместно закончить выводом, сделанным компетентными представителями имперской администрации в 1870 г., согласно которому у абхазов в рассматриваемое время права "поземельные были почти одинаковы для всех сословий" [41, с. 561]. Следовательно, владение землей не являлось источником политической власти у абхазов, а скорее наоборот - ее результатом.

Неожиданно сложен вопрос о том, насколько весомым источником власти в абхазском традиционном обществе являлось социальное происхождение человека. С одной стороны, от эпохи Средневековья страна унаследовала память и почтение к знати, особенно к старинным аристократическим фамилиям, которых всегда отличали от более молодого дворянства. Кроме того, отдельные фамилии внутри аристократической прослойки выделялись особо заметным влиянием, боевой силой и активным участием в политической жизни страны. Это были, в первую очередь, Чачба (Шервашидзе), Амарщан (Маршания), а также не столь могущественные: Маан (Маргания), Лакрба (Лакербая), Гячба (Гечба), Дзяпш-ипа, Ачба (Анчабадзе), Инал-ипа и др.

С другой стороны, в абхазском традиционном обществе передача власти над каким-либо регионом происходила, в основном, не внутри одной семьи - от отца к сыну, а в рамках фамилии, политически доминирующей в этом регионе. Круг потенциальных преемников внутри фамилии мог сужаться только до масштабов

отдельной патронимии, все равно состоящей не из одной, а нескольких больших семей. Таким образом, социальное происхождение становилось подспорьем в обретении власти только в случае привязки к конкретной фамилии, обладающей политическим весом. Это правило было особенно актуально на высшем уровне власти, где сильнейшие знатные фамилии боролись за влияние над целыми регионами и провинциями. На уровне локальной, низовой власти, где социальный состав лидеров был смешанным и требовалось непосредственное участие в жизни подвластного населения, роль персональных качеств в обретении власти была гораздо значительнее. Здесь наблюдалась вертикальная социальная мобильность, и значение сословного происхождения в деле обретения власти было далеко не решающим фактором. Ряд тому примеров приводил в 1872 г. А. Н. Введенский: в селе Отхара, где семья Чачба (Шервашидзе), изначально правившая там, не сумела "поддержать своего значения и жители, признававшие их покровительство, перешли под покровительство выходца из Кабарды, Цивш"; в с. Дихазурга, где *анхаю* из рода Микаа перехватили власть у дворян Маан (Маргания) [6, с. 22-23]. "Во всех этих случаях обладание тавадским и аамстинским (княжеским и дворянским - С. П.) званием ничего не значило, если представители их делались неспособными к тому делу, к которому были призваны. Они терялись в толпе и уступали место тем, кого предпочитал им народ, причем неаристократическое происхождение последнего ничего не значило перед его заслугами, умом, ловкостью и энергией" [Там же].

Истинная роль социального происхождения в деле обретения и удержания власти в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в., учитывая унаследованный от средневековья престиж знатности, заключалась видимо не столько в предоставлении лидеру серьезных политических преимуществ, сколько в том, что знатное происхождение облегчало ему задачу легитимации собственной власти, подкрепляло его авторитетом "благородного" сословия.

Собирательным примером того, на основе каких источников обреталась и удерживалась власть в абхазском традиционном обществе в конце XVIII - второй

половине XIX в. служит судьба владетельного князя области Гумаа (совр. Сухумский район) Гассан-бея Чачба (Шервашидзе). Также становится ясна значимость каждого из рассмотренных источников власти.

Гассан-бей был одним из младших сыновей владетельного князя Абхазии Келеш-бея Чачба (Шервашидзе) от его брака с княжной из второго по влиятельности в стране княжеского рода Амарщан (Маршания). После гибели Келеш-бея в 1808 г. княжество вошло в состав Российской империи. В результате непродолжительной борьбы между двумя его сыновьями - Аслан-беем и Сефер-беем за статус владетеля страны победу одержал последний, хотя власть его была слаба. Гассан-бей, сводный брат владетеля, вместе с матерью и братьями получили в удел провинцию Гумаа, где они и поселились. Изначально Гассан-бей как политический лидер имел сходные возможности, что и два его родных по крови брата. Кроме того, имелись и сводные братья - сыновья Келеш-бея от браков с другими женами, возрастом как старше, так и младше Гассан-бея. Каждый из них в равной мере мог претендовать на независимость от владетеля страны, на господство над какой-либо частью страны и выступить как адепт полной политической независимости Абхазии, что автоматически обеспечивало ему рост авторитета в глазах местного населения, поддержку турецкого купечества и, неофициально - Османской империи. Но именно Гассан-бей сумел в реальности обрести самостоятельность по отношению к владетельному князю Абхазии, установить полный контроль над провинцией Гумаа, превратить ее в реально наследуемое владение и стать второй по влиятельности политической фигурой в стране.

Безусловно, раззначальные позиции в политической иерархии княжества и социальное происхождение у Гассан-бея и его братьев были близки, а по сравнению с фигурой владетельного князя всей Абхазии он занимал политически заведомо более слабую позицию, значит определяющую роль в его высоком статусе играли прежде всего сильные лидерские качества. Это соответствует образу человека, сумевшего на протяжении своей жизни последовательно

противостоять трем сменяющим друг друга владетелям страны - Сефер-бею (Георгию), Омар-бею (Дмитрию) и Михаилу (Хамуд-бею), побывать в 1821-1828 гг. в сибирской ссылке и несмотря на все это отстоять и значительно укрепить свою политическую независимость и влияние в стране. Помимо выраженных лидерских качеств этот князь активно использовал в своих целях поддержку родственного ему рода Амарщан (Маршания), господствовавшего в нагорной части Абхазии [27, с. 136]. Он также осуществлял протекцию над турецкими купцами в стране, что обеспечивало ему их поддержку. Примечательно то дипломатическое умение, с которым Гассан-бей обеспечил себе высокий авторитет в глазах местного населения и одновременно осуществлял взаимовыгодное сотрудничество с имперской русской администрацией. Это было обусловлено тем, что Гассан-бей сумел создать себе образ наиболее самостоятельного в стране князя, в полном смысле субъекта политических отношений. В результате в глазах абхазского народа он олицетворял стремление страны к самостоятельности, а для имперской администрации являлся выгодным политическим партнером в делах, касающихся нагорной Абхазии, где господствовали его родственники Амарщаны (Маршания) [26, с. 421].

То, что само по себе социальное происхождение Гассан-бея играло вторичную роль, видно на примере его родных кровных братьев - Батал-бея и Таир-бея. Прожившие всю жизни вместе со своим влиятельным братом, находясь все это время на его иждивении и не имея никакого политического веса, они заметно оттеняли фигуру Гассан-бея, демонстрируя, насколько персональные качества лидера в абхазском традиционном обществе были значимее иных источников власти и шире - насколько его реальное могущество сильнее всяких формальных полномочий и правил. Наблюдая разницу в авторитете и влиянии, каковыми пользовался Гассан-бей, а какой - его сводный брат, владетель страны Сефер-бей (Георгий), ген. Курнатовский в 1818 г. признавал, сколь важно было учитывать эту особенность горско-кавказского общества: "Абхазский владелец... почти не показывается народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина

такового неповиновения есть та, что настоящий владелец утвержден в сем звании без дальнейшего исследования преданности ему абхазцев - народа горского, вольного и воинственного, и с коим управиться трудно и тому, в ком нашлось бы более твердости и благоразумия", "Абхазцы более привержены к меньшему по отцу брату владельца - Хассан-бею (Гассан-бею - С. П.), - твердому, предприимчивому и храброму" [23, с. 644].

§ 2. Факторы ограничения власти

Важным вопросом изучения феномена власти в абхазском традиционном обществе конца XVIII - второй половины XIX в. является широта ее возможностей как силы, структурирующей общественные отношения и задающей направление, в котором они будут развиваться. Причина его особой актуальности в том, что речь идет об обществе с сильными традициями народовластия, серьезно ограничивавшими или прямо запрещавшими такие формы объединения людей и организации их деятельности, которые предусматривали бы жесткое подчинение, неограниченное вмешательство в жизнь отдельного человека и создание воспроизводящихся формализованных структур контроля и управления. Устанавливался предел, блокировавший полную институционализацию власти и совершенствование ее механизмов. Именно поэтому в абхазском обществе власть, как уже говорилось, оставалась в большей мере свойством личности, а не безликой социальной стихией. У элиты позднего Абхазского княжества не было возможности установить безраздельное господство над основной массой населения, как это к примеру было в соседних западнотурецких княжествах. Неслучайно кратковременное усиление владетельской власти в Абхазии в середине XIX в. непосредственно связано с политикой имперской администрации, желавшей обрести в лице абхазской аристократии политическую опору в стране. Сама выстроенная абхазским народом структура общества, вкупе с хозяйственным строем и этико-правовыми нормами жизни, образовывали

эффективную систему сдерживания притязаний лидеров на абсолютное господство.

Причины, по которым власть как иерархический вариант объединения людей не стала в абхазском традиционном обществе господствующей формой интеграции, а находилась в состоянии вынужденного равновесия с институтами народовластия и традициями широкой индивидуальной свободы, обусловлены двумя группами причин. Первую группу составляют причины системного характера, то есть проистекающие из общих принципов социально-экономического строя Абхазии. Они были неочевидны, не проявлялись в повседневной практике властных отношений, но неумолимо определяли сам их характер. К ним относились:

а) Порожденное экономическим укладом абхазов отсутствие нужды в централизованной системе, управляющей производством, концентрирующей и распределяющей экономические блага в масштабах всего общества. Натуральное хозяйство, господствовавшее в стране, обеспечивало экономическую самодостаточность родственных и соседских сообществ, на которое делилось все население страны и внутри которых циркулировал основной объем имеющихся материальных благ. В абхазском обществе рассматриваемого периода основной единицей владения и эксплуатации ресурсов была большая, проживавшая компактно и включавшая несколько поколений семья, в меньшей мере - территориальные сообщества, но не какой-либо класс или сословие. Это лишало лидеров возможности установить серьезный контроль над производством и потреблением общественного продукта, с тем чтобы конвертировать этот контроль в личное богатство и влияние. Базовые экономические блага - земельные угодья и места добычи ценных природных ресурсов фактически находились в распоряжении тех, кто непосредственно вкладывал в них свой труд и только на время, пока он выполнялся. Важно было только соблюсти неотложное правило - оплатить дарами покровительство того, кто мог его гарантировать, а заодно откупиться от его вмешательства в процесс освоения этих благ.

Конечно, лидеры стремились по возможности закреплять за собой определенные земельные угодья и взимать плату за использованием природных богатств в тех местностях, на которые распространялось их влияние. Однако превратить это в непреложное правило, распространяющееся на все земли, то есть монополизировать право распоряжаться главным средством производства, правящему слою абхазского общества не удалось. Рабы и лично зависимые крестьяне, живущие и трудящиеся на землях своих господ, обложенные множеством повинностей, не были преобладающей социальной группой и составляли в совокупности 16% населения страны [35, с. 18-19]. Абсолютное большинство населения составляли лично свободные крестьяне (*анхаю*), являвшиеся основными производителями и пользователями земельного и, шире, природного достояния Абхазии.

Ключевое движимое имущество, находившееся во владении *анхаю* - орудия труда и собираемый урожай были их безусловной собственностью и находились в распоряжении глав семей. То же самое относительно имущества недвижимого - тех земельных угодий, на которых они проживали и которые обрабатывали. Получалось, что фактическим распорядителем земли являлся непосредственный производитель-крестьянин, который делился с лидером результатами своего труда в обмен на покровительство и невмешательство в свою трудовую деятельность, читай - процесс производства. При таком раскладе общество не нуждалось в верховном собственнике и распорядителе базовых экономических благ. Такая децентрализованная система хозяйствования, при которой лидеры оказывались в стороне от процессов производства и распределения, хотя и не могла им нравиться, вполне устраивала основную массу населения. Неслучайно даже владетельные князья жили довольно скромно в сравнении с князьями соседних стран и не могли себе позволить содержать оторванную от производства наемную дружину. Кроме того, такая система хозяйствования затрудняла возможность оказать давление на население угрозой разорения. В 1837 г. барон Розен касательно покорения жителей нагорной Абхазии писал: "они могли

упорствовать продолжительное время в непокорности без большой с их стороны потери, ибо, кроме истребления их аулов, состоящих из плетеных балаганов, едва ли могли бы мы нанести им... какой-либо ощутимый вред" [30, с. 462].

б) Важным фактором, ограничивающим стремление лидеров подчинять себе отдельных людей и группы таковых, было наличие в абхазском обществе развитых форм горизонтальной интеграции. Это были сообщества равных - родственные и соседские, объединенные духом групповой солидарности, ограничивающие лидеров в возможности осуществлять индивидуальное принуждение. Для этого люди в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. были недостаточно отчуждены друг от друга. Попытка же подчинения какой-либо группы целиком была в таких условиях занятием крайне опасным, связанным с большими материальными, социальными и политическими издержками. Это было естественно для общества, где было возможно открыто противостоять даже самому владельцу страны, невзирая на его верховный статус и пытаться мстить ему за убийство своего родича. Ф. Ф. Торнау приводит пример из жизни владетельного князя Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе): представители (*ацнахума*) владетеля убили несколько выходцев из Цабала (Цебельды) ссылаясь на свое право карать за разбой. Родственники же убитых затеяли кровную месть в отношении владетеля и его людей. Только поменявшись в нужный момент со своим телохранителем башлыком, владетель остался жив, а сам телохранитель был убит, будучи принят цебельдинцами за князя [42, с. 51-55; 6, с. 26].

Кроме того, групповая солидарность, выраженная в традиции кровной мести, приводила к разобщению правящего слоя абхазского общества. Аристократические фамилии активно практиковали ее, что порождало затяжную кровную вражду внутри элиты, оборачиваясь большим количеством жертв и продолжительностью конфликта во времени. Это разрушало классовую солидарность верхушки общества и кооперацию усилий, направленных на укрепление своего положения в социуме как господствующего меньшинства.

Причем не только в целом, через вражду разных аристократических родов между собой, но и внутри них, между родственными большесемейными группами. Как практика самосуда, кровная вражда была социальным явлением, прямо противостоящим единству общества и централизации власти.

в) Во всей полноте проявлялся здесь и неоднократно упоминаемый личностный, персонифицированный характер социально-политических отношений у абхазов, не позволяющий устанавливать универсальные, общие для всех стандарты взаимоотношений между лидерами и подчиненными. Наоборот, такой характер порождал в каждом конкретном случае оригинальную совокупность взаимных договоренностей и низводил всякое взаимодействие, будь то конфликт, управление или сотрудничество, на уровень взаимоотношений двух конкретных персон. Последнее очень важно, ибо это по сути был механизм, который расщеплял стихийный процесс противостояния власти и общества на множество мелких частных конфликтов между двумя людьми, не могущий повлиять на общественное устройство в целом. Подчинение одного или нескольких людей амбициозному лидеру оставалось сугубо их личным делом, а значит не могло служить серьезным прецедентом для того, чтобы требовать покорности от других людей.

Совокупным результатом перечисленных причин стала неполная институционализация власти как интегрирующей силы в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. Оно не перевалило окончательно тот порог, за которым должно было начаться формирование самовоспроизводящихся формализованных структур власти. Поэтому отсутствовали такие институты контроля и управления, которые полностью были бы отделены от населения, то есть - бюрократический аппарат или профессиональная наемная дружина. Соответственно не было и социальной группы чиновников, оторванной от производства, но участвующей в общественном разделении труда через выполнение рутинных управленческих функций. Этим, кстати, объясняется упомянутое стремление абхазских лидеров при отсутствии собственных

институтов контроля и подавления, использовать уже готовый аппарат царской администрации в личных целях.

Вторая группа - это причины функциональные, проявляющиеся в повседневной практике управления и властных отношений, как очевидным образом ограничивающие способность лидеров навязывать свою волю обществу.

а) Самым простым и крайне эффективным фактором, ограничивающим возможность лидеров и лидерских групп навязывать свою волю остальному обществу, было отсутствие монополии верхушки общества на насилие и каких-либо оформленных институтов легального подавления, открыто действующих в интересах власти. В реальной жизни это означало всеобщую вооруженность и готовность оказать сопротивление, вполне допустимое (а порой и восхваляемое как подвиг) народными традициями даже в отношении привилегированных сословий, перешедших грань дозволенного. Так, один из приближенных самого владельца Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе) крестьянин Софудж Гублия "за отказ... в исполнении его просьбы, более 12 лет, в качестве абрека, грабил Абхазию и грабил бы долее, если бы владелец не изъявил желания прекратить с ним вражду" [Там же, с. 25-26].

б) Известно, насколько важную роль для установления господства над населением страны играет необходимость его территориальной концентрации. В эпоху отсутствия технических средств контроля только компактное расселение людей на ограниченном пространстве позволяло лидерам эффективно вмешиваться в жизнь подвластного населения. Это сокращало время получения информации и делало людей досягаемыми для власти в географическом смысле. А для Абхазии как раз было характерно полное господство рассеянного, хуторского способа расселения. Как проблема в деле установления централизованного контроля над населением эта особенность жизни абхазов была осознанна во второй половине XIX в. Тогда выявилась неспособность властей обеспечивать правопорядок при существующем способе расселения - затруднялось выполнение функции упорядочивания насилия в общественной жизни. Как отмечал современник той

эпохи: "абхазцы живут вразброс, один тут, другой за десять верст. Невозможно же к каждому дому приставить чиновника, - и потому масса преступлений остается даже неузнанными, но и самая цивилизация края немыслима: абхазец запрется в своей хате, - и делай что хочешь" [1, с. 317].

в) Распространенной проблемой, с которой сталкивались в Абхазии лидеры в стремлении расширить свою власть, была территориальная мобильность населения, мешающая власти эффективно локализовать очаги непокорности. На практике это выражалось в неспособности лидера удержать своих подвластных в случае, если они сочли его отношение к себе нестерпимым. Более того, сама возможность подвластных, как лично свободных, так и зависимых, покинуть своего господина вполне предусматривалась традициями народа в случае установления личной тирании. Сформировалась устойчивая практика переселения подвластных, не нашедших компромисса с лидером, в другую часть страны. Там какое-либо территориальное сообщество принимало беглецов на положении гостей, обеспечивало им покровительство и помощь в обустройстве. Этот обычай, называемый в источниках *асасство* (от абх. *асас* - гость), основывался на подтверждаемом традицией праве всякого человека отстаивать свое достоинство и священной обязанности гостеприимства, предполагающей защиту своего гостя. В данном случае - гостя всей *акыта* в целом, которая не выдавала господину ушедших от него подвластных против их желания.

г) Серьезной препоной к своеволию элиты у абхазов служило то, что знать не обладала неприкосновенностью. Само по себе убийство простолюдином аристократа, как следствие его преступного поведения, не считалось у абхазов экстраординарным преступлением и зачастую влекло за собой лишь уплату штрафа в пользу родственников жертвы. Так было в случае убийства князя Цамба, дворян Инал-ипа и Эмхаа (Эмухвари) [6, с. 24-25].

д) Достаточно оригинальным механизмом ограничения власти в публичной практике взаимоотношений лидеров и подвластных было наличие у абхазов сложной этической системы (*ансуара*), предписывавшей такие модели поведения,

которые были плохо или совершенно несовместимы с установлением безусловного подчинения. Такая уникальная ситуация не была бы возможна если бы не особая роль этической системы в жизни абхазов. Этикет, как синтез духовных традиции и норм упорядочивающих отношения между людьми, выступал в абхазском традиционном обществе как один из структурообразующих элементов. Столь большое его значение обуславливалось отсутствием письменного кодифицированного права и обеспечивающих его действие специализированных бюрократических институтов правопорядка. Детально регламентируя все стороны человеческого бытия, охватывая его своими нормами без остатка, этикет в абхазском традиционном обществе выполнял широкий круг функций. Он серьезно ограничивал человека в проявлении своих чувств и амбиций, устанавливал четкий предел того, что могли позволить себе господин и подвластный в отношении друг друга. Нарушение этого предела служило, с одной стороны, очевидным сигналом обществу о случае жесткого подчинения, чреватого для остальных, а с другой - держало излишне амбициозного или наоборот, раболепствующего человека в страхе перед потерей репутации и доверия, что влекло за собой изоляцию, а в крайних случаях приводило к остракизму. В абхазском традиционном обществе лидер не мог безнаказанно вмешиваться в личную жизнь подвластных. Он обязан был соразмерять свое поведение с заботой подвластных о своем личном достоинстве, участвовать в совместных с ними ритуалах и мероприятиях, обеспечивающих поведенческое и когнитивное единство участников, чтить те же традиции жизни, что и подвластный народ, что сглаживало дистанцию между ними. Так, в 1813 г. в провинции Самурзакан двое крестьян убили князя М. Чачба (Шервашидзе), но были оправданы народным сходом [2, с. 129, 133], поскольку причина убийства - домогательство к чужой жене - было прямым нарушением нравственных устоев общества.

Выходит, что этикет у абхазов был универсален в социальном отношении - его нормы были одинаковы для всех членов общества вне зависимости от

социального происхождения. Согласно Ш. Д. Инал-ипа: "не правила поведения были различны для феодалов и крестьян, а необходимая степень и полнота следования этим правилам, что свидетельствует о демократической в целом характере *ансуара*" [15, с. 45]. Нарушение любым абхазским лидером этических норм таило угрозу потери авторитета, а равно и самой власти. В 1834 г. владетель Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе) признавался в письме к Г. В. Розену: "Таковы наши обычаи... что только владея общим мнением, я могу управлять вверенным мне народом, и что, лишаясь уважения онаго, я лишаясь всякой над ним власти" [45, с. 446]. Социальная универсальность этической системы абхазов препятствовала полному отчуждению правящего слоя от основной массы населения.

§ 3. Функции власти

Всякая власть может утвердиться в человеческом обществе только при условии выполнения важной общественной функции, которую население не в состоянии выполнять самостоятельно. Жизнь абхазского народа серьезно осложнялась постоянной угрозой насилия - враждой, разбоями и вторжениями извне. В таких условиях крайне актуальным становился поиск силы, способной упорядочить насилие, творившееся как во внутренней жизни общества, так и в его взаимоотношениях с соседями. Нужно было организовать защиту от внешней опасности, ограничить внутреннюю агрессию и утилизировать ее вовне - против политических врагов и для обогащения, что неизбежно требовало объединения людей под единоличным руководством. Выполнение этой функции заключалось в: а) осуществлении военного руководства, б) исполнении роли арбитра в общественных конфликтах.

Военное руководство в горско-кавказском обществе являлось важнейшей функцией единоличной власти, что было естественно для региона со столь военизированным бытом людей: "При крайней небезопасности всего края,

окружавшегося соседями голодными и хищными, существовала и внутренняя небезопасность... Как лучшее противодействие такому злу, чувство самосохранения породило у всех привычку – покоряться личности" [44, с. 158-159]. Естественно, обороной такое руководство не исчерпывалось. Прямые формы эквивалентного обмена в виде товарно-денежных отношений в абхазском обществе были целенаправленно ограничены, а само стремление людей к обогащению оставалось неутоленным. В результате оборот материальных благ и социально-экономическая конкуренция здесь были в основном вытеснены на периферию общественной жизни, в "теневую" область набегов и хищений, которые, будучи упорядочены сводом традиционных норм, становились промыслом. Война в горско-кавказском обществе была эффективным средством обогащения и, как говорилось выше, действенным механизмом вертикальной социальной мобильности. Лидер в абхазском традиционном обществе был прежде всего воином и защитником, отстаивающим право единоличного применения силы в подконтрольном ему пространстве, т. е. выполнял функцию упорядочивания насилия постольку, поскольку сам возглавлял это самое насилие, а потому мог направлять его в то русло, которое устраивало и его самого, и основную массу подвластных.

Необходимым условием существования всякой власти является ее способность быть арбитром в общественных конфликтах и управлять ими. Это обусловило судебную-посредническую функцию власти, реализуемую в абхазском обществе, в силу ее особенностей, опосредованно. Обычно в качестве судей у абхазов выступали старейшины или наиболее уважаемые лично свободные люди, как знатного, так и незнатного происхождения, опиравшиеся на поддержку народного схода. При наличии такого народного суда способность лидера самому выступать в роли арбитра и добиваться исполнения своего решения служила ярким показателем его силы и влияния на население. В целом, единоличный суд в Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в. был по-видимому явлением достаточно редким и являлся прерогативой тех лиц, которые сочетали в себе

значительное общественное влияние с высоким знатным происхождением - наиболее могущественных князей, коих были единицы. Прежде всего это касается самого владетельного князя Абхазии, под контролем которого находилась судебная практика в стране: "Судьи избирались в общем собрании народа под председательством владетеля" [13, с. 348]. "Ежели при решении дела встречалось разногласие между судьями и если в суде председательствовал владетель, то он в присутствии судей сам решал дело, и решение приводилось в исполнение. Ежели встречалось разногласие в суде по делам, при разбирательстве которых владетель не председательствовал, то суд отряжал двух членов к владетелю, которые излагали ход дела и причину разногласия судей и просили его решения. В этом случае решение владетеля прекращало споры судей и приводилось в исполнение" [Там же, с. 349-350].

Понимая значение народного суда в практике территориального управления, лидеры в Абхазии не боролись с ним, а для усиления своей общественной значимости старались добиться в нем роли выборных судей и присяжных. Это позволяло реализовывать свою волю от имени народа, под личиной блюстителей порядка и традиций. Источники, рассказывающие о практике народного суда у абхазов, обращают внимание на участие в этом, казалось бы эгалитарном институте, дворян и руководителей территориальных сообществ [18, с. 313; 42, с. 59; 33, с. 310-311].

Особняком стоит функция контроля над оборотом экономических благ, выполняемая властью в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. Особенности экономического уклада абхазов делали неактуальным наличие верховного собственника-распределителя в масштабах всей страны. Поэтому он отсутствовал, и даже владетельный князь Абхазии не мог прямо вмешиваться в хозяйственную жизнь территориальных и родственных объединений, не имея на то веских оснований. Но, с другой стороны, мы помним, что насилие в жизни горско-кавказского общества было одним из путей перераспределения материальных благ. А поскольку основной функцией власти в абхазском

традиционном обществе было упорядочивание насилия, управляя им, власть опосредованно контролировала данный канал оборота ресурсов в стране.

Торговый оборот на подвластных землях, имевший в Абхазии исключительно внешнюю направленность, контролировался князьями через взимание пошлин и патронаж над иноземными предпринимателями, что обязывало последних к соответствующей форме "благодарности". Это главным образом касалось экспорта леса и рабов, а также ввоза импортных товаров [7, с. 81; 27, с. 129]. Учитывая отсутствие специальных бюрократических институтов, князья не имели возможности эффективно отслеживать сам процесс торговли, а потому сосредотачивались на контроле непосредственно над источниками происхождения товаров (в случае с древесиной - над лесными угодьями), пунктами, где производился торг, а также над самими торговцами. Пример тому - рынок в устье р. Келасур, где компактно проживали и вели свои дела в первой половине - середине XIX в. турецкие купцы, под патронажем князей Гассан-бея [42, с. 24; 27, с. 129, 135] и Дмитрия (Сеит-бея) [38, с. 393] Чачба (Шервашидзе), а также аналогичное поселение турецких торговцев в Очамчире, уплачивавшее пошлину владельцу страны [13, с. 355].

Сказанное выше показывает, насколько сильно в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX вв. во властных отношениях была выражена именно задача упорядочивания насилия. При всех его положительных результатах для общества, такая глубокая связь власти с насилием при ее гораздо меньшем участии в других сферах жизни общества обуславливала серьезный функциональный недостаток. Суть его была в том, что насилие само по себе - не непрерывный процесс, а всегда - событие. Если в иных человеческих обществах власть контролировала непрерывные процессы, например - трудовую деятельность и через это постоянно участвовала в жизни общества, демонстрируя свое присутствие и важную роль, то власть в абхазском обществе сосредотачивала свою активность главным образом в сфере войны, наказания за преступления, обеспечение безопасности, не имея прямого доступа ко многим иным областям

жизни населения. Соответственно лидеры оказывались востребованы обществом эпизодически, в моменты возникновения нужды в военном руководстве, покровительстве, обуздании разбоя, авторитетном судье. В других сферах жизни население старалось обойтись без руководства "сверху", что делало власть лидеров над массой людей в Абхазии во многом ситуативной.

§ 4. Принципы и институты управления

При описываемой системе властных отношений главными чертами, определявшими методы и структуру управления в абхазском традиционном обществе, были: во-первых, отсутствие постоянно действующих бюрократических структур управления с разработанной и формализованной процедурой работы; во-вторых, действие базового принципа политической культуры абхазов - персонифицированного характера всяких общественно-политических отношений. В результате бытовавшая в рассматриваемый период в Абхазском княжестве практика управления выглядела не как непрерывно длящийся формализованный процесс (что характерно для бюрократических структур), а как цепь мероприятий, осуществляемых каждый раз отдельно для достижения конкретной цели. При этом главным инструментом реализации управленческого решения являлась временно формируемая специально для данного дела группа исполнителей, состав которой лидер-организатор формировал лично, сообразно особенностям исполняемого дела.

В распоряжении абхазских лидеров, даже самого могущественного из них - владетельного князя, не-было какого либо института контроля и подавления, полностью отделенного от общества и потому способного навязывать волю любой его части. Состояние феодальной децентрализации, царившей в Абхазии, было емко описано в 1855 г. В. О. Бебутовым: "По феодальному устройству Абхазии, владетель был в ней правителем не полновластным. Сильная аристократия имеет независимое от владетеля внутреннее управление своими

землями, а обычай кровомщения, восстанавливающий часто целые фамилии одну против другой, доходит у нее почти до политического права войны и мира. При этом состоянии общества, абхазский князь ищет союзов один против другого и на всякий случай и против владетеля, в своей земле и в независимых от владетеля горных обществах Цебельде, Псху, Ахчипсой и пр. " [4, с. 50]. В результате само общество, разделяемое лидерами на группы, одновременно являлось и орудием и объектом принуждения. Повествуя о взаимоотношениях между владетельным князем и дворянами Ф. Ф. Торнау писал: "Принудить кого-нибудь из них (дворян - С. П.) подчиниться безусловного его воле он мог не иначе как с помощью тех же дворян" [42, с. 56].

Основным орудием исполнения управленческих решений был так называемый "княжеский *киараз*" - временно собираемая лидером группа лично преданных боеспособных мужчин, сопровождавших его и выполняющих его поручения. Это был нерегулярный институт без четко сформулированных и очерченных полномочий, олицетворявший ситуативный характер практики управления в абхазском обществе.

Другая особенность заключалась в том, что власть, как структура вертикального подчинения, не была универсальным механизмом управления в абхазском обществе, охватывающим все стороны общественной жизни. Круг ее полномочий естественным образом проистекал из выполняемой ею функции - упорядочивания насилия и заключался в военном руководстве, покровительстве своим подвластным, выполнении роли арбитра в конфликтах, а в случае владетельных князей - верховной судебной инстанции для подвластного населения и нежестком контроле над оборотом материальных благ (будь то торговля или разбой, как формы перераспределения) на подконтрольной территории. В таких сферах общественного бытия, как идеология, право и хозяйственная деятельность лично свободное крестьянское население было самостоятельно в принятии решений.

Мало того, указанные функции власти не были ею строго монополизированы, а их выполнение в равной мере возлагалось как на лидеров, так и на горизонтально

интегрированные институты народовластия - территориальные и родственные объединения (подробно см. Гл. III). Это был один из ключевых моментов в структуре абхазского традиционного общества. Он обеспечивал равновесие между массой народа и властью, сохранял между ними состояние, когда каждой из этих общественных сил было крайне трудно в одиночку реализовать всякое управленческое решение: лидерам - не заручившись соратниками и исполнителями, массе народа - не имея единоличного руководства. В такой ситуации практика управления строилась на принципе консенсуса между субъектом и объектом управления.

Важным фактором, определявшим методы управления, было отсутствие четкой профессиональной специализации, что было общим свойством абхазского социума конца XVIII - второй половины XIX в. Всякий крестьянин или небогатый дворянин был одновременно и воином, и производителем, и управителем в рамках своего хозяйства. Серьезным исключением была лишь немногочисленная верхушка княжеских кланов, полностью оторванная от производства и занятая исключительно политической и военной деятельностью. На практике это проявлялось в приоритете компетенции над квалификацией. Всякий управляющий являлся прежде всего господином, либо слугой господина, то есть лицом, наделенным полномочиями, а уже во вторую очередь - специалистом в доверенном ему деле. При таком подходе и персонифицированном характере общественно-политических отношений лидеры подбирали исполнителей для своих решений исходя из личных предпочтений, то есть методом кооптации. Это соответствовало самому укладу жизни абхазского народа изучаемого периода, не предполагавшему жесткого разделения труда между социальными группами и отдельными людьми. Единственным допущением в этом случае была передача функций управления по признаку квалификации в тех случаях, когда речь шла о видах деятельности, занятие которыми было этически недопустимо для этнического абхаза, но при этом крайне необходимо и требовало мастерства. Так, в XIX - начале XX в. была распространена практика, когда состоятельные абхазы

передавали ведение финансово-расчетных и торговых дел помощнику, выбираемому из инородцев. Причиной был существовавший у абхазов этический запрет на подобную деятельность, а равно и неискушенность в подобных занятиях, требующих опыта и определенного умения. Пример тому - назначение абхазскими владетельными князьями грузин в качестве исполнителей важных управленческих функций. Так, правитель Гумаа (Сухумский округ) Дмитрий (Сеит-бей) Чачба (Шервашидзе) назначил юнкера Е. Туркия управляющим своими имущественными (в том числе торговыми) делами, а при владетеле Абхазии Михаиле (Хамуд-бее) Чачба (Шервашидзе) личным секретарем князя состоял Г. Ходжашвили.

Учитывая специфику данного явления, правильнее рассматривать его не как подбор сугубо по соображениям квалификации, но со значительной ролью культурной мотивации. Способность и желание инородцев к деловым операциям воспринимались как часть их этнической культуры, как нечто, несвойственное самим абхазам (вспомним специфическое отношение к товарно-денежным отношениям). Поэтому точнее будет определить данный принцип подбора кадров как культурно-функциональный, соединяющий в себе этнокультурную специфику с необходимостью выполнения специфической трудовой деятельности.

Исходя из имеющихся на сегодняшний момент данных о социально-политической структуре Абхазии конца XVIII - второй половины XIX в. можно выделить зарождающийся специализированный институт контроля и управления в лице княжеских представителей - *ацнахума*, интегрированных в систему княжеской власти и олицетворявших ее на местах. Поскольку на сегодняшний день он был проанализирован достаточно слабо, стоит рассмотреть его подробнее.

Источники, повествующие об *ацнахума*, единогласно сообщают, что на социальной лестнице абхазского традиционного общества они занимали промежуточную позицию между мелким дворянством (*аамста гяч*) и лично свободными крестьянами (*анхаю*), и в плане социального происхождения как раз формировались их этих двух сословий. Сам по себе статус представителя князя,

конечно, усиливал позиции всякого *ащнахума* в территориальном сообществе (*акыта*), членом которого он являлся, но нет оснований думать, что настолько, чтобы возвыситься над его главой (*ахылапшыю*). Другое дело, что какой-либо локальный лидер мог порой совмещать оба этих статуса.

Образ жизни *ащнахума* и выполняемые ими функции были таковы, что некорректно определять их только лишь как личный боевой отряд князя. *Ащнахума* заметно отличались от классической феодальной дружины профессиональных воинов: они не были четко отделены от остальной части населения ни в социальном смысле, ни в плане проживания: их состав комплектовался из мелкого дворянства, амбициозных лично свободных крестьян [1, с. 287; 36, с. 281; 40, с. 106; 42, с. 58; 26, с. 446, 475] и даже иноземцев [42, с. 58; 26, с. 445, 448; 1, с. 287]. *Ащнахума* не были сконцентрированы подле князя, а проживали со своими семьями рассеянно. Не были они оторваны и от производства, а вели у себя дома сходный с рядовым населением образ жизни, отличный по сути формой повинности, которую они несли в пользу господина - не в производстве, как к рядовые крестьяне, а сопровождением по требованию, исполнением поручений, боевой службой, контролем за сбором повинностей в пользу господина [26, с. 449; 12, с. 584]. Неслучайно П. Д. Краевич [21, с. 7], И. Кишельский [20, с. 92], Д. С. Старосельский и Н. И. Воронов отнесли их к "покровительствуемому элементу населения" [41, с. 552]. А. В. Пахомов усматривал разницу между *ащнахума* и лично свободным крестьянством (*анхаю*), как аналогичную разнице между тяглыми и дворовыми людьми [26, с. 446]. Категоричнее всех оказалась группа знати из Самурзакана, которая в своем прошении к администрации края от 1865 г. определила *ащнахума* как отдельную категорию крестьянства [29, с. 68].

Конечно, за исполнение роли своего представителя князь часто передавал своему *ащнахума* право пользоваться теми податями и повинностями, которые изначально население *акыта* несло в пользу самого князя. Однако незначительные размеры и нерегулярность таковых, вообще свойственные для

Абхазии, не позволяли заметно на этом разбогатеть. Тем более что сам князь, руководствуясь логикой своего сословия, не допустил бы подобного.

Институт *ацнахума* по некоторым признакам можно рассматривать как нарождающуюся социальную группу управленцев - то есть бюрократию, находящуюся в зачаточном состоянии. Во-первых, потому, что согласно Ф. Ф. Торнау *ацнахума* выполняли обязанность борьбы с разбоем и воровством [42, с. 51], то есть круг функций, выполняемых ими, был шире, чем банальное прислуживание князю. Это говорит о некотором участии в общественном разделении труда, то есть выполнении функции, выгодной обществу в целом, а не только отдельной знатной персоне. Кроме того, как уже говорилось, на них возлагалась функция контроля над тем, как рядовое население выполняло повинности. Во-вторых, обращает на себя внимание такая важная особенность, как наделение статусом *ацнахума* не в фамильном, а в индивидуальном порядке [26, с. 449, 502], в результате чего княжеский представитель был связан со своим господином напрямую, в обход общепринятых родственных и соседских институтов, препятствующих централизации. Это значит, что статус *ацнахума* зависел от лояльности к господину, а не от социального происхождения. В 1865 г. начальник Бзыбского округа прямо указывал, что: "это люди... возведенные владельцем в звание шинакама за преданность" [40, 106]. Следовательно - перед нами не самовоспроизводящееся сословие, а целенаправленно создаваемая и поддерживаемая властью профессиональная группа.

И все же это была лишь зачаточная форма, которую нельзя строго определить ни как сословие, ни как официальную управленческую структуру, поскольку не выполнялось главное условие существования таковых - способность к самостоятельному воспроизводству. Не существовало *ацнахума* «вообще»: этот статус был строго привязан к личности конкретного князя, который наделял им или мог отобрать его. Нет свидетельств о регулярной передаче его в течение нескольких поколений по наследству, о наделении им всей фамилии или большой семьи в целом - что делало бы его сословием. Нет данных и о том, чтобы

ацнахума сохраняли свой статус и продолжали выполнение своих функции вне зависимости от смены господина, обладали четко сформулированными полномочиями и прописанной процедурой исполнения своих обязанностей, что превращало бы их в полноценный бюрократический институт.

Достаточно противоречивы данные источников о том, являлись ли *ацнахума* атрибутом только лишь власти владельца страны, как утверждает Ф. Ф. Торнау [43, с. 467], или власти всех князей [26, с. 441, 455, 474]. Он связан с вопросом возникновения самого института *ацнахума* в структуре абхазского общества. Согласно А. Черепову [44, с. 163], впоследствии поддержанному И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецким [3, с. 404-405], а также Ш. Д. Инал-ипа [14, с. 502], этот институт был привнесен в абхазскую действительность извне, под грузинским влиянием. Это утверждение опирается на твердый факт этимологии самого термина «ацнахума», как адаптированного под абхазский язык менгрельского понятия «щина кма» обозначавшего домашних слуг. Сам А. Черепов писал, что рассматриваемый институт сформировался на основе группы личных слуг мингрельской княжны Т. Дадиани, привезшей их в Абхазию в начале XIX в. при выходе замуж за владетельного князя Абхазии Сефер-бея Чачба (Шервашидзе). Соответственно получалось, что *ацнахума* в абхазском традиционном обществе - институт сугубо инородный и связанный только лишь с семьей владельца страны - Сефер-бея Чачба (Шервашидзе) и его наследников.

Однако, судя по данным источников, свои представители, то есть *ацнахума* в XIX в. имелись не только у владетельных князей страны, но и у удельных князей провинций Гумаа [26, с. 455] и Самурзакан [29, с. 68]. Разъяснение дает журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии, рассматривавшей в 1874 г. положение *ацнахума*, принадлежавших владельцу Абхазии и отдельным князьям. Согласно этому источнику, «положение шинагм владельцев было причиной, что комиссия не сочла возможным сравнить сословные права их с правами шинагм других тавадов (князей) и амиста (дворян), появившихся в большом числе в последнее время» [12, с.584]. То есть на протяжении XIX в. популярность этого

института возрастает и *ацнахума* появляются у целого ряда представителей знати, помимо владетельных князей Абхазии.

Здесь - важный момент, ведь если институт *ацнахума*, привнесенный извне, утвердился и начал распространяться в абхазском обществе, значит он оказался на новом месте востребованным. Ни один социально-политический институт не может быть механически перенесен из одного общества в другое, если в последнем отсутствуют должные обстоятельства, позволяющие ему прижиться на новой почве. Таковые в абхазском традиционном обществе XIX в. имелись. Неслучайно функции, выполняемые в абхазской системе власти дворянством (*аамста*) и *ацнахума* были практически идентичны. А. П. Черепов так и писал: "По объяснению народа, аамыста суть владетельские слуги", которые "сопутствовали владетелю в поездках и вообще исполняли различные поручения, сообразно способностям" [44, с.161]. Но власть князей над ними не была прочной. Будучи уже сформировавшейся и самовоспроизводящейся социальной группой, дворянство (*аамста*) вполне сознавало свой статус, обретаемый по факту рождения, а не милости князя и, опираясь на механизмы родственной и соседской солидарности, стремилось к максимальной независимости. В такой ситуации княжеская власть неизбежно начинала испытывать потребность в опоре на людей, проявивших высокий потенциал социальной конкуренции, но не обладающих значительным статусом в обществе. Назначая таких людей своими представителями, князья обретали более прочную опору своей власти: обязанные своим возвышением только князю и становясь противовесом знати, такие представители (*ацнахума*) служили своим господам с гораздо большей верностью, чем знать. В. М. и К. В. Сергеевы четко выразили суть такой ситуации, характерной для иерархий, где статус передавался по наследству: «Опасаясь конкуренции со стороны непосредственных подчиненных (в нашем случае - дворянства - *С. П.*), функционеры (т. е. владетельные князья - *С.П.*) часто стремятся наладить тесные контакты с людьми, стоящими на две ступеньки ниже, чтобы через них получать информацию о деятельности возможных соперников

(здесь начинает работать информационная социальная сеть), а также отслеживать появление новых. Устанавливая неформальные связи с подчиненными подчиненных, они тем самым создают сети доверия через уровень» [39, с. 10].

Кроме того, чисто функционально, как орудие управления в руках правителя, институт княжеских представителей был более эффективен по сравнению с аристократией, ибо в его основе лежал рациональный принцип подбора исполнителей не по степени знатности, а по персональным качествам. Рассеянный характер расселения *ацнахума* был не случаен, а обуславливался соображениями управленческого характера: сеть представителей позволяла господину своевременно получать информацию из разных частей подконтрольного региона и иметь на местах готовых исполнителей для воплощения в жизнь его управленческих решений.

Из всего сказанного выше следует, что взгляд на *ацнахума* как на сословную группу упрощает представление о структуре абхазского общества конца XVIII - второй половины XIX в., преподнося его внутреннюю стратификацию исключительно как сословно-родовую. Само существование *ацнахума*, которые являлись профессиональной группой, прообразом бюрократии, показывает, что это общество достигло такой степени внутренней сложности, что было способно создавать внутри себя специализированные управленческие группы, обособленные по функциональному, а не сословно-родственному признаку. Определение *ацнахума* как сословия берет свое начало из источников XIX в. и обусловлено общепринятыми для того времени представлениями об общественном устройстве, в которых термин "сословие" имел расширенный смысл и использовался для обозначения социальных групп разной природы - политической, профессиональной, экономической. Несовместимость определения *ацнахума* как сословия с их истинной сутью как профессиональной группы хорошо видна на примере того противоречивого определения, которое дал С. С. Эсадзе, когда сначала назвал *ацнахума* сословием, но затем отметил, что: «По своей организации сословие это имело большое сходство с опричниками Иоанна

Грозного» [46, с. 235]. Такое сравнение демонстрирует понимание автором сути феномена *ацнахума* как специализированной управленческой группы, состоящей из лично связанных с верховным сувереном людей и созданной как политический проект по укреплению его власти. Это позволяет, с поправкой на масштабы, считать аналогию с опричниной и подобными ей историческими феноменами вполне уместной. Речь идет о типичной для процесса централизации ситуации, когда верховный правитель утрачивает доверие к существующей элите как инструменту управления и стремится заменить ее сетью лично преданных людей. Так рождалась новая, альтернативная элита, основой власти и легитимности которой было "только доверие со стороны субъекта власти" [39, с. 11].

Аналогичная ситуация часто встречалась в доиндустриальных обществах на стадии централизации, где «главной тенденцией царской власти в области формирования властно-управленческих структур было стремление к созданию дворцовой организации, независимой от родовой знати. В одних государствах ядро этой организации составляли привилегированные рабы... в других... царь укреплял свой двор, пользуясь правом даровать титулы за личные заслуги, т. е. лицам не принадлежащим к избранным родам» [19, с. 161]. Таким образом, в социальном смысле *ацнахума* представляли собой сеть доверенных лиц, по отношению к которым их князь выступал в роли патрона, а они, соответственно, его клиентов. Строгая привязка звания *ацнахума* к конкретной княжеской персоне демонстрирует личностный, по сути патрон-клиентский характер связи между ними. Посему данная группа не являлась в полном смысле бюрократией, а лишь имела потенциал превратиться в таковую.

С темой возникновения *ацнахума* связан вопрос о наличии управленческих механизмов, на которых основывалось могущество владетеля Абхазии как верховного суверена. Являясь высшей судебной инстанцией в стране, владетели обладали монопольным правом выносить окончательное, не подлежащее пересмотру решение по спорным делам. Более того, они могли объявить

прощение осужденному лицу штрафов, присужденных ему судебным разбирательством.

Сами по себе такие полномочия хотя и возвышали владельца, но были не достаточны для контроля над подвластными, если бы не особые условия жизни страны. К таковым относились развитые формы групповой солидарности и склонность знати к нетрудовым доходам.

Дело в том, что аристократия, как и подобает природе этого сословия, в основной своей массе отвергала как труд, так и предпринимательство, предпочитая военизированный образ жизни. Неизбежно единственным источником обогащения знати становились грабительские набеги и похищения. Кроме того, внутри этой социальной категории шла постоянная борьба за утверждение и расширение власти, зачастую оборачиваясь открытым насилием. В результате правящий слой страны становился источником постоянной нестабильности в стране. Неумеренная агрессивность всякого лидера ложилась разорительным бременем на плечи его подвластных, обязанных участвовать в выплате штрафов за его преступления.

Учитывая особенности властных отношений в абхазском обществе, лидеры оказывались в уязвимом положении: с одной, стороны они попадали в зависимость от благосклонности верховного судьи - владельца страны, с другой - находились под постоянной угрозой утратить подвластных, которым надоест собственным имуществом, а может здоровьем и жизнью оплачивать неудачи и амбиции своего патрона и тогда они найдут другого покровителя. Последнее обстоятельство было серьезным: случалось, что знатная семья отказывалась от мщения за нанесенный материальный или моральный урон. Они "не мстили не потому, что не могли мстить, а потому. что... выгоды, которых они лишались с потерей всех подвластных, не сочувствовавших вражде... предпочитали чувству оскорбленной чести" [6, с. 25]. Случалось, что дабы выплатить штраф, лидер, "желавший оградить себя от оставления подвластными, должен был прибегать к продаже своих детей, что также влекло к потере уважения и отпадению

значительного числа подвластных" [Там же, с. 34]. В результате лояльность подвластных всякого лидера попадала в зависимость от выносимых в отношении его дел судебных решений, а значит владетеля, как высшей судебной инстанции: "От владетеля зависело остановить переход их или нет, т. е. простить штраф... или изречь прощение долгов, или наконец предоставить тавада (аристократа, лидера - *С. П.*) своей злополучной судьбе. Абхазцы рассказывают много случаев, в которых владетели избавляли своих приближенных от потери всех их подвластных - объявлением всеобщего прощения долгов" [Там же, с. 33]. Таким образом, опираясь на традицию групповой ответственности, на зависимость лидеров от лояльности подвластных, владетели использовали статус верховного судьи как действенное орудие контроля над правящим слоем страны.

§ 5. Типы политического лидерства

Политическое лидерство в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. было структурно неоднородным. Опираясь на такие критерии, как масштабы подконтрольной территории, социальное происхождение лидера, наследуемость (возобновляемость) его власти, дистанции между лидером и подвластным населением, можно выделить два типа политического лидерства. Первый характеризуется большими масштабами подконтрольной территории, возможностью наследования власти, однородным социальным составом, опосредованным управлением через представителей. Второй тип - сугубой локальностью власти, смешанным социальным составом лидеров, непосредственным участием в жизни подвластного населения, ненаследуемостью власти.

Первый тип представлен лидерами исключительно знатного происхождения, могущими передавать свою власть по наследству внутри собственных родственных коллективов и господствующими над определенными провинциями страны и регионами внутри них. Лидеров данного типа можно разделить на два

уровня: высший (владетельных князей) и региональный. В обоих случаях речь идет о ситуации, когда группа людей, спаянная узами родства и соседства, доминировала в военно-политическом смысле над определенной территорией и это доминирование воплощалось в личной власти ее руководителя.

Несмотря на значительную роль для человека родственных связей, политическая культура абхазов обуславливала неизменно важную роль его лидерских качеств. Результатом компромисса этих двух начал была система передачи власти высшего, княжеского уровня, главным образом не по линии одной семьи, а в пределах патронимической группы или целой фамилии. Это в частности означает, что власть князей и крупных дворян в Абхазии конца XVIII - второй половины XIX в. являлась возобновляемой, в отличие от власти второго, локального типа.

На вершине властной иерархии находился самый могущественный из лидеров - владетельный князь всей страны - *ах*, из рода Чачба (Шервашидзе). Он представлял собой наиболее влиятельную персону среди князей, каждый из которых правил определенной провинцией страны. Структурно он являлся первым среди равных, слабо зависимых от него удельных князей. Отличие владетеля страны от последних заключалось в авторитете самого титула владетеля, как живого символа единства абхазского народа, и статусе высшей чрезвычайной судебной инстанции, а не абсолютного диктатора, обладающего неограниченной властью в стране. Одновременно он являлся покровителем наиболее густо населенных территориальных сообществ страны и обладал крупнейшими в стране родовыми уделами. Но в условиях отсутствия аппарата контроля и принуждения такое формально высокое положение могло обратиться в реальное могущество, только если подкреплялось соответствующими персональными качествами князя как лидера и представителя своего народа. Для примера достаточно сравнить правление владетельных князей - Келеш-бея Чачба (Шервашидзе), сумевшего распространить свое влияние даже на непокорную горную часть Абхазии, и его внука Дмитрия (Омар-бея), юного, не умудренного жизнью и воспитанного вне родины, который, несмотря даже на принадлежность

к фамилии Чачба и титул владетеля страны, был в 1822 г. отравлен (предположительно), как человек, не соответствующий занимаемому положению. Помимо владетеля всей Абхазии существовали удельные князья провинций, коих всегда насчитывалось в стране всего несколько человек. Это были выходцы из двух влиятельнейших фамилий Абхазии: Чачба (Шервашидзе) и Амарщан (Маршания).

В рамках подконтрольной провинции каждый удельный князь выступал как протектор, выполняющий функции верховного военного руководителя и высшей судебной инстанции. Во внутреннюю жизнь территориальных сообществ (*акыта*), существовавших в подвластных провинциях, князья особо не вмешивались, а степень подчиненности последних различалась. В одних случаях князь назначал главой сообщества своего представителя, в других - признавал таковым местного лидера, добившегося главенства над сообществом самостоятельно. Немногочисленную группу составляли сообщества, реально не имеющие своего главы и лишь номинально признающие протекторат князя. Такое случалось в местах компактного проживания какой-либо многочисленной и влиятельной патронимической группы, способной, опираясь на свою боевую силу, обеспечить себе самостоятельность. Ввиду низкой эффективности института глав территориальных сообществ как орудия контроля над населением в каждом *акыта* присутствовали личные представители князя на местах - *ацнахума*. В случае визита князя в определенное место он мог созвать проживавших там его представителей и верных ему людей в боевой отряд - княжеский *киараз*, опираясь на который, господин демонстрировал и реализовывал свою власть. У наиболее могущественного из князей - владетеля всей Абхазии имелись представители во всех регионах страны. В любом случае управление на высшем, княжеском уровне власти осуществлялось опосредованно - через представителей господина, назначаемых или признаваемых им в качестве таковых.

Главной опорой власти князя служила сеть его связей, родственных, квазиродственных и личных (клиентных), раскинутая как в собственной провинции, так и по всей стране. Зачастую эта сеть принимала форму политического союза его собственной фамилии с какими-либо другими, достаточно могущественными, облеченного в форму родства. В. А. Потто указывал: "При условиях, в которых находилась Абхазия, для управления народом нужна была... власть владетельного князя, сильного фамильными союзами" [28, с. 550].

Так же как и *ацнахума*, союзные, родственные князю группы не концентрировались строго в одном месте, а были распределены по всей провинции или, как в случае с владетелями всей Абхазии, по всей стране. Следовательно, в масштабах страны власть князей, в отличие от более мелких лидеров, имела надтерриториальный характер. Однако следует учитывать - речь идет непосредственно о самих владетелях и удельных князьях. Та власть и привилегии, которыми они обладали, не распространялись на всю их фамилию в целом [5, с. 23; 13, с. 355]. Более того, вопрос о том, кто конкретно из представителей доминирующего в провинции рода будет ею править, зачастую раскалывал его, а вместе с ним и подвластное население провинции на конкурирующие партии, порождая борьбу, открытую и тайную, не на жизнь а на смерть. Это видно на примере борьбы князей Амарщан (Маршания) между собой за власть над областью Цабал в 60-х годах XIX в., или спора, продолжавшегося всю первую половину - середину XIX в. между двумя ветвями фамилии Чачба (Шервашидзе) за господство над провинцией Гумаа (совр. Сухумский район) (подробнее см. § 6 настоящей главы).

Ниже уровнем находились наиболее влиятельные члены княжеских и дворянских фамилий, контролирующие отдельные области внутри провинции. Таковыми можно считать лидеров влиятельных аристократических фамилий: Маан (Маргания), Анчабадзе, Инал-ипа, Чабалырхуа, Дзяпш-ипа и др. Структура их власти была подобна структуре власти владетельных князей, но только в меньшем

масштабе и сообразно более скромным возможностям таких лидеров. Не имея в отличие от владетеля и удельных князей крупных родовых уделов и права назначать своих *ацнахума*, лидеры этого уровня в большей мере, чем князья, зависели от поддержки тех родственных и соседских сообществ, к которым они относились и в которых проживали. Данный уровень власти следует считать переходным от надтерриториального к территориальному, поскольку ареал власти лидеров данного уровня имел привязку к месту их проживания, но включал не одно, а несколько территориальных сообществ (*акыта*). Вследствие этого лидеры рассматриваемого уровня тяготели к максимально возможной самостоятельности по отношению к владетельным князьям и фактически делилась на тех, кто признавал над собой власть правителя провинции и наоборот, тех, кто ей активно противостоял. Важно понять: в логике местного сепаратизма знатные лидеры регионального уровня противостояли удельным князьям или владетелю всей Абхазии сугубо как правителям провинций, а не как верховному суверену всей страны.

Благодаря Ф. Завадскому имеется возможность представить, как территориально распределялась власть князей и влиятельных дворянских семей на пространстве равнинной и предгорной части страны, то есть в рамках владетельного Абхазского княжества (исключая нагорную часть страны, фактически в него не входившую и контролируемую родом Амарщан (Маршания), а также Самурзакан) на момент 1867 г.: "Родовое имение владетеля (Михаила (Хамудбей) Чачба (Шервашидзе) - С. П.) составили селения: Лыхны (в переписке Соук-су) и Учамчира (в переписке Очемчиры) с окрестностями. Ему же принадлежали: Арква, Ебарныха, Гудауты, Кындыг, Тамыш, Ешкит, Патыгу, Аквася, Муку, Илоры, Пакваш...

Пространство, заключающееся между реками Гумисты и Пшап и деревни, на оном расположенные, как-то: Яштхва, Бырцу, Агвара, Абжаква, Гурлыпш, Келасур и Мархеул... принадлежит князю Георгию, сыну Дмитрия Шервашидзе, внуку Гассан-бея.

Родовые имена княжеских фамилий. Анчебадзе владели селениями Ачандара, Гума, Лабра, Чилоу и Ткварчал.

Инал-ипа владели селениями: Лыдзаа, Аджапхуны, Васа, Ашлара, Папцхва.

Маршани владели селениями: Мытцара, Акапа, Гуп и Джгерды.

Дзяпш-иповым принадлежали селения Ешира и Тхина.

Эмухвари имели в Пицундском округе селение Емхы.

Чабалырхва владели около Соук-су селениями Чабалырхва, Аквоскемца и частью Абжаквы.

Родовые имена дворянских фамилий. Ман владели селениями: Чигурхва, Джирхва, Хап, Мыгу-Дзырхва, Апыцхва, Псырдзха, Адзыбжа (Кодор), Маркула.

Жван владели: Жвандрыпш и Дранда.

Лакер владели: Дурипш, Рывта, Куланырхва.

Акыртаа и Баг владели частью Аацы.

Блаб владели Блабырхва.

Микан владели Анхва.

Чирик владели Яштхва" [Там же, с. 354-356].

Как явствует из данного списка, политическое значение самого владетельного князя, а также княжеских и дворянских фамилий было напрямую связано с числом территориальных сообществ (*акыта*), находящихся под их управлением.

Наглядно показано разделение верхнего эшелона власти в Абхазии на две группы. Одна группа - удельные князья, в данном случае Михаил (одновременно - владетель страны) и Георгий Чачба (Шервашидзе), контролирующие первый провинции Бзыб и Абжуа, а второй - провинцию Гумаа. Вторая группа представлена господствующими на региональном уровне внутри провинций княжескими и дворянскими фамилиями: Анчабадзе, Инал-ипа, Маршани (Амарщан), Чабалырхуа, Маан (Маргания), Лакер (Лакрба, Лакербай).

В приведенном выше списке обращают на себя внимание те знатные фамилии, власть которых ограничена всего одним или двумя территориальными сообществами *акыта*. Они относились к другому типу лидерства.

Этот второй тип лидерства охватывал непосредственно управление на местах, осуществлявшееся главами территориальных сообществ (*ахылапшаю*) и представителями князей (*ацнахума*). Оба этих статуса могли совмещаться в одном человеке. Особенностью этого низового уровня управления было отсутствие четко выраженной дистанции между руководителями и остальной массой населения в быту, уровне состоятельности, месте проживания, а порой и социальном происхождении. Наоборот, они принимали активнейшее участие в повседневной жизни своих территориальных сообществ: "Считаясь первым между равными *ахылапшаю* собирал сходки (*айбарбара*) для обсуждения мер к сохранению союза (*ажвлар*)... принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п." [44, с. 159].

Власть глав *акыта* имела строгую территориальную привязку: все те привилегии, подарки, подати и обязательства, которые выполнялись в его пользу, имели место только в пределах того территориального сообщества, которое *ахылапшаю* возглавлял и только по факту его присутствия в ней: "Все́м этим ахалапшаю пользовался лишь в месте его постоянного жительства. Но ежели он не жил в общине, признавшей патронат, то, в силу обычая, не мог ни от кого ничего требовать за все то время, которое провел вне общины" [Там же, с. 160]. Единственным способом расширения власти такого уровня было увеличение числа территориальных сообществ, признававших власть одного лидера, что повышало требования к его способностям как руководителя и дипломата.

Поскольку это был низовой уровень власти, в нем господствовало прямое управление: лидер лично участвовал во всех важных событиях на подвластной территории, сам принимал решения и воплощал их в жизнь.

Соединение в одном человеке лидерских качеств, статуса главы сообщества и роли княжеского представителя делали его, пусть и на локальном уровне, весомой политической фигурой. В горной части страны, где традиции народовластия были

сильнее, такой тип лидерства отличался слабостью и незрелостью, что выражалось, например, в гораздо меньшем значении *ахылапиую* в жизни территориальных сообществ: там, например, отсутствовали обязательные повинности и подати, приносимых в их пользу [24, с. 233; 18, с. 313-314].

Сильной стороной лидеров, относящихся ко второму, низовому типу политического лидерства, был сугубо территориальный характер их власти, который и придавал ей общественную актуальность и эффективность, ведь князья, контролировавшие обширные области, были не в состоянии в одиночку и своевременно обеспечить протекцию над населением. Между владельцами и основной массой народа образовывался вакуум, заполненный лидерами местного уровня, которые были доступны рядовому населению, способны и желали принять участие в повседневной жизни и насущных проблемах людей, дабы обрести среди них авторитет. Это предопределило смешанный социальный состав этой категории: она формировалась как из дворян, так и из лично свободных крестьян *анхаю*. Критерии эффективности лидеров и лояльности подопечных здесь явно преобладали над их сословным происхождением: "Народу нужен был не тавад или аамста (князь и дворянин - С. П.) а человек способный оберегать его самостоятельность, его право, и руководить общественной защитой" [6, с. 23].

Таким образом, занимая промежуточное социальное положение, политические лидеры второго типа выполняли важную для абхазского общества с его сильными эгалитарными традициями функцию - заполняли разрыв между правящей элитой и рядовым населением, делая границу между ними размытой, пронизанной каналами социальной мобильности через достижение локального, низового лидерства.

§ 6. Динамика властных отношений в Абхазии конце XVIII - второй половине XIX века

Выше рассматривалась структура и институты власти, существовавшие в Абхазии в их статичном виде, отмечались их главные особенности и структурные свойства. Между тем, как и всякое историческое явление, эти властные отношения на протяжении изучаемого периода находились в динамике, обусловленной двумя обстоятельствами.

Первым обстоятельством был передел сфер влияния и контроля на Западном Кавказе между крупнейшим геополитическим игрокам региона - Османской и Российской империями. В результате этого правящий слой абхазского общества утратил былую устойчивость своего положения, поскольку княжество стало стремительно терять внешнеполитический суверенитет. Внутри самой абхазской элиты при этом разгорелась борьба, обусловленная, во-первых, неизбежной необходимостью совершить политический выбор между Российской и Османской (поддерживаемой Британией и Францией) империями, борющимися за господство на Западном Кавказе и в том числе - над Абхазией; во-вторых, конкуренцией за возможность использовать столь действенный в местных условиях источник власти, как поддержка одной из (а в идеале обеих) упомянутых держав.

На разных этапах борьбы актуальность указанных причин раскола была различна, поскольку шел неуклонный процесс интеграции страны в Российскую империю и соответственно этому их значение менялось.

В конце XVIII - первой половине XIX в. наиболее актуальной была необходимость делать выбор между пророссийской или протурецкой внешнеполитической ориентацией. Ближе к середине XIX в. вхождение в состав Российской империи стало фактом и более насущной задачей для правящего класса Абхазии стало сохранить и если получится - укрепить свою власть в новых условиях, а значит - заручиться доверием и поддержкой имперской администрации. В каждой части страны между лидерами, которые претендовали

на власть, развернулась конкуренция за право выступить в роли посредника между населением и имперской властью. Это предполагало выполнение ряда условий: получение военного или гражданского чина, должности в краевой администрации, обретение покровителя в руководстве этой администрации. Все это давало возможность использовать управленческий ресурс администрации и армии в своих целях: легально закреплять за собой земельные владения, расправляться со своими врагами, получать жалование, устанавливать поборы и повинности с рядового крестьянского населения. Понятно, что такие возможности неизбежно должны были стать предметом серьезной конкуренции, что ясно проявляется в истории Абхазии на всем протяжении XIX в.

Итогом стал раскол, разобщивший не только сам господствующий класс Абхазии как таковой, но и те родовые группы, из которых он состоял: так произошло с двумя наиболее политически могущественными княжескими фамилиями страны - Чачба (Шервашидзе) и Амарщан (Маршания).

Чачба (Шервашидзе) разделились на две противостоящие группы в споре за право управления над провинцией Гумаа (Сухумский округ). Она находилась в центре Абхазии, вклиниваясь между провинциями, составлявшими удел владетелей всей страны, разделяя его на две части. На ее территории располагался единственный город страны - Сухум. К тому же правители Гумаа - князья Гассан-бей (сводный брат владетеля страны Сефер-бей) и его наследники держались независимо по отношению к владетелям Абхазии, которые как верховные суверены не могли с этим смириться. В результате фамилия Чачба (Шервашидзе) разделилась на две противоборствующие патронимические группы: наследников Гассан-бея, удерживающих за собой Гумаа, и стремящихся подчинить наследников владетеля Абхазии Сефер-бея. Конфликт так и не был разрешен вплоть до упразднения Абхазского владетельного княжества, когда противостоящие группы утратили свою власть.

Аналогичной была ситуация в провинции Цабал (Цебельда), где сводные братья Амарщан (Маршания) разделились на две партии, споря о господстве над

провинцией: братья Хенкурас и Батал-бей против Халиля, Шабата и Эшсоу. Вражда эта, тянувшаяся с 1830-1860-е годы, имела катастрофические последствия как для самой фамилии Амарщан, так и для населения оспариваемой провинции. Несмотря на родство, борьба между братьями велась жестко, доходя до попыток убийства, и в нее было втянуто население Цабала. Раскол фамилии и населения провинции на противоборствующие партии был усугублен тем, что, стремясь расширить свои военно-политические возможности, обе стороны привлекать внешние силы. Шабата и Эшсоу привлекли сванов и жителей нагорных провинций страны Псху, Дала, Ахчипсоу и Аибга. Хенкурас и Батал-бей опирались на поддержку владетеля Абхазии и русской имперской администрации. Результатом вражды стало разрушение единства фамилии Амарщан (Маршания) и ее распад как единой политической силы и хроническая военно-политическая нестабильность в Цебельде, приведшая к выселению местного населения в Османскую империю.

Аналогичной была ситуация и внутри дворянских семей, о чем свидетельствует история смертельной вражды между представителями фамилии Инал-ипа в сообществе Лдзаа. Тогда братья Тамшуг и Кизылбек выступили против своего родича Карамана и в результате долгой взаимной вражды убили его [22, с. 520-523].

Вторым обстоятельством, обуславливавшим основные тенденции развития социально-политической структуры Абхазии в рассматриваемое время, было махаджирство - массовый исход коренного населения на территорию Ближнего Востока и частично Балкан. Результатом его стало сокращение населения страны и, соответственно, образование больших пространств, пригодных для жизни и хозяйственной деятельности, но лишенных населения и не находящихся в чьей-либо собственности.

Эти обстоятельства обусловили начавшийся процесс реформатирования властных отношений в абхазском обществе, который выражался в снижении актуальности одних источников власти и появлении других, ослаблении ранее

могущественных знатных фамилий, образовании никому в реальности не подконтрольных районов, прежнее население и правители которых покинули пределы страны. Пик данного процесса пришелся на 60-70-е годы XIX в. и напрямую связан с упразднением автономии Абхазского владетельного княжества, восстанием 1866 г. и проведением крестьянской реформы в 1871 г. Таким образом правящий слой абхазского общества утратил прежнее влияние и социальную спаянность, в результате чего произошло усиление политической роли лидеров местного, локального уровня. Эта категория была представлена социально активными людьми, сумевшими тем или иным способом обрести власть на местах. Осваивая со своими подвластными малонаселенные участки или обретая влияние в существующих территориальных сообществах, эти лидеры заметно усиливаются, становясь фактически независимыми как от князей, правящих провинциями, так и от имперской администрации, не имевшей вплоть до конца XIX в. достаточно кадровых ресурсов для абсолютного контроля над всей территорией страны. Пример тому - поселение, образовавшееся в 1860-х гг. в окрестностях г. Сухум. В 1868 г. А. В. Пахомов писал, что оно состоит из "разных беглых из Бзыбского округа, самовольно вырубивших и расчистивших драгоценный кизилковый лес и признающих своим помещиком шинагму (*ацнахума* - С. П.) Кягуса Чирикба. Лет пять или шесть тому назад шинагма Кягуса Чирикба первый вышел с своими ахуйю из селения Яштуха ... Вскоре по его приглашению явились к нему разные выходцы из Бзыбского округа, подвластные князьям Инал-ипа, князя Александра Шервашидзе, дворян Маргания и других помещиков... К этим поселенцам, во время переселения абхазцев в Турцию, присоединились еще несколько цебельдинцев, оставшихся от переселения и таким образом образовалась довольно большая деревня. По примеру Кягуса Чирикба туда же переселились и некоторые другие жители Яштуха... Кягуса Чирикба, прочно утвердившись на своевольно занятой и розданной им земле и опираясь на живущих под его покровительством асассов (абх. гостей - С. П.) и, будучи вследствие этого богаче других яштухинских

жителей, распространяет свое влияние на все селение Яштуха, жители которого гораздо больше боятся его, нежели начальства" [26, с. 442].

Знать и местная имперская администрация были склонны рассматривать таких лидеров как узурпаторов, поскольку это были люди главным образом крестьянского происхождения, чья власть основывалась сугубо на фактическом влиянии, обретенном в конкретном месте и над конкретной группой людей. Их статус часто не подкреплялся аристократическим происхождением, правом наследования, поддержкой удельного князя, а основывался на личных достижениях. В результате власть таких лидеров была обделена столь важными компонентами, как высокий уровень престижа и легитимности в глазах общественности. Понимание такого уязвимого положения породило у этой новой категории стремление самовольно возвысить свой социальный статус, ярко проявившееся в ходе крестьянской реформы: к примеру, если в 1865 г. в Абхазии насчитывалось 910 *ацнахума*, всего через четыре года в 1869 г. к таковым себя причисляли уже 1800 человек [9, с. 177]. Случалось, что сами аристократы способствовали разрастанию знатной прослойки общества: "В первые годы управления Абхазией Сефер-беем класс аамыста (дворян - *С. П.*) значительно увеличился от присвоения претендентами на власть приставки аамыста своим приближенным... и подобных народ в насмешку называют аамыста гячь, т. е. аамыста – короткий" [44, с. 162]. Целому ряду таких лидеров удалось возвысить свой социальный статус до уровня знати и закрепить его, отражением чего в абхазской социальной терминологии стало появление термина "*анхаю-аамста*" - дословно "крестьянские дворяне" [16, с. 164].

Но утратив старые источники власти, абхазская знать обрела новые. На протяжении всего XIX в. шел процесс неуклонного втягивания Абхазии в экономическое и правовое пространство Российской империи. Он обусловил распространение в стране представлений о частном землевладении и юридическом закреплении высокого социально-политического статуса аристократии, оберегаемого государством.

Оценив новые возможности, которые открывались при интеграции в правящий класс империи, абхазская знать проявила стремление по примеру соседних стран и в связи с проведением крестьянской реформы превратить земельные угодья на подвластных территориях в неотчуждаемую юридически подтвержденную собственность. Это автоматически превращало их в легальных частных землевладельцев, а живущих на этих землях крестьян - в арендаторов, подверженных экономическому принуждению со стороны собственника. Так в абхазскую действительность привносился новый принцип землепользования основанный на праве безусловного частного владения. В 1866 г. начальник Сухумского отдела В. М. Коньяр писал, что к тому времени получили распространение "между абхазцами понятия о видах поземельной собственности, существующих в других странах. Применяя их к себе, роды, дававшие покровителей общинам, стали незаметно присваивать себе право собственности над землями, находившимися в пользовании их подвластных, и начали проводить в народе мысль, что отбываемые ими повинности составляют вознаграждение за право пользования землей, принадлежащей этим высшим сословиям. Они успели настолько в этом, что в настоящее время народ действительно признает за ними некоторые права на те земли, хотя каждый абхазец вместе с тем убежден, что никто не в праве лишить его того участка земли, который перешел к нему от предков и который он обрабатывает до тех пор, пока сам он не покинет его, или пока взамен отбираемого у него, с его же согласия, участка, ему не будет указан другой" [17, с. 173]. Подтверждением этому служит возникновение в XIX в. в Абхазии специального института хранителей земельного и лесного фонда территориальных сообществ [10, с. 4], как результата борьбы крестьян, пытающихся сохранить трудовое право на землю, со знатью и главами-покровителями сообществ, стремящимися присвоить это достояние, прежде всего леса (источник шедшей на продажу древесины и охотничьи угодья), а также пастбища и превратить их в неотчуждаемую собственность.

Попытка правящего слоя абхазского общества обратить большую часть земельного фонда страны в свою полную собственность имела пагубные последствия для страны. Она ускорила ломку традиционного уклада жизни основной массы населения - крестьянства и послужила одной из важнейших причин восстания 1866 г. Позже, в ходе проведения крестьянской реформы знать все-таки получила землю, но в гораздо меньшем объеме, чем изначально желала. Соответственно этому в абхазском обществе возросло имущественное расслоение и экономическая состоятельность становится серьезной основой социального статуса правящего слоя в Абхазии. Таким образом, часть его интегрировалась в правящий класс империи. Традиционная структура абхазского общества претерпела необратимые изменения.

-
1. *Аверкиев И. С.* С северо-восточного побережья Черного моря. 1866. // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.)*. Сухум, 2005. Кн. I. С. 285-291.
 2. *Антелава И.Г.* Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.
 3. *Антелава И. Г., Дзидзария Г.А, Олонецкий А. А.* Из истории крестьянской реформы в Абхазии // *Исторический архив*. 1950. № 5. С. 392-453.
 4. *Бебутов В. О.* Рапорт кн. Долгорукому от 11-го июля 1855 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии*. Тифлис, 1888. Т. XI. ч. 1. С. 46-50.
 5. *Бутков В.* Записка о вознаграждении владельца Абхазии М. Г. Чачба (Шервашидзе) в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии от 1864 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 22-28.
 6. *Введенский А. Н.* Абхазы (Азег). // *Сборник сведений о кавказских горцах*. 1872. Вып. VI. С. 1-48.
 7. *Введенский А. Н.* Следственное дело о принадлежности земель, расположенных между р. Бзыбь и г. Гагры за 1865 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 79-81.
 8. *де-Лагард Б.* Рапорт начальника воинского укрепления Гагры кутаисскому генерал-губернатору от 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 196-198.
 9. *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.
 10. *Джанашиа Н.* Кое-что из быта Абхазии // *Иверия*. 1902. № 109 (на грузинском языке). С. 3-4.
 - 11 *Журнал заседаний комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа за 1869 г.* // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 315-324.

12. Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии за 1874 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 583-584.
13. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.
14. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
15. *Инал-ипа Ш. Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
16. *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
17. *Коньяр В. М.* Докладная записка начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому о поземельных отношениях в Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 172-177.
18. *Корганов И. И.* Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 311-315.
19. *Кочакова Н. Б.* Размышления по поводу раннего государства. // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. - С. 153-164.
20. *Кишельский И.* Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Абжуйского округа и управляющему Самурзаканью в 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 92-95.
21. *Краевич П. Д.* Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.
22. Кровная месть (Из судебной хроники). // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2008. Кн. II. С. 520-523.
23. *Курнатовский И. Д.* Рапорт ген. - м. Сталю от 9-го мая 1818 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1874 Т. VI. ч. 1. С. 644.

24. *Лисовский Ф.* Докладная записка цебельдинского пристава о Псху и его жителях за 1838 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2008. Т. I. С. 232-235.
25. *Немирович-Данченко В.* *Море. Абхазское поморье.* М., 1897.
26. *Пахомов А. В.* Объяснительная записка управляющего именьями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию за 1868 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.
27. *Понсэ М.* Приложение к рапорту председателя комиссии "приводящей в известность владетельские именья в Абхазии" от 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 129-142.
28. *Потто В. А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III, ч. 2.
29. Прошение самурзаканских князей начальнику Самурзаканского и Абжуйского военного округа от 1865 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. С. 67-69.
30. *Розен Г. В.* Отношение к гр. Нессельроде от 20-го мая 1837 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 460.
31. *Романов М.* О положении в Абхазии в 1864 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 20-22.
32. *Рыбинский Г. А.* *Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении.* Тифлис, 1894.
33. *Рыбинский Г. А.* Скотокрадство в Абхазии. // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.)* Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312.
34. Сведения о действиях владетеля М. Г. Чачба-Шервашидзе и о положении края в 1863 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 5-18.
35. Сведения о туземном населении Сухумского отдела за 1868 г. // *Сборник статистических сведений о Кавказе.* Тифлис, 1869. Т. I. С. 18-19.

36. *Селезнев М. А.* Руководство к познанию Кавказа. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2011. Т. II. С. 276-282.
37. *Серебряков Л. М.* Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. // Морской сборник. 1865. №6. С. 90-105.
38. *Серебряков Л. М.* Предписание начальника Черноморской береговой линии за 1853 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2011. Т. II. С. 392-393.
39. *Сергеев В. М. Сергеев К. В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети. // Полис. 2003. №3. С. 6-13.
40. *Синоков (?)* Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Бзыбского округа в 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 104-110.
41. *Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани от 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 551-569.
42. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.
43. *Торнау Ф. Ф.* Обычай абхазского народа и разделение его на состояния в 1835 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 465-470.
44. *Черепов А. П.* Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.
45. *Шервашидзе М. К.* Письмо барону Розену от 5-го марта 1834 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. - Тифлис, 1888. Т. VIII. С. 446.
46. *Эсадзе С. С.* К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 225-253.

Глава III. Традиции народовластия и формы самоорганизации в абхазском обществе в конце XVIII - второй половине XIX века.

Ранее была рассмотрена власть - вертикальный вариант интеграции, структурирующей общество иерархическим образом. Теперь же следует рассмотреть горизонтальный вариант интеграции в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX вв., реализованный в институтах и традициях народовластия.

§ 1. Сущность народовластия в абхазском обществе

Нужда населения Абхазии изучаемого периода в самоорганизации, естественным образом проистекала из потребности населения самостоятельно обеспечить себе приемлемые условия жизни в ситуации, когда существовавшая власть была слишком слаба, чтобы в полной мере взвалить на себя функции контроля и организации деятельности людей в масштабах всего общества, гарантировать безопасность от основных экономических, социальных и политических рисков. Эта задача могла быть выполнена только объединением в коллективы, обеспечивающие своим членам: во-первых, доверие, как возможности осуществлять всякую деятельность сообща и на взаимовыгодных условиях (кооперация); во-вторых, минимальный, но гарантированный набор прав, материальных и трудовых ресурсов, находящихся в распоряжении коллектива.

Существующие в условиях слабой централизации, институты народовластия взяли на себя часть функций, выполняемых лидерами. Это автоматически снижало не только необходимость, но и саму возможность концентрации ресурсов и власти в руках отдельных людей и элитарных групп в абхазском обществе. Складывалась взаимообусловленная система: с одной стороны, лидеры не могли полностью подчинить себе горизонтально

интегрированные самоуправляющиеся сообщества и монополизировать функции контроля, распределения ресурсов и обеспечения порядка; с другой стороны, их неспособность сделать это вынуждала общество решать насущные жизненные проблемы самостоятельно, поддерживая жизнеспособность институтов народовластия.

Понятно, что и с экономической точки зрения, и чисто функционально самовоспроизводящиеся иерархические структуры власти и управления могли сложиться только в ходе обратного процесса, когда они замещали собой имеющиеся институты народного самоуправления. Те самые, которые своим существованием компенсировали неспособность власти к эффективному контролю и управлению. Но как раз этого уклад жизни абхазов и не допускал, выработав механизмы, блокирующие полное социальное обособление элиты и отделение практики управления от основной массы населения. Более того, сама элита вынуждена была опираться на эти эгалитарные институты - неслучайно борьба между лидерами за поддержку родственных и территориальных сообществ являлась основным содержанием внутривластной жизни Абхазии в рассматриваемый период. Суть сложившейся ситуации в 1869 г. раскрывал П. Д. Краевич: "Владетельская (княжеская - *С.П.*) власть... была слишком слаба для выполнения лежавших на ней обязанностей по управлению страной и должна была опереться вследствие того на порядок и внутреннее устройство, выработанные самим народом, возникшие в его среде именно вследствие непрочности, ненадежности, слабости той власти" [13, С. 8].

Сложившийся порядок вещей наиболее устраивал основную часть населения - лично свободных крестьян (*анхаю*). Численно преобладавая в обществе, эта социальная группа выступала главным носителем и защитником традиций народовластия, руководствуясь рядом причин:

а) Причиной социального порядка было стремление этой лично свободной крестьянской массы защитить свою самостоятельность от притязаний знати. *Анхаю* комфортно чувствовали себя в составе горизонтально интегрированных

сообществ, родственных и соседских, где все были связаны узами солидарности, и не желали променять такое состояние на систему жесткого горизонтального подчинения, нелицеприятный пример которого можно было наблюдать в соседней Грузии;

б) Другой причиной было стремление сохранить исторически сложившийся хозяйственный уклад, основанный на трудовом праве на землю, реципрокном обмене, ограничении масштабов потребления и товарно-денежных отношений. Это препятствовало имущественному расслоению общества, а значит обнищанию крестьянства и обеспечивало его экономическую самодостаточность;

в) Причиной политического порядка было стремление населения каждой местности и каждой родственной группы самостоятельно принимать политические решения в условиях хронической нестабильности, вызванной слабостью власти владетеля страны, непрекращающейся борьбой лидеров за территориальное господство и регулярными вторжениями извне - как с целью грабежа, так и с целью покорения. Такие суровые условия делали необходимым для населения каждой местности объединяться в локальные сообщества, родственные или территориальные (соседские). Каждое из них могло вести самостоятельную политическую игру, вступать в союз с другими сообществами или, наоборот, уклоняться от него в зависимости от ситуации, удовлетворяя свои интересы и обеспечивая самосохранение. Т. е. быть не объектами, а субъектами политики локального уровня;

г) Важной причиной было также стремление лично свободной крестьянской массы обеспечить себе когнитивную свободу как возможность самостоятельно формировать картину мира, включая традиции, обряды, нормы этикета и права, вероисповедание, а также право самостоятельно оценивать наблюдаемые события общественной и политической жизни страны. Так власть лишалась монопольного контроля над информацией, а значит - способности эффективно манипулировать сознанием масс в своих интересах.

§ 2. Источники народовластия в абхазском обществе

Как специфическое состояние общества, как форма упорядочивания изначально разобщенной людской массы, народовластие основывалось на целом комплексе обстоятельств, кои обуславливали его, как состояние экономической, социальной и духовной самодостаточности основной массы населения страны, его самостоятельности по отношению к лидерам.

Важнейшим источником горизонтальной интеграции людей в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. служил принцип солидарности, как способ коллективного распределения социальной нагрузки (прежде всего коллективной ответственности) и экономических благ, а также обеспечения взаимопомощи между людьми. Эта солидарность реализовывалась в двух формах - родственной и соседской, образуя соответственно два варианта горизонтально интегрированных самоуправляющихся коллективов - родственный и территориальный. Родственные коллективы - фамилии, патронимические группы и большие семьи - были призваны обеспечить потребность людей в социальном доверии и гарантию защиты от основных жизненных рисков, выполняя триединую задачу:

- в экономической сфере такая солидарность исключала разорение членов родственной группы, компенсируя материальные потери обедневших членов коллектива за счет других, зажиточных, таким образом препятствуя имущественному расслоению общества;

- в социальной сфере родственная солидарность служила мощным барьером для процесса отчуждения людей, которая, в случае распада фамилий и больших семей, поставила бы входящих в них людей перед непосильной задачей в одиночку обеспечивать себе приемлемый уровень жизни;

- родственная солидарность являлась эффективным ответом общества на актуальную для горско-кавказского общества угрозу насилия.

Выполнение последней задачи обеспечивалось через традицию кровной мести - заметном явлении в жизни горско-кавказского общества, требующем рассмотрения. Это было не только устойчивое социальное явление, но и неотъемлемая часть местной политической практики. Так получалось потому, что, как и всякий механизм родственной солидарности, кровная месть строилась на принципе коллективного распределения социальной нагрузки, в данном случае - ответственности за поступки и обязанности защищать жизнь, честь и имущество родных. Соответственно всякая форма агрессии, прямая или опосредованная, против одного человека наталкивалась на дружное сопротивление его родственного коллектива: нападение на одного являлось нападением на всех. Это серьезно мешало лидерам использовать насилие как инструмент решения своих задач, тем более, что на практике кровная месть игнорировала социальную градацию абхазского общества: она как дамоклов меч висела над головой каждого, будь то князь, дворянин или простой земледелец.

В плане исследования источников народовластия кровная месть представляет интерес как проявление принципа групповой (в данном случае - родственной) солидарности, позволяющей и, в какой-то мере, обязывающей население обеспечивать свою безопасность и вершить правосудие самостоятельно, без привлечения властных институтов. Перед нами альтернатива исполнительной власти, причем по определенным параметрам более комфортная для людей, чем отделенные от общества и по определению более беспристрастные государственные институты правопорядка. Так было потому, что кровная месть предполагала приоритет ответственности человека перед своей фамилией над ответственностью перед обществом за совершенные им деяния, возможность самостоятельно выносить осуждение (читай - приговор) своему врагу и приводить его в исполнение. Фактом своего наличия кровная месть серьезно снижала для абхазского общества как потребность, так и возможность создания универсальных надродовых институтов правосудия, наделенных полицейскими функциями, то есть монополией на насилие и подчиненных

единому руководству в лице верховного правителя страны. Разумеется, такие институты повысили бы уровень безопасности в обществе и его управляемость, но как орудие в руках владельца страны неизбежно были бы обращены против свободы людей.

Кроме того, кровная месть как механизм превращения индивидуального террора в групповой препятствовала эффективному использованию самого населения в качестве исполнителя воли лидеров. Ведь исполнение всякого приказа господина, связанного с насилием, справедливым или нет, тут же порождало затяжную кровную вражду между фамилиями исполнителей и подвластных: «владельцы, для утешения беспорядков, рождавшихся в крае, призывали вооруженную силу из посторонних племен. Это происходило не потому, чтобы владельцы не доверяли абхазцам: но политика эта клонилась к устранению кровомщения в крае, если бы заставить абхазцев усмирять собственным оружием своих соотечественников» [7, с. 344]. Как видно на этом примере, владельческие князья вполне понимали суть проблемы, что и послужило причиной создания надродового института *ацнахума*, стремящегося действовать вне пространства родовых традиций.

Нельзя недооценивать значение кровной мести как системного явления, дезинтегрирующего абхазское общество изнутри, служащего мощным источником повышения социальной энтропии: в нем проявлялся господствующий в умах приоритет личных и групповых интересов над общественными. Поэтому кровная месть являлась серьезным препятствием не только в деле централизации общества, но и осознания его как единого целого. В этом смысле кровная месть поддерживала мозаичную структуру общества, его разобщенность на самодостаточные, зачастую противостоящие друг другу коллективы.

Другая форма солидарности - соседская, была призвана обеспечить трудовую кооперацию, совместную оборону и согласованное использование природных ресурсов между людьми, проживающими в непосредственной

близости на ограниченной территории, то есть в соседских общинах - базовой форме территориального объединения людей в Абхазии.

Экономической основой (источником) народовластия в абхазском обществе являлся хозяйственный уклад, который носил сугубо натуральный характер, а потому предполагал ограниченность потребления ресурсов и аморфность землевладения, основанного на факте вложения труда. Это препятствовало концентрации экономических благ в одних руках и формированию категории неотчуждаемого частного землевладения.

Так обеспечивалось сохранение индивидуальных крестьянских хозяйств в рамках соседских сельских общин (абх. *ахабла* или *ацута*), самостоятельно распоряжающихся землей и пронизанных механизмами взаимопомощи, что гарантировало экономическую самодостаточность категории лично свободного крестьянства (*анхаю*).

Одним из ключевых, но на сегодняшний день недооцененных, моментов в структуре человеческого общества, определяющих, возможна ли самоорганизация входящих в него людей, является их способность самостоятельно формировать картину мира, осознавать свои интересы, обусловленные ими задачи и принимать на этой основе решения, что является самой сутью самоуправления. Речь идет об информации, воплощенной в социальных и политических воззрениях людей, их традициях, обрядах и вере, которые, в рассматриваемом нами случае формировались «снизу», непосредственно в самой массе лично свободного крестьянского населения Абхазии. Нет данных о наличии какого-либо специализированного института, используя который, правящий слой абхазского общества мог серьезно воздействовать и тем более контролировать сознание массы рядового населения. Наоборот, скорее уместно говорить о том, что лично свободное крестьянство осуществляло контроль над информацией в обществе, для чего использовало специальные механизмы. Первый из них уже упоминался выше - речь идет о старейшинах - неполитическом типе лидерства, в какой-то мере являвшемся альтернативой лидерству, основанному на политическом

господстве. В данном случае старейшины интересны как отдельная половозрастная группа, обладающая фактическим правом формировать, контролировать соблюдение и трактовать этико-правовые нормы жизни абхазского народа. В соответствии с пропорциями различных сословий общества, большинство старейшин относилось к свободному крестьянству (*анхаю*), что обуславливало их воззрения и интересы, естественно, выражающие чаянья их собственного социального слоя.

Суть второго, довольно оригинального, механизма заключалась в неофициальном статусе, который лично свободное крестьянство, как апологет традиций народовластия, придавало себе. Речь идет о статусе хранителей национальной идентичности - настоящих, истинных абхазов, кои в этом смысле были "чище" представителей знати, чье происхождение действительно зачастую было связано с иными странами, как, например, те же Чачба (Шервашидзе) и Амаршан (Маршания), или имела место связь с внешними политическими силами в ущерб интересам своего народа. С этого ракурса абхазское свободное крестьянство выступает в отношении господства знати уже не только как социальная, но и как культурная оппозиция, как когнитивно самодостаточная часть общества.

Поскольку речь идет о доиндустриальном обществе, ключевую роль в его духовной жизни играли религиозные воззрения населения. А возможности унифицировать их и поставить под централизованный контроль не было. Языческие традиции абхазского народа обусловили существование множества самостоятельных, не связанных друг с другом фамильных и общинных языческих святилищ, оригинальных культов и обрядов, кои у каждой родственной и соседской группы были свои, что обеспечивало духовную свободу населения, его возможность напрямую обращаться к высшим силам. Жрецы, обслуживающие эти культы, не были связаны между собой какой-либо корпоративностью и иерархией, а те, что являлись хранителями крупных всенародных святилищ - избирались только из числа *анхаю* [14, с. 207].

К этому прибавлялось конфессиональное разнообразие, царившее в Абхазии в рассматриваемый период. Его результатом было отсутствие каких-либо универсальных культов и религиозных практик, одинаково почитаемых всеми представителями абхазского народа. Также абхазам была чужда строгая идейная приверженность к исповедуемой вере: «Религия ни в каком отношении не налагает различия между жителями Абхазии. Часто в одном семействе находятся христиане и магометане и живут между собою в совершенном согласии» [7, с. 353]. При таком разнообразии и инертном отношении населения к вопросам веры духовная сфера жизни абхазского общества не могла предоставить политическим лидерам эффективных идеологических инструментов упрочения своей власти.

§ 3. Социальная основа традиций народовластия

Носителем и защитником эгалитарных традиций в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. была категория лично свободных крестьян - *анхаю*, занимавших в структуре социума, без преувеличения, ключевое положение. В 1866 г. А. П. Черепов писал о них: «Как люди, снискивающие пропитание трудами рук своих, нуждаясь в защите для обезопасения личной свободы, анхае с себе подобными односословцами составляли союзы и отстаивали все права, какие оспаривались другими сословиями. Во всех обыденных делах каждый анхае и по обращению и по правам и по силе есть равноправный гражданин. По численному превосходству своему, по понятии о достоинстве своего звания, анхае были сильнее старых рабов и аамыст (дворян - *С.П.*), всегда знали, что могли с ними справиться, видели примеры и последствия открытой борьбы этих классов в соседних горских племенах и потому нисколько не были закабалены высшими классами» [19, с. 163-164]. Результаты переписи 1868 г. в Абхазии показали, что 70% населения страны относилось к категории лично свободных крестьян *анхаю* [16, с. 18]. Разумеется, само по себе численное преобладание свободного крестьянства, не будучи обеспечено специальными

механизмами, не могло служить основой той свободы и значимости, которой данная социальная группа обладала в собственном обществе. Исторический опыт показывает, что во всяком сложившемся государстве с укоренившимися крепостническими отношениями крестьяне были абсолютным большинством, что нисколько не мешало аристократии прочно держать их в повиновении, используя государство как систему контроля и подавления. Но если количество, как в абхазском случае, соединялось с традициями групповой солидарности, оно превращалась в серьезное социальное и политическое преимущество для наиболее многочисленной прослойки общества. Эта групповая солидарность действовала внутри родственных и соседских коллективов, в которые объединялось население Абхазии. В том числе состоящие из аристократов. Однако сила была во многом на стороне сообществ, состоящих из крестьян. Хозяйственный уклад и природные условия делали родственные и соседские коллективы изначально экономически самодостаточными. Зато степень их политической самостоятельности напрямую зависела от внутренней спаянности и числа людей, входящих в коллектив, а по этому параметру *анхаю* серьезно превосходили своих главных социальных оппонентов - знать.

Обращает на себя внимание использование в источнике, повествующем о социально-политическом строе Абхазии в XIX в., термина «гражданин» для разъяснения сути института *анхаю* [19, с. 164]. Дается понять, что речь идет не просто о лично свободном крестьянстве, а о чем-то большем. Конечно, данный термин нельзя буквально переносить на абхазскую социальную действительность, ибо в классическом понимании гражданственность предполагает четкую юридическую привязку к конкретному государству. Абхазия же обошлась без создания государственной бюрократической системы, предполагающей легализацию жителей страны в качестве юридической категории подданных или граждан. Поэтому, по всей видимости, термин «гражданин» в связи с понятием «*анхаю*» использовался в социальном смысле, как обозначение категории в

равной мере ответственных и полноправных членов общества, обладающих свободной волей.

Обычно в документах XIX в., из которых черпаются сведения об *анхаю*, они обозначаются как «вольные жители», но непременно как часть незнатная, находящаяся под покровительством господствующего класса. Именно покровительством, но не прямой властью. Иначе быть не могло, и не только вследствие указанной выше слабости власти лидеров в абхазском обществе. Гораздо важнее был тот факт, что родственные и соседские коллективы, состоявшие из *анхаю* являлись самостоятельными субъектами политики локального уровня. Объединяясь в эти коллективы, свободные крестьяне на равных со знатью принимали участие в народном сходе - основном институте принятия важных политических решений в абхазском традиционном обществе конца XVIII - второй половины XIX в.

Сами *анхаю* не были однородным социальным слоем, существовало деление на *анхаю* обычных и «чистых» (истинных, изначальных) - *анхаюцкя* определяемых по признакам:

- социального происхождения - являлись ли они потомственными *анхаю* или человек, либо его предки, перешли в эту категорию из более низшей;
- степени социальной свободы: «сословие анхае делится на две категории: платящих и не платящих, вернее: обязанных повинностями и необязанных» [Там же].

Особенностью *анахаю* в плане несения повинностей было то, что их взаимодействие с лидерами строилось не на принципе односторонней выгоды в пользу господина, но обязательно на принципе взаимных обязательств и обоюдной выгоды «как бы в силу заключенного между ними договора, нарушать который не дозволялось обычаем ни той, ни другой стороне» [18, с. 560]. Если подвластный был «чистым» *анхаю*, господин обязан был считаться с его интересами, достоинством и поддержкой, которую крестьянину мог оказать его родственной и соседский коллективы. То, что взаимоотношения *анхаю* и власть

имущих являлись социальной формой не подчинения, а сотрудничества, явствует из главного условия таких взаимоотношений: «Если получатель повинности позволял себе какое-либо насилие в отношении к зависимому от него анхае, то обязательные отношения тотчас прекращались и могли восстановиться лишь по удовлетворении обиженного» [19, с. 165]. Подчиненность *анхаю* не носила характер личной зависимости, как в случае с более низкими категориями крестьянства, а скорее, сводилась к плате за защиту и невмешательство. Сам термин *анхаю* обозначал свободного, ничем не закрепощенного человека: «Примеров освобождения из сословия анхайве нет. Всякий спор в этом отношении был бы спором за количество повинностей, но не об личной зависимости» [20, с. 75].

Личностный, персонифицированный характер взаимоотношений, столь важный в структуре абхазского общества, также определял и взаимоотношения *анхаю* с лидерами, будь то господин, покровитель или глава территориального сообщества (*ахылапшую*): не существовало общего стандарта в податях и повинностях в пользу лидера. Они определялись сугубо субъективными факторами, такими как влияние лидера, степень экономической и социальной самостоятельности (многочисленность и спаянность фамилии, наличие нескольких могущественных покровителей, поддержка соседей) *анхаю*, место его проживания, личные отношения: «Повинности этого сословия образовались из добровольных приношений, чрез повторение их в течение продолжительного числа лет, или же имеют началом разные услуги и пособия, оказывающиеся лицам этого сословия покровителями общин, а также возникновение близких отношений с ними последними по воспитанию и усыновлению (имеется в виду аталычество - *С.П.*). Различие причин возникновения повинностей этого сословия породило различия и в характере самих повинностей. Одни из анхае (пиошей) не отбывают никаких повинностей за исключением почетной службы или выхода на работу по приглашению, в течение нескольких дней в году, другие же обязаны, при исполнении почетной службы и

работы несением особой повинности... состоящей в приношениях из продуктов хозяйства» [18, с. 559].

Такой характер взаимоотношений *анхаю* с властью имущими основывался на праве и возможности самостоятельно распоряжаться личным движимым имуществом и менять своего покровителя вместе с переменной места жительства. Последнее было распространенной общественной практикой, призванной обеспечить безопасность и сохранение свободы. Соединяясь с традицией гостеприимства, такая практика переселения породила устойчивое социальное явление абхазской жизни - *асасство* - переселение человека или группы из одной территориальной общины в другую на правах гостей, оберегаемых силами принявшего сообщества. По своей сути это был эгалитарный механизм, призванный предотвратить усиление контроля над рядовым населением через прикрепление его к земле. Этот «народный обычай последствиями своими оказывал благотворное влияние на обязанных повинностями анхае, удерживая владельцев повинностей от чересчур стеснительных требований из опасения потерять все» [19, с. 170].

Ясным примером того, что аристократы не могли без согласования со свободными крестьянами распоряжаться их повинностями и одновременно их сопротивления в форме переселения является случай в с. Эмха: «жители... узнав, что владетель без их ведома передал повинности их Кацо Маргани (приближенный владетеля - *С.П.*), послали... к джигетам просить у них приюта и вслед за этим все население направилось к р. Бзыбь. Уговоренные стариками, посланными владетелем, они возвратились на прежнее место своего жительства, но только тогда, когда Кацо Маргани, в присутствии тех же стариков, дал обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены, и в этом обязательстве заставил присягнуть сына своего... в присутствии почетных жителей села» [4, с. 11].

Важный момент, на который необходимо обратить внимание при рассмотрении социальной категории *анхаю* - осознанность собственных

интересов как социальной группы. Это удивительно для общества, живущего в условиях приоритета семейных и индивидуальных интересов и разобщенности на множество родственно-территориальных сообществ, за которыми терялась сословно-классовая градация (поскольку, как уже говорилось, такая разобщенность низводила социальный антагонизм верхов и низов на уровень множества частных конфликтов, межличностных и межгрупповых). Еще А. П. Черепов обратил внимание на проявление социальной солидарности у *анхаю*: «За посягательство ахалапшюю (господина - *С.П.*) на собственность хипшы (подвластного - *С.П.*) все анхае восставали» [19, с. 165]. Показательна в этом отношении история народного суда, состоявшегося в 1813 г. по поводу убийства М. Чачба (Шервашидзе), владетельного князя провинции Самурзакан и родственника владетеля всей Абхазии. Оно было осуществлено двумя *анхаю*, М. Кварацхелия в сговоре Г. Эзугбая, с целью упредить расправу над собой со стороны убитого князя, известного своими тираническими наклонностями. Под давлением основной массы участников народного суда, представленных лично свободными крестьянами (то есть теми же самыми *анхаю*), убийца был оправдан, несмотря на противодействие знати [2, с. 129, 133].

Итак, сущность понятия *анхаю* не сводилась только лишь к представлению о лично свободном крестьянине. Сам термин "крестьянин" используется постольку, поскольку иных форм трудовой специализации в абхазском традиционном обществе конца XVIII - второй половины XIX в. не было, ведь аграрный уклад господствовал в его экономике безраздельно. В связи с этим кажется неслучайным, что в таблице численности населения Сухумского отдела за 1868 г. собственно крестьянами названы лично зависимые - *агыруа*, а *анхаю* - тракуются как "вольные жители" [16, с. 18]. Таким образом, если *анхаю* и следует квалифицировать как крестьянство, то не столько в социальном смысле, сколько в хозяйственно-бытовом.

Важнее, что речь идет о члене общества лично свободном, обладающим таким социальным и духовным свойством, которое было бы не совместимо со

структурой иных обществ, интегрированных вертикально, с четкой иерархией социальных групп. Это свойство - наличие свободной воли, право и возможность совершать самостоятельный выбор. Конечно, не стоит идеализировать такую картину: реализовать свое право на этот выбор в жизненных ситуациях мог только *анхаю*, в достаточной мере обладающий для этого персональными качествами и социальными связями, прежде всего - родственными. Но сама возможность имелась.

Такая свобода, солидарность и многочисленность *анхаю* обуславливали ключевое положение этой социальной категории в политической жизни абхазского общества, ибо всякая власть в Абхазии, вне зависимости от знатности, могла быть реализована только при условии согласия и поддержки со стороны *анхаю* - тех, кто был «плотью и кровью» абхазского общества. А. Н. Введенский писал об Абхазии и Самурзакане (восточная область страны): «Если назвать эти страны республиками, то никак не в смысле аристократических, а в более обширном смысле. Основным элементом силы и единства этих обществ было не высшее сословие, а масса... населения, от которой зависело значение, сила, а вследствие того и положение в обществе привилегированных фамилий. Самое значительное по числу сословие *анхае*... играло важную роль во всей общественной жизни абхазцев. Будучи совершенно свободными и полными собственниками обработанных ими земель, они составляли значение (т. е. основу могущества – С. П.) высших фамилий» [4, с. 22].

Таким образом в социальном смысле *анхаю* являлись не просто аморфной группой «людей без хозяина». Многочисленность, а также экономическая и духовная самодостаточность *анхаю*, объединенных в эгалитарные (родственные и соседские) коллективы, превращали эту социальную категорию в главного носителя традиций народовластия в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в., вполне осознанно и целенаправленно защищавшего эти традиции от нападков власть имущих.

§ 4. Формы горизонтально интегрированных сообществ

В Абхазии рассматриваемого периода и знать, и рядовое население объединялись в горизонтально интегрированные коллективы, что делало их универсальными безальтернативными формами объединения людей, замещавшими собой надродовые бюрократические институты управления.

Принципы, на которых осуществлялась горизонтальная интеграция людей в абхазском обществе, - родственный и территориальный, были представлены соответствующими формами эгалитарных объединений.

Родственные формы самоорганизации населения. Родственные сообщества были представлены такими формами, как союз нескольких фамилий, собственно фамилия (род) (*ажьлар*), патронимическая группа (*абипара*) и наконец входившие в ее состав большие семьи.

Родственные формы самоорганизации у абхазов на сегодняшний день подробно изучены и в новом представлении не нуждаются. Ранее упоминались отдельные черты родственных сообществ, теперь же следует описать их как целостные структуры.

В свете темы исследования они интересны как формы организованности, могущие выступать как коллективный субъект социально-политических отношений, способный на равных вести диалог или борьбу с другими такими же сообществами или политическими лидерами на локальном уровне. При этом они не подменяли полностью интересы отдельного человека интересами коллектива, не подавляли его, а стояли на службе у каждого из его членов, поскольку были организованы как сообщества равных.

Разумеется, в структурном отношении родственные коллективы не были абсолютно горизонтальными - то есть сообществами без всякой внутренней иерархии. Это было бы невозможно при той широте функций, которые они выполняли и том числе людей, которые в них входили. Но здесь внутригрупповые лидеры являлись *primus inter pares*: они были опутаны множеством глубоко

личных связей с остальными участниками сообществ, а их лидерство не передавалось прямым потомкам. Таким образом перед нами - объемные сетевые структуры, обладающие неформальной простой внутренней иерархией [15, с. 30-31]. Каждый род, патронимическая группа и большая семья имели два центра неформального лидерства: в лице духовного лидера - старейшины, а также наиболее влиятельного и известного в обществе члена родственного коллектива, Их лидерство не было наследуемым и не предполагало каких-либо специальных преференций. Каждый выполнял свою функцию: первый - разрешал внутригрупповые конфликты, руководил культовыми и праздничными мероприятиями, второй выступал как организатор и руководитель мероприятий, обеспечивающих защиту интересов родственного сообщества, что, в свою очередь, позволяло ему использовать силовой (читай - военный) потенциал коллектива в своих интересах. Оба они совместно представляли свою родственную группу (патронимию или большую семью) на народном сходе.

Поскольку фамилия часто выступала как единый субъект социально-политических отношений, она была заинтересована и имела возможность вступать в союзы с другими фамилиями. Создавался союз фамилий, оформленный в логике родственной солидарности - посредством брачных союзов. Разумеется, в силу традиции жесткой экзогамии, царившей у абхазов, такое заключение браков являлось единовременным актом, который позже, на протяжении существования союза, не подтверждался новыми, ведь это были бы уже браки между родственниками.

Фамильные союзы не имели четко обособленного руководящего центра с исключительными, формально закрепленными полномочиями, но являлись союзом примерно равных сторон - фамилий. Следовательно, это был образец горизонтальной формы самоорганизации, имеющей выраженную политическую природу. Ведь родственная или квазиродственная связь зачастую служила в абхазском обществе источником власти. Это объясняет, почему конкуренция за заключение выгодных фамильных союзов была важной составляющей

политической жизни Абхазии конца XVIII - второй половины XIX в. В 1869 г. П. Краевич специально обратил внимание на царившее в абхазском обществе «общее стремление привлечь к себе возможно большее число подвластных, стремление каждой привилегированной фамилии приобрести себе союзников в лице других фамилий, стремление вступить с сильными фамилиями в родство посредством браков, или посредством столь употребительных между всеми жителями вообще способов сближения с неродственными фамилиями чрез усыновление или воспитание, заменяющие кровное родство» [13, с. 9].

Внешне фамильный союз оформлялся через родственную связь, предполагающую долю иррациональности во взаимоотношениях между его членами - близость отношений, личную симпатию, представления о "чистоте" крови (то есть знатности или этнической принадлежности). Но в итоге политическая природа фамильного союза обуславливала сугубо прагматичный подход к выбору союзников как способу расширения военных и политических возможностей. Вследствие этого фамильные союзы не имели строгих социальных преград: они заключались между фамилиями как внутри одной социальной страты абхазского общества, так и разных. К примеру, если определенная фамилия анхаю была многочисленна и влиятельна, знать порой не гнушалась заручиться ее военно-политической поддержкой через установление родственных или, чаще, квазиродственных отношений, как это, например, сделал представитель княжеского рода Амаршан (Маршания) Коция, усыновленный крестьянином К. Басария [9, с. 76]. В отличие от фамильных союзов, заключавшихся в рамках одного сословия, межсословные фамильные союзы носили неформальный характер, то есть официально не провозглашались как таковые, но действовали в форме делового и военно-политического сотрудничества.

В конце XVIII - второй половине XIX в. род (фамилия) уже не был господствующей у абхазов формой общественного устройства. Не был он в частности и основной формой родственного объединения: фамилии давно

территориально распались на отдельные патронимические группы и большие семьи, проживающие в разных частях страны. Демографический рост и активная практика переселения давно рассеяли родственников по разным частям страны, где они образовывали свои отдельные большие семьи и патронимии. Более того, не будучи едины территориально, фамилии не были едины и структурно: патронимические группы, из которых состоял всякий род, не только жили отдельно, но и были совершенно самостоятельны по отношению друг к другу. Отношения между ними были различны: от активного сотрудничества до реальной кровной вражды. Случалось, что одна патронимия отказывалась признавать другую принадлежащей к своей фамилии. В таком положении единство всего рода реализовывалось только в экстраординарных случаях и требовало влиятельного и решительного организатора, способного сплотить рассеянных по всей стране родичей перед лицом большой опасности. Только он мог на практике воспользоваться военно-политическим потенциалом своей фамилии и тем самым воплотить в реальность ее гипотетическое единство. Примером тому может служить ссора между князьями Г. Чачба (Шервашидзе) и Х. Маан (Маргания), когда «весь многочисленный род Марганиев, христиане и мусульмане, из Самурзакани и Абхазии мгновенно собрались, как один человек, под знамя Хасана» [цит. по: 10, с. 434]. В данном примере со всей очевидностью проявилась сущность рода как института, призванного обеспечить защиту интересов каждого из членов родственной группы за счет коллективной поддержки: "вся эта фамилия составляет по народным обычаям общий союз, налагающий на всех и каждого обязанность взаимной защиты и мести в столкновениях с другими фамилиями. Но между собою они разделяются на частные фамильные союзы" [17, с. 91]. Обратной стороной принципа распределения индивидуальной нагрузки на всех членов родственной группы была коллективная ответственность за деяния отдельных ее членов: «За кровь, насилие и тяжкие обиды налагаются тяжелые пени, которых не в состоянии уплатить один виновный, а уплата разлагается на всю ответственную часть

фамилии, к которой он принадлежит. Таким образом, все члены каждой фамилии связаны между собою родом взаимного поручительства за сохранение общественного спокойствия» [Там же]. Более того, каждый из них, как представитель своей фамилии, мог стать объектом кровной мести вне зависимости от того, являлся ли он непосредственным виновником вражды.

Формы родственной солидарности не были одинаково предпочтительны на разных уровнях абхазского социума: для знати, не являвшейся основным производителем и нуждавшейся прежде всего в военно-политической поддержке, более предпочтительна была родственная солидарность на уровне фамилии. Так было, во-первых, потому, что подобная поддержка носила нерегулярный, эпизодический характер, во-вторых, в силу социальной природы знатного сословия, главным содержанием жизни которого являлась борьба за власть. Это означало, что высокая концентрация представителей одного знатного рода в одном месте была ему противопоказана, поскольку каждый из них стремился обрести свою подконтрольную территорию и обезопасить ее от притязаний со стороны родичей, но одновременно нуждался в их поддержке. Внутри рода возникал конфликт интересов, оказывающий разрушительное воздействие на его внутригрупповую солидарность. Пагубный пример тому - уже приводившаяся история провинции Цабал (Цебельды), где в силу указанной причины между членами фамилии Амарщан (Маршания) разразился конфликт, перешедший в кровную вражду: «между этими братьями не могло быть мира, и пока они жили вместе в Цебельде, до тех пор невозможно было бы успокоить этот край» [3, с. 46]. В логике родственной солидарности это была катастрофа: основной силовой механизм защиты родственного коллектива обратился против него самого. В такой ситуации рассеянная форма существования родственного коллектива - род (фамилия) - была наиболее приемлема.

Для свободного крестьянства (*анхаю*) как сословия, занятого в производстве общественного продукта, а значит нуждающегося в обеспечении трудовой кооперации, более предпочтительной формой существования родственного

коллектива была патронимия - объединение нескольких больших семей, имеющих одного предка и проживающих в рамках одного или нескольких близко расположенных соседских сельских общин (*ахабла-ацута*). В абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. это была основная форма родственного коллектива, способная выступать как полноценный орган самоуправления и субъект политических отношений местного, локального уровня. В отличие от территориально разобщенной фамилии, единство которой реализовывалось только в экстраординарных случаях, патронимия представляла собой модель совместной жизни и постоянного сотрудничества родственной группы людей. Структурно она являлась соединением нескольких больших семей - базовой формы родственных коллектива в абхазском обществе. Всякая большая семья состояла из близкородственных семей нескольких поколений. Ввиду небольшого числа входящих в нее людей и компактности проживания функции большой семьи ограничивались решением хозяйственно-бытовых вопросов.

Как институт патронимия выростала на основе большой семьи и всегда имела четкую географическую привязку, что отражало процесс численного роста в поколениях и расширения ареала проживания одной родственной группы. М. О. Косвен в свое время подчеркивал: «патронимия принципиально всегда локализована» [12, с. 190]. В этом заключалось важное отличие патронимии от фамилии как родственной группы, члены которой не только желали, но и были поставлены условиями территориального соседства в ситуацию неизбежного повседневного сотрудничества и совпадения интересов по насущным экономическим, социальным и политическим вопросам. В итоге, как институт местного самоуправления патронимия обладала серьезным достоинством, которое заключалось в быстроте получения информации, внутреннего согласования, принятия решений и наконец их реализации общими усилиями. Это выгодно отличало патронимию в деле решения управленческих задач в масштабах сельских общин и от фамилии, и от народного схода всего населения *акыта*, и от княжеского управления, осуществляемого через представителей, ибо эти три

варианта требовали гораздо большего времени на обмен информации по текущей проблеме и согласование позиций сторон. Кроме того, компактность проживания, наложенная на родственную солидарность, позволяла патронимии обеспечивать себе эффективную оборону и силовой контроль над ресурсами той территории, где она располагалась. Причем при благоприятных условиях, к коим относились: рост численности, влияние, социальная принадлежность, такой контроль мог перерасти в военно-политическое доминирование патронимии на определенной территории.

Строгая локальная привязка патронимии обуславливала ее сущность как института самоуправления, являющегося переходной формой между родственным и территориальным типами коллективов.

Несмотря на структурную простоту и устойчивость родственных сообществ, их возможность обеспечить интеграцию и управление людьми четко ограничивается их численностью и ареалом проживания, а также сложностью тех задач, которые возникают перед населением в ходе исторического развития. К началу изучаемого в работе периода можно констатировать исчерпание потенциала родственного принципа интеграции, его несоответствие новым социальным и политическим задачам, встающим перед абхазским народом, что проявлялось в следующих устойчивых явлениях:

- распаде родов (фамилий) на игнорирующие друг друга или враждующие между собой патронимии;
- рецидивах перехода практики кровной вражды в откровенно патологическую форму войны внутри родов (фамилий), то есть между родственниками;
- активной практике переселения (*асасства*), что указывало на снижение эффективности родственной солидарности в деле обеспечения безопасности людей;
- переходе от родственного типа расселения к соседскому;

- переходе к соседскому принципу комплектования самоорганизующихся структур совместной трудовой и военной деятельности;

- возрастании роли персональных качеств человека в его социальном и политическом статусе, в сравнении со значением фамильной и соответственно социальной принадлежности.

К сожалению, пока нет возможности точно определить, в какой момент истории Абхазии начался кризис родственного принципа самоорганизации и соответственно наметился переход к принципу территориальному. Нужно учитывать, что формирование соседских форм самоорганизации имело важную социальную подоплеку как отражение борьбы между господствующей знатью и рядовым крестьянским населением. Это предопределило универсальность территориального принципа самоорганизации, который обеспечивал: а) самоуправление соседских коллективов; б) взаимозависимость и сотрудничество правящего и подвластного слоев абхазского социума; в) блокировал процесс концентрации власти и богатств в абхазском обществе.

Разумеется, кризис в данном случае означал не отмирание родовых традиций в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в., а их переформатирование, в ходе которого они должны были перестроиться в соответствии с новыми историческими реалиями.

Территориальные формы самоорганизации населения. Естественной реакцией всякой системы на кризис (или если угодно - вызов) является рост структурной сложности, что в случае с человеческими обществами выражается в увеличении разнообразия форм и принципов интеграции людей. В данном случае речь идет о переходе от родственного к территориальному принципу формирования горизонтальных человеческих сообществ: результатом эволюции абхазского общества в эпоху Нового времени нужно считать тот факт, что к XIX в. территориальный принцип самоорганизации населения уже являлся основным. Суть этого перехода емко описал в 1866 г. И. Аверкиев: «Родовые союзы не обнимают всех интересов народной жизни, и между жителями данной местности

или урочища, хотя и принадлежавшим к разным родовым союзам, по делам хозяйственным или в интересе взаимного обеспечения собственности и спокойствия, - из условий самой жизни возникали взаимные обязательства. По делам местного интереса жители отдельных урочищ созывались на местные собрания, для решения же важных дел, касающихся интересов всей страны, выбирались депутаты, но не от отдельных фамилий или родовых союзов, а от каждой местности или урочища» [1, с. 286-287].

Достаточно сложной задачей, всегда стоявшей перед абхазоведением, являлось описание традиционного территориально-политического устройства страны, роли в нем сельских институтов и их иерархии, что до сих пор не было описано в виде целостной системы. Одна из причин этого заключалась в отсутствии четкого представления о разнице в значении терминов, обозначавших в абхазском языке сельские социально-экономические и одновременно территориальные объединения (*акыта*, *ацута* и *ахабла*), обобщенно трактуемые как «деревня» или «село». Однако деревень, как населенных пунктов с четко выраженным центром и сконцентрированным в нем населением, Абхазия в XVIII–XIX в. не знала (практиковался исключительно хуторской способ расселения). Причина такого терминологического несоответствия в том, что научное изучение этих общественных институтов началось только в XX в., когда "в чистом виде" их уже не существовало, а изначальный смысл указанных терминов был во многом забыт. В результате упомянутые термины стали использоваться для обозначения низовых административно-территориальных единиц.

Территориальная самоорганизация абхазов отражала принципы расселения и освоения земли, эволюционируя в соответствии с процессом формирования единого абхазского народа и его политической культуры. Так, для середины I тысячелетия н.э. – периода разделенности на отдельные родственные абхазоязычные племена, характерной формой поселений в Западной Колхиде были родовые поселки, в виде плотно сгруппированных вокруг укрепленного

центра (крепости) жилищ и подконтрольной территории в радиусе нескольких километров [5, с. 336]. Объединение племен в последней четверти I тысячелетия н.э. в единый абхазский народ, закончившееся образованием единого Абхазского царства, было временем перехода к хуторскому типу расселения [Там же, с. 349]. Крестьянские хозяйства более или менее равномерно распределялись по территории по мере естественного возникновения новых семейных усадеб, образуя небольшие скопления в соответствии с расположением пригодных для земледелия массивов земли. Видимо, тогда и начинает обретать свой окончательный вид *ахабла-ацута* - соседская крестьянская община с численным преобладанием (не абсолютным) семей одной фамилии, то есть патронимии. В 1866 г. А. П. Черепов писал о лично свободных крестьянах (*анхаю*): «Живут они большей частью целым родом, состоящим из 50 (пожалуй, число преувеличено – *С.П.*) и более семейств» [19, с. 163]. На изначальном родовой тип многих таких общин указывают их названия, производные от имени рода [10, с. 397].

Полный переход абхазской общины от родового типа к соседскому в XIX в. не был завершен. Это проявлялось даже не столько в численном преобладании среди ее членов представителей одной фамилии, что скорее указывает на демографический рост, сколько в существовании особой категории жителей общины *ахабла-ацута* – «гостей» (*асас*). Это были переселенцы или их потомки из других областей страны, пришедшие на территорию общины позже ее основателей. В первое время после переселения они пользовались всеми благами гостеприимства - материальной и трудовой помощью, а также защитой со стороны общины. Но даже если со временем они и становились ее рядовыми членами, формальный статус «гостей» мог сохраняться даже в течение жизни нескольких поколений, но уже как память о происхождении новой патронимической группы на новом месте. Согласно А. П. Черепову: «Нет общины, в которой бы не было нескольких, иногда десятков *асасов* и даже целых родов, проживающих по два, по три поколения, с сохранением прав, классу этому принадлежащих... с него никто ничего не берет и брать не смеет, он пользуется

защитой наравне с прочими общинниками и сам участвует в... защите союза. За оскорбление асаса мстит не только лицо, под чьим покровительством находится асас, но весь род покровителя и даже вся община. Асасы бывают всех сословий» [19, с. 170].

Само появление и распространенность традиции *асасства* в Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в., говорит о кризисе родственного принципа самоорганизации, исчерпании его возможностей по защите людей, даже несмотря на практику кровной мести, которая оказалась не в силах полностью обезопасить людей. Ценой разрушения родового принципа расселения, на смену которого пришел соседский, *асасство* дало человеку возможность бороться за свою жизнь и свободу, и вместе с тем повысило актуальность связей неродственных, обусловленных не священной ценностью родства, а рациональными мотивами совместной обороны, эксплуатации ресурсов и трудовой кооперации между чужими друг другу людьми. Таким образом *асасство* явилось одновременно индикатором падения эффективности родственной солидарности в абхазском обществе и механизмом перехода к новому, соседскому принципу территориальной самоорганизации населения.

Именно на уровне *ахабла-ацута* осуществлялась основная форма трудовой крестьянской кооперации – *киараз* [10, с. 399]. Это демонстрирует роль *ахабла-ацута* как первичной формы экономической и территориальной самоорганизации населения Абхазии.

Таким образом, базовой единицей территориальной самоорганизации населения Абхазии была соседская община лично свободных крестьян *ахабла-ацута*. Ядром ее служила одна патронимическая группа, помимо которой в общине проживали семьи, относящиеся к пришлым фамилиям. В то же время отсутствие чисто родовых поселений и развитая практика переселения (*асасство*) говорит о том, что в конце XVIII - второй половине XIX в. *ахабла-ацута* являлась скорее территориальной формой самоорганизации, чем родовой. Ее социальную основу составляли лично свободные крестьяне (*анхаю*), а также лично зависимые

(*амацуразку* и *ахую*) и рабы (*агыруа*, *ахацала*). Представители знатных родов могли составлять основу определенной *ахабла-ацута*, либо проживали в общинах отдельными семьями. Нередкими были общины, в которых вообще отсутствовали представители знати.

Ключевым моментом в понимании того, как было организовано население Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в. является то, что две основные формы самоорганизации: родственная - патронимия (*абипара*) и территориальная - соседская община (*ахабла-ацута*) не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Ведь в реальности население каждого региона было структурировано так: несколько патронимий и больших семей, относящихся к разным фамилиям, проживали в составе близко расположенных соседских общин. Внутри каждой из них имелись представители нескольких фамилий, но численно доминировала родственная группа основателей данной конкретной соседской общины. Таким образом отделить патронимию от соседской общины не представляется возможным, что неудивительно. Эти сообщества были горизонтально интегрированными, то есть сетевыми, а потому реализовывали важнейшее свойство структур данного типа - отсутствие жесткой специализации и неограниченную коммутацию между собой [15, с. 94]. Это предопределяло их сосуществование и глубокое взаимное проникновение при нечетком разделении выполняемых ими функций. Родственные и территориальные сообщества, в данном случае патронимия и соседская община соответственно, являлись сугубо неформальными структурами, без четко очерченных полномочий и прав, но имели общую генеральную задачу - обеспечение сотрудничества между членами коллектива и распределение всякой нагрузки: экономической, социальной, политической, выпадающей на долю каждого из них, между всеми. Поэтому в зависимости от конкретной ситуации и характера внутренних связей (меры доверия и спаянности в коллективе) они могли выполнять одни и те же задачи сообща или заменять друг друга.

Кроме того, основой всякой соседской общины была родственная группа, большая семья или патронимия, а значит всякий человек, проживающий в какой-либо местности, одновременно являлся членом и местной соседской общины, и местного родственного коллектива.

Таким образом, патронимия и соседская община находились в состоянии симбиоза, неразрывной связи двух начал, взаимно дополняющих друг друга. Этот симбиоз был реализован в виде единых для соседской общины и патронимии институтов, обеспечивающих единство и сотрудничество членов этих сообществ в трудовой - *киараз*, а также военно-политической - *амцахара* сферах деятельности.

Перед нами пример взаимного проникновения родственного и территориального принципов расселения, который показывает, что они вполне совместимы и не представляют антитезы друг друга. Наоборот, взаимодействуя, эти два принципа способны рождать новые явления социально-политической интеграции людей - особые типы коллективов, свойства которых не сводились к сумме свойств перемешивающихся внутри них, родственных и соседских коллективов. Таким особым типом коллектива была *ахабла-ацута* - единый родственно-территориальный кластер, объединяющий родственное (патронимия) и территориальное (соседская община) сообщества, состоящие из одних и тех же людей и обладающий едиными институтами, обеспечивающими кооперацию их деятельности в двух важнейших сферах - военной и трудовой. Рассмотрим эти институты.

Основной организационно-тактической единицей войска у абхазов являлся отряд боеспособных мужчин отдельной соседской общины, который назывался *амцахара* (дос. «родовые огни»). Само его название указывает, что абхазская территориальная община (*ахабла-ацута*) возникла на основе патронимии (*абипара*), а значит изначально *амцахара* была отрядом родственников, но в рассматриваемую эпоху не только у абхазов, но и у родственных им народов это уже единица соседского ополчения, то есть группа людей, объединенных прежде

всего общностью территории проживания. Например, аналогичный институт у убыхов С. Званба описывал так: «В собранной партии воины каждой деревни или околотка составляют особое отделение, которое называется отдельным огнем по имени деревни или околотка. В таком отделении бывает от 10 до 100 человек, и оно имеет своего старшину или начальника, который делает наряды и ведет очередь, кому из воинов следует идти на стражу, на работу и т. п.» [8, с. 137]. В организационном смысле *амцахара*, видимо являлась основной тактической единицей войска, поскольку члены каждого из них строились в отдельные колонны.

В любых человеческих обществах, прежде всего доиндустриальных, самодостаточность всякого субъекта политических отношений, будь то отдельный лидер или коллектив, определяется его силовыми возможностями. Поэтому способность населения родственно-территориальных кластеров самостоятельно формировать боевые отряды для защиты своих интересов была залогом того, что эти самые кластеры смогут принимать участие в политической жизни страны в качестве его субъекта, разумеется - на местном уровне. Особенно это было актуально для кавказских народов, в том числе абхазов, с их глубоко военизированным образом жизни. Поэтому *амцахара* как собрание боеспособных мужчин являлась не просто боевым отрядом, но институтом, выполнявшим также социально-политическую функцию. Принимая участие в народных собраниях и судах как коллективный представитель своего родственно-территориального сообщества, отряд *амцахара* был призван публично демонстрировать его боеспособность, а значит - необходимость считаться с ним. Соответственно чем многочисленнее и спаяннее была *амцахара* - тем большую роль в политической жизни своего региона она играла.

В отличие от *амцахара*, имевшей выраженную военно-политическую специализацию, *киараз* был более универсальным институтом обеспечения кооперации деятельности людей. Этим термином обозначалась периодически

возникающая группа людей, объединенных близостью места проживания и сообща выполняемым делом.

По форме объединения *киараз* делился на два типа: вертикально интегрированный княжеский *киараз* и крестьянский, представлявший собой объединение равных друг другу людей. В разделе данной работы, посвященном власти и ее институтам в абхазском обществе конца XVIII - первой половины XIX в., уже упоминался княжеский *киараз* - боевой отряд поддержки князя, находившийся под его единоличным руководством и состоявший из его представителей и клиентов, призванный обеспечить выполнение управленческих решений господина.

Народный, или крестьянский *киараз*, являющийся нерегулярным стихийно возникающим объединением равных друг другу людей, не был в отличие от княжеского узко специализированным, а выполнял широкий круг разнородных функций. Такой *киараз* мог быть бригадой соседской трудовой взаимопомощи, отрядом местной самообороны, альтернативным *амцахара*, и даже группой судей-старейшин или депутатов на народном сходе [10, с. 399-401]. Как видно, основополагающими принципами в формировании этого института были территориальный и функциональный. Но шедшая в недрах абхазского общества борьба централизующего и демократического начал обусловила двойственность самого термина *киараз*, изначально обозначавшего универсальную соседскую группу людей, занятых одним делом. В результате им стали обозначать и отряд местной поддержки князя, и многофункциональный коллектив крестьянской соседской взаимопомощи, но именно последний, крестьянский вариант *киараза* был основной формой такового.

В каждой соседской общине *киараз* возникал постоянно, хотя базировался на сугубо добровольном участии в нем людей, желающих совместными усилиями решить актуальную для всех задачу и помочь друг другу. Перед нами - институт, по сути расширяющий масштабы реципрокного обмена за пределы родственного коллектива и распространяющий его действие на людей, связанных общностью

места проживания. К сожалению, о *киаразе* имеется крайне мало сведений, что не позволяет в должной мере рассмотреть его.

До сего дня в Бзыбской и Абжуйской Абхазии структура населенных пунктов отражает традиционную систему, при которой совокупность нескольких соседских общин *ахабла-ацута* образует более крупный территориальный организм - *акыта*. В XX в., когда местные традиционные формы территориально-политической организации исчезли и были заменены государственной административной системой, этот институт обрел значение "деревни", хотя в действительности прямая аналогия с деревнями в данном случае невозможна в силу хуторского принципа расселения в традиционной Абхазии. Дистанция между усадьбами одной соседской общины измерялась сотнями метров, а между общинами, относящимися к одному *акыта* – километрами (во многих местах и сегодня). По численности же дворов понятию "деревня" более соответствует *ахабла-ацута*, в которой их может быть до нескольких десятков.

Описывающие социально-политическое устройство и поземельные отношения в Абхазии источники, составленные в 1860–1870-х годах единогласно утверждают, что основной ячейкой социально-политического и территориального устройства страны были объединения нескольких различных по фамильному и сословному составу населения соседских общин. Согласно П. Д. Краевичу: «Основанием общественного устройства страны служили союзы, на которые делилась вся страна и которые в отношении к правительственной власти представляли как бы административные единицы. Основую образования союзов служили... анархическое состояние общества и стремление, вследствие того, найти какое-либо обеспечение для своих личных и имущественных прав. (...) Самое естественное разрешение вопроса о безопасности при отсутствии правительственной власти, лежало в соединении населения данной местности, для ограждения совокупными силами своих прав от покушений извне и в принятии каждым жителем таковой местности известных обязательств в отношении других членов... общины» [13, с. 3-4]. Это подтверждают Д.С. Старосельский и Н. И.

Воронов: «При слабости владетельской власти, население... стремилось к ограждению своих прав и к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы, или общины (*акыта*), жившие своей особой внутренней жизнью» [18, с. 551].

Итак, в территориальном отношении *акыта* являлись оборонительными объединениями нескольких соседских общин (*ахабла-ацута*), призванных обеспечить сохранность и использование всех видов природных ресурсов и имущества жителей в месте расположения этих объединений. Неслучайно, что именно военная повинность была единственной обязанностью, в равной мере относящейся ко всем членам *акыта* вне зависимости от политического статуса и сословного происхождения [13, с.14]. Это обусловило его главное отличие как от соседской общины *ахабла-ацута*, так и от классической феодальной общины - универсальный в социальном смысле, всесословный характер *акыта*. Такая особенность превращала данный институт из сугубо территориальной формы самоорганизации населения в нечто большее, а именно - в такую форму территориально-политического устройства, которая обеспечивала взаимозависимость и сотрудничество двух противоборствующих социальных сил: облеченных властью лидеров и населения, объединенного в самоорганизующиеся эгалитарные коллективы. Поэтому социальная сущность института *акыта* и соответственно его внутренняя структура будут рассмотрены в следующей главе.

Завершить обзор территориальных самоорганизующихся структур, существовавших в Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в. уместно ответом на вопрос, следует ли существовавшие обособленные провинции страны рассматривать как географические понятия или как целостные территориальные социально-политические организмы, обладающие внутренней структурой?

Данные провинции представляли собой группы соседствующих *акыта*, расположенных на географически обособленных территориях. Это были: Бзыб, Гумаа, Абжуаа, Самурзакан, Дал, Цабал, Псху, Ахчипсоу, Аибга и Садзен. Они отличались друг от друга особенностями диалекта абхазского языка, наличием

внутренних политических договоренностей между входящими в них сообществами – *акыта* [11, с. 179] и доминирующей патронимической группой княжеского рода, которая осуществляла покровительство над наибольшим количеством *акыта*, расположенных в данной области. Обособление каждой такой области основывалось на преобладании какого-либо из этих факторов. Например, Цабал и Псху сформировались, прежде всего, как территории, отделенные от остальной страны горными хребтами, а область Самурзакан – фактически искусственно создана на основе восточной части Абжуйской Абхазии как отдельный феодальный удел в XVII в. Лишь затем, в XIX в., под влиянием переселенцев из Грузии этнический состав и быт местного населения обрели локальные отличия от провинции Абжуаа, из которой Самурзакан был выделен.

Затруднительно рассматривать эти области как целостные политические организмы. В исторических событиях конца XVIII - второй половины XIX вв. ни одна из них не смогла выступить в роли целостного политического субъекта, обладающего руководящим центром и сформулированными интересами. Даже в столь масштабном для Абхазии событии, как восстание 1866 г., население вовлеченных в него областей не смогло выступить единым фронтом [6, с. 63, 85]. В роли субъектов политических отношений в масштабах страны могли выступать только наиболее могущественные аристократические лидеры, а в рамках отдельных областей, по-видимому, сообщества *акыта*. Таким образом речь идет скорее о культурно-географическом понятии, а не целостной структуре.

-
1. *Аверкиев И. С.* С северо-восточного побережья Черного моря // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 285-291.
 2. *Антелава И. Г.* Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.
 3. *Бебутов В. О.* Рапорт кн. Долгорукому от 11-го июля 1855 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI. ч. 1. С. 46-50.
 4. *Введенский А. Н.* Абхазы (Азегга). // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. Вып. VI. С. 1-48.
 5. *Воронов Ю. Н.* Археологические древности и памятники Абхазии // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XII. 2002. С. 334-362.
 6. *Дзидзария Г. А.* Труды. Сухуми, 1990. Т. III.
 7. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.
 8. *Званба С.* Зимние походы убыхов в Абхазию. // Кавказ. 1852, №33. С. 136-138.
 9. *Инал-ипа Ш. Д.* Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.
 10. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
 11. *Коньяр В. М.* Рапорт начальника Сухумского военного отдела полковника кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому от 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 178-181.
 12. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
 13. *Краевич П. Д.* Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.

14. *Маан О. В.* Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014.
15. *Олескин А. В.* Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М., 2013.
16. Сведения о туземном населении Сухумского отдела за 1868 г. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 18-19.
17. *Серебряков Л. М.* Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. // Морской сборник. 1865. №6. С. 90-105.
18. *Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани от 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 551-569.
19. *Черепов А. П.* Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.
20. *Шатилов П.* Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому за 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 72-76.

Глава 4. Социально-политическая и территориальная структура абхазского традиционного общества в конце XVIII - второй половине XIX века

В предыдущих главах по отдельности рассматривались феномен власти и традиции народовластия у абхазов в конце XVIII - второй половине XIX в., кои воплощали в себе, соответственно, вертикальный и горизонтальный варианты интеграции людей. Специфика абхазского общества заключалась в том, что оба эти варианта находились в состоянии устойчивого равновесия и взаимодействия, порождая оригинальную социально-политическую структуру: власть здесь, как сила, объединяющая людей, сосуществовала и тесно сотрудничала с институтами народовластия, разделяя с ними свои полномочия и выполнение общественно важных функций.

Равновесие элитарного и эгалитарного начал в структуре абхазского общества обеспечивали три обстоятельства:

- паритет между личностью и коллективом, закрепленный в культуре народа;
- взаимозависимость лидеров и подвластных;
- наличие у всякого человека значительного пространства для социального маневра (выбора союзников, покровителей, места жительства, мировоззрения).

Вследствие этого утвердилась практика принятия управленческих решений на договорной основе. Консенсус между лидерами и коллективами стал неременным условием осуществления всякого общественного мероприятия. Он достигался разными путями: в одних случаях - через публичные дебаты (народный сход), в других, при несовместимости целей и конфронтации - через вражду и силовой паритет, когда обе стороны демонстрировали, с одной стороны, готовность защитить свои интересы, а с другой - тот предел, далее которого отступление считали для себя невозможным. В итоге неизбежно достигалось

решение, которое, может и не удовлетворяло обе стороны полностью, но, во всяком случае, было для них приемлемым.

Базовой ценностью абхазского общества становилась структурная стабильность как залог сохранения описанного равновесия социальных сил. Естественным следствием этого стала ригидность абхазского общества, склонность к застою, невозможность изъятия или реформирования отдельных элементов тщательно сбалансированной системы без нарушения позиций и интересов крупных социальных игроков - сословий, кланов, территориальных сообществ. Становилось невозможно реализовать перемены в какой-либо отдельной отрасли общественной жизни, а единственным вариантом изменения оставалась только полная перестройка структуры социума. Это обстоятельство во всей своей значимости было осознано при попытке проведения крестьянской реформы в Абхазии 1860-х годов. Начальник Сухумского отдела П. Шатилов писал в 1865 г.: «Я положительно утверждаю, что старания наши в Абхазии останутся бесплодными до тех пор, пока мы не уничтожим существующей здесь тесной взаимной зависимости сословий. Этот порядок передает экономическую судьбу всего населения в руки немногих лиц вышестоявших прежним правлением, подчиняет их вполне влиянию этих немногих избранных и никакие старания наши не в состоянии уничтожить этого первенства, об удерживании которого привилегированные сословия заботятся тем более, что оно, кроме нравственных выгод, составляет для них главный источник увеличения доходов своих. Низшие классы, при всей поддержке с нашей стороны, не только не в состоянии освободиться из под этого влияния, но даже не решаются приносить на него жалобы, так как условия их жизни и поземельного пользования сделают его (т. е. влияние - *С.П.*) совершенно неизбежным» [34, с. 78].

Содержанием сложившейся у абхазов социально-политической структуры стал симбиоз власти как вертикальной формы интеграции и самоуправляющихся сообществ, как горизонтально интегрированных институтов, объединяющих население. Он воплотился в структуре абхазских территориальных сообществ

акыта, отражавшей состояние одновременной конкуренции и взаимозависимости между лидерами и лично свободным крестьянством (*анхаю*). Поддержание постоянной способности этих двух социальных субъектов к вынужденному консенсусу и сотрудничеству обеспечивалось посредством патрон-клиентских отношений, народного схода и ополчения, кои образовывали структуру *акыта*.

§ 1. Патрон-клиентские отношения у абхазов

Одной из фундаментальных особенностей политического устройства традиционного абхазского общества была реализация властных отношений в форме патрон-клиентских отношений.

Источники, повествующие о социально-политическом устройстве абхазского народа в конце XVIII - второй половине XIX в., единодушно повествуют о делении всего населения страны на две надсословные категории: лидеров-покровителей (*ахылапшыю*) и основную массу, находящуюся под их покровительством (*хипшы*). Согласно П. Д. Краевичу: «Каждый союз (т. е. *акыта* – С. П.), несмотря на различие сословий, представлял собственно две категории населения, два рода отношений, составлявших сущность союза, именно: каждый союз состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: ахалапшыю - патрон, покровитель, заступник и хипши - состоящий под покровительством, подвластный, зависящий. Из взаимодействия этих обоих элементов населения союза, вызывавшегося настоятельными, насущными потребностями, и образовались все действовавшие в среде союза отношения» [21, с. 4]. Здесь важен момент неразрывной связи *ахылапшыю* и *хипшы*. Эти две категории не могли существовать по отдельности, ибо обозначали не социальную принадлежность или титул, а состояние конкретных персон относительно друг друга. Причем важно отметить широту применения термина *ахылапшыю*, одновременно обозначавшего и руководителя территориального сообщества, и родственника -

кровного или молочного (приемный сын, аталык, побратим) покровителя, и личного патрона, одним словом человека, распространяющего свое влияние и защиту на определенный круг людей или на определенной территории. Перед нами универсальный термин, обозначающий доминирование конкретного лица в определенном социальном и географическом пространстве, предусматривающее обязательство протекции, т. е. признание главенства и контроля в обмен на помощь и защиту, что было сутью патрон-клиентской связи.

Институционально патрон-клиентская связь у абхазов оформлялась в виде родственной, квазиродственной, соседской или персональной протекции, то есть в виде патриархальной связки старший-младший. Во взаимоотношения патрона и клиента привносился элемент родственной солидарности, порождая между ними обоюдные обязательства помощи, защиты и доверия. Причиной тому был ряд обстоятельств.

Первое из них заключалось в неполной институционализации власти в горско-кавказском обществе: отсутствовала возможность устанавливать явно асимметричные формы господства, когда слуга обязан господину всем, а тот избавлен от каких-либо ограничений и обязательств в отношении подвластного. Наоборот, взаимоотношения между лидерами и подвластными строились у абхазов во многом на принципе сделки, при которой стороны обменивались взаимными обязательствами, извлекая из этого каждый свою долю выгоды сообразно своему положению и возможностям. В 1866 г. А. П. Черепов писал, что в Абхазии лично свободные крестьяне (*анхаю*), «находясь в условной сделке с лицами привилегированными, обуславливались: признанием над собою патронатными отношениями... т. е. добровольными приношениями, кои с течением времени, именно по водворении князя Михаила... стали принимать вид обязательной дани во всех тех случаях, когда патрон, считая себя сильным и ссылаясь на примеры, делался требовательным, а благосостояние покровительствуемого (*хипшы*) позволяло» [33, с. 164].

Второе обстоятельство выражалось в готовности людей и групп признавать над собой чей-либо патронаж и соответственно принимать на себя определенные обязательства в обмен на возможность пользоваться защитой могущественного лидера, вместе с ним пожинать плоды этого могущества и избежать агрессии с его стороны: "Последовательная зависимость сословий, но зависимость не рабская, а служащая всегда основой семейного быта, зависимость, зиждущаяся на уважении старших лиц, принявших на себя заботу об общем благе, и явившаяся сознательно, вследствие необходимости составления прочного союза для обеспечения себя от внутренних и внешних врагов... лежала в основе всех отношений абхазцев" [8, с 21-22]. В широком смысле это было обоюдное стремление лидеров и массы населения обратить социальный и политический потенциал друг друга себе на пользу через систему двусторонней связи: "Пользовавшихся известностью ахалапшюю признавали патронат нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона. В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ахалапшюю увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством, готовых во всякое время поддержать значение союза силою оружия, а хипшы в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза" [33, с. 160].

Третье обстоятельство - отсутствие формализованных механизмов обеспечения доверия - обуславливалось тем, что в рассматриваемом обществе не было ни строгой вертикали власти и управления, ни полноценных рыночных отношений и понятия о неотчуждаемой частной собственности. Вследствие этого отсутствовало жесткое распределение социальных ролей и кодифицированное право, то есть свод четко сформулированных юридических формул, закрепленных письменно. В ситуации, когда отсутствовали какие-либо формализованные механизмы, позволяющие связать человека обязательствами и ответственностью, межличностная коммуникация становилась основой взаимоотношений между людьми. Только персональные связи и взаимные обязательства двух конкретных

людей становились для всякого абхаза главной социальной гарантией от существующих угроз, а значит, олицетворяли собой стабильность.

Эти обстоятельства обусловили тот факт, что на практике власть в Абхазии реализовывалась в виде сотрудничества патрона и его клиентов. Разумеется, это сотрудничество зачастую было не одинаково выгодно обеим сторонам, но изначально предполагало учет интересов каждой из них, пусть и в минимальной степени.

Сами эти отношения не были формализованы, то есть не подверглись стандартизации через официальные юридические процедуры. Господствовал персонифицированный характер отношений, предполагавший широкую вариацию взаимоотношений между господином и подвластным (т. е. патроном и клиентом). Посему в каждом конкретном случае имел место оригинальный набор договоренностей и обязательств сообразно обстоятельствам жизни *ахылапшую* и *хипшы*, их возможностям, социальному статусу, персональным качествам, принадлежности к какой либо родовой или территориальной группе, готовой постоять за интересы «своего человека».

Важно, что в социальном смысле этот принцип был универсален, распространяясь даже на низшую, лишенную свободы категорию населения - рабов (*агыруа*): «агыруа можно продать другому не иначе, как в составе целой семьи и притом с личного его, агыруа, согласия, без чего никто не в праве принудить его принадлежать другому. Приобретатель агыруа заключает с последним договор при свидетелях насчет тех услуг, какие агыруа обязан исполнять. При нарушении обязательств владельцем агыруа, последний прекращает всякие обязательные отношения впредь до окончательного удовлетворения, или уходит под покровительство церкви. (...) Обязанности агыруа в отношении к его владельцу различны, что зависит от условий... Вообще при покупке агыруа подробно оговаривается, должны ли дети м. п. по достижении 6 четвертей роста выходить на работу, или таковые обязательны для них после вступления в брак; имеет ли право владелец агыруа дочь последнего дать в

приданое при выдаче своей дочери в замужество или нет, кто обязан платить ачму при женитьбе агыруа, сам он, или его владелец. (...) Дочери агыруа... служат при доме владельца до выхода замуж. Владельцы таких девочек обязаны кормить и одевать» [Там же, с. 166-167].

Показателем того, что патрон-клиентские отношения у абхазов были господствующим вариантом реализации властных отношений, явился их надсословный характер. Градация между *ахылапшую* и *хипшы* определялась в первую очередь не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Этим объясняется всесословность категории клиентов: "Класс Хипшы – покровительствуемых - представляет собою совокупность родов всех сословий... В этом случае кастовые отличия не имеют мест" [Там же, с. 160].

Интересно, насколько отчетливо приоритетное значение патрон-клиентских связей в сравнении с социальным статусом его участников проявлялось при переходе клиента, т. е. *хипшы* в вышестоящее сословие. По этому поводу начальник Сухумского военного отдела в 1865 г. писал: «При неполном освобождении может возникать вопрос о том, вправе ли освобождающий оставлять освобожденного в облегченной зависимости. Полная сословная иерархия может представлять следующий род зависимых людей: тавад, его аамыста, его анхайве, его агырва, его ахашала. При неполном освобождении ахашала он делается агырва, но остается в зависимости у агырва; таким же образом, в свою очередь, человек из сословия агырва при неполном освобождении делается анхайве, но остается в зависимости такого же анхайве, как я сам писал... есть много примеров того, что агырва, платящий повинности, берет сам с своего агырва, освобожденного из ахашала, посылает его за себя на работу и т. п., еще больше примеров тому, что анхайве платит анхайве же повинности по местной норме после своего освобождения из агырва» [34, с. 75-76].

Надсловный характер патрон-клиентской связи смягчал и ограничивал разрыв между господствующей и подчиненной частями общества, ведь отношения такого типа "служат для повышения статуса индивида и его семьи в родовой, корпоративной, государственной иерархиях; эти же связи используются, чтобы... обеспечить известную свободу от обязательных правил и предписаний" [2]. Пронизывая общество множеством неформальных связей, патрон-клиентские отношения делали нечеткими границы между этими социальными общностями.

Так в абхазском обществе складывалась глубокая связь между лидером и его окружением. Пронизанные нитями личностных связей, эти отношения выстраивались не на формальном договоре, а на фактических взаимных обязательствах, создавая сети межличностного доверия (см. далее).

С выгодой для общества (его целостности и благосостояния) разрешался конфликт интересов между лидером, стремящимся максимально возвыситься и закрепить достигнутое привилегированное положение, и людской массой. Ведь эта масса тяготела к однородности и равноправию, а значит, была априори настроенной враждебно к "выскачкам", желающим подняться над обществом и подчинить его себе. В этом конфликте победа лидеров означала бы победу иерархического, вертикального варианта интеграции общества. Иной вариант, при котором побеждал горизонтальный, эгалитарный вариант, продемонстрировали, к примеру, горские общества чеченцев, ингушей и хевсуров. Там сложилась система поддержания классовой однородности социума через уничтожение наиболее социально активных индивидов, выделившихся своей славой и удачью. Ю. Ю. Карпов пояснил ее суть тем, что: «само убийство героя являлось разрешением конфликта, возникавшего на почве своего рода насилия индивида по отношению к коллективу. Его личная слава и «сила» приобретали свойства могущества, которое могло оказывать воздействие на привычный ход жизни и поколебать его устои, чему общество всячески противилось. Непомерно возраставшая слава индивида сулила оказать или уже осуществляла насилие над обществом (в плане нарушения баланса личных и

коллективных интересов), и потому он подлежал физическому устранению» [17, с. 123].

В сравнении с этим бытовавшая в Абхазии практика опутывания лидера личностными связями и обязательствами по отношению к обществу предстает промежуточным вариантом между победой лидеров или людской массы, более гуманным и рациональным, при котором лидер обречен действовать не сугубо в своих личных интересах, привнося в общество хаос и отчуждение, но становится ядром коллектива, пожинаящим плоды его социальной активности. Этот коллектив (сеть доверия) - вся совокупность людей, связанных с ним личностными узами истинного или формального родства, покровительства и соседства. Признавая власть лидера, такой коллектив, в свою очередь, использовал его как орудие для решения собственных задач, являясь равноправным и участником, и получателем результатов борьбы лидера за богатство и могущество, который поглощал и распределял внутри себя значимую часть этих самых результатов.

В абхазском обществе политический и экономический капитал (могущество и богатство) были производными от капитала социального (репутация и широта личных связей), что делало последний основной целью борьбы за власть. Поэтому здесь патрон-клиентские отношения, облеченные в ту или иную форму, были не просто вариантом реализации власти, а шире - способом обретения и расширения социального капитала через создание собственных сетей доверия - круга лиц различного социального положения, объединенных взаимовыгодным сотрудничеством и взаимопомощью. Специфика этих отношений такова, что порождает обоюдное воздействие, могущее ограничить рост благосостояния и могущества лидеров таких сетей: «доверие как социальный капитал - это не только социальная поддержка в виде разнообразных коммуникативных и деловых сетей, но и социальное принуждение в качестве своеобразной платы за данный ресурс...

Одна из форм негативного эффекта - обязательность взаимопомощи участников сети, что крайне обременительно для тех, кто находится в состоянии устойчивого успеха. «Удача одного является шансом для всех» - вот принцип сетевого взаимодействия. Это обстоятельство создает определенный антистимул к вхождению в сетевой мир. Многочисленны примеры, когда успешные участники сетей опутаны просьбами и ожиданиями помощи со стороны менее успешных. Постоянное «донорство» по отношению к «бедным родственникам» становится тяжким бременем. «Поделенный успех» гасит мотивацию наиболее успешных. Группа регулирует потоки взаимопомощи, ставя наиболее состоятельных членов сетевого взаимодействия перед выбором: превратиться в вечных «спонсоров» или порвать с группой» [4, с. 57].

Таким образом, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе обеспечивали устойчивую двустороннюю связь, при которой лидеры укрепляли свое влияние на общество за счет возможности последнего абсорбировать значительную долю результатов их борьбы за власть. Это в свою очередь препятствовало избыточной концентрации ресурсов в одних руках, ввиду чего абхазское общество не ведало столь разительного контраста в образе жизни и внешнем виде между рядовой и привилегированной частями общества, за исключением единиц, стоящих на самой вершине социальной лестницы - владельца страны и удельных князей.

Особенность господствовавшего у абхазов варианта сетей доверия заключается в невозможности однозначно отнести его только лишь к симметричному, основанному на реципрокции или асимметричному, основанному на подчинении [Там же, с. 59], типу таковых сетей. Патриархальная связь двулика: предполагая старшинство одного над другим, она одновременно уподобляет отношения между господином и подвластным (т. е. патроном и клиентом) родственным связям, которые уравнивают людей. Блокируя отчуждение людей по социальному, имущественному и политическому принципу, такая связь делала невозможным жесткое публичное подчинение. Это было

особенно актуально для абхазов, у которых широко практиковалась реализация патрон-клиентских отношений в виде реального или фиктивного родства. В определенном смысле это касалось и соседства, поскольку в мировоззрении народа, живущего замкнутыми территориальными сообществами, сосед не был в полном смысле чужаком, но чем-то средним между ним и родичем. Обращение любого человека, пусть даже могущественного, с родственником и соседом как с людьми чужими серьезно дискредитировало его в глазах общества живущего родовыми традициями. Такие отношения придавали процессу обмена услугами и ресурсами между патроном и клиентом характер реципрокции. Это была та самая обязанность взаимопомощи внутри сети доверия, о которой говорилось выше.

С другой стороны, как связь иерархическая, основанная на признании главенства патрона, она предполагала подчинение ему. В результате этого признаки симметричной и асимметричной сети доверия смешивались в структуре патрон-клиентских сетей у абхазов, делая их переходной формой, что особо примечательно. Как отмечал Л. Е. Куббель, патрон-клиентские отношения по определению представляют угрозу самостоятельности клиента как самостоятельного субъекта социальных отношений, поскольку "преимущества, которые получает зависимый, ощутимо-меньше тех, какие приобретает тот, от кого он зависит; к тому же эта асимметрия проявляет неизменную тенденцию к нарастанию" [22, с. 139]. Однако же в абхазском случае складывается впечатление, что позиции обеих сторон патрон-клиентских отношений были сбалансированы таким образом, чтобы избежать усиления какой-либо из них, обеспечить постоянный *status quo*.

Чтобы выяснить, верно ли это впечатление, необходимо ответить на вопрос: являлись ли патрон-клиентские отношения у абхазов порождением кризиса традиционной социальной системы абхазов или его структурным элементом? С одной стороны, сама актуальность таковых отношений возрастает в обществе, где существующие социально-политические институты оказываются неспособны в полной мере обеспечить людям комфортную социальную обстановку [36, р. 18]. С

другой стороны, патрон-клиентские отношения могут явиться не результатом кризиса общества, а его структурной особенностью, ведь «частные союзы защиты и покровительства в определенных условиях могут стать институционализированной формой управления... беря на себя определенные функции институтов публичной власти или даже полностью их замещая» [2]. Сам данный исследователь указывал, что отношения могли обращаться как в жесткую авторитарную власть и крепостничество, так и «ограничивать произвол и развивать культуру договора» [Там же].

Именно в этом обстоятельстве заключен ответ на поставленный вопрос: в доиндустриальных (традиционных) обществах «важнейшим социокультурным следствием патронажа следует признать слияние двух полюсов деревни, ее богачей и бедняков, в единую общину» [5, с. 207-208]. Таковой всесословной общиной была *акыта* - основная форма соорганизованности людей в абхазском обществе, а коль скоро так, патрон-клиентские отношения были в ней не приходящим историческим явлением, но важной структурной функцией. Эта функция - сбережение всесословного территориального сообщества *акыта* от распада на социальной почве, обеспечение мира и сотрудничества между низшими и высшими сословиями, между лидерами и подвластными.

Из этого следует, что патрон-клиентские отношения в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. характеризуют не столько этап его эволюции, что упростило бы задачу исследования, сведя ее к банальной идентификации по признаку отсталости-прогрессивности, сколько избранное направление этой эволюции. Это предполагает признание за всяким человеческим сообществом собственного оригинального исторического пути и его результатов. У абхазов избранное направление социально-политической эволюции вело не к отчуждению людей и созданию надобщинных структур господства и управления, а к универсализации общины, превращению ее в многофункциональную структуру, которая охватывала все стороны человеческого бытия на началах сотрудничества и взаимозависимости социальных групп.

Исходя из характера патрон-клиентских связей у абхазов в изучаемый период, можно выделить два варианта:

- а) в форме родства (реального или чаще фиктивного);
- б) в форме территориального или частного патронажа.

Первый вариант, основанный на категориях родового строя и потому, возможно, более ранний, был типологически ближе римской клиентеле, поскольку ядром таковых в обоих случаях выступали родственные и квазиродственные (к примеру, у абхазов - аталычество и молочное братство, у римлян - практика усыновления) связи. Второй тип, основанный на принципе территориальности и персонального служения, был ближе к институту вассалитета в феодальных обществах.

Родственные связи - один из важнейших и древнейших источников укрепления власти в горско-кавказском и, шире, традиционном обществе. Круг родичей неизменно служил ядром лидерского окружения, как совокупностью людей, связанных с ним наиболее прочными и священными узами реального, биологического родства. Однако возможность расширения социальных связей посредством родственных уз ограничивалась естественными причинами.

Поскольку весомых альтернатив родству в горско-кавказском обществе не было, а "сама культурная традиция в доклассовом обществе транслировалась и осмыслялась в рамках семейных, т. е. опять-таки родственных" отношений [22, с. 117], данный способ сохранил свою актуальность. Это привело к тому, что принцип родства становится универсальной высоконадежной формой обеспечения социального доверия и, соответственно, «к искусственному конструированию родственных связей, к возникновению фиктивного родства» [Там же]. Посему сформировалось такое явление, как квазиродственные отношения, суть которых можно выразить формулой: расширение родственной солидарности, предполагающей доверие и обязательства, за пределы круга биологических родственников.

Институционально такие квазиродственные отношения оформлялись в виде аталычества и молочного родства – институтов, в свое время распространенных на Кавказе, поему в новом представлении не нуждающихся. Кавказское аталычество характеризовалось большой вариативностью. В одних случаях оно могло основываться на инициативе воспитанников, в других - на взаимной добровольной договоренности, в третьих - на принуждении, т. е. похищении ребенка и объявлении себя его воспитателем [19, с. 42]. Сам статус аталычества также разнился. Например у черкесов-темиргоевцев оно рассматривалось как акт оказания чести, а у сванов являлось формой феодальной повинности [Там же, с. 43].

Конкретно у абхазов институты фиктивного родства были подробно рассмотрены в свое время Ш. Д. Инал-ипа [14, с. 71-125; 15, с. 479-496]. Интересно, что в Бзыбской и реже в Абжуйской Абхазии аталычество зачастую обозначал термин, который понимался как «молочное родство» [Там же, с. 479], что указывает на организацию обоих этих институтов по единому принципу.

Разумеется, суть данных институтов нельзя сводить сугубо к коммуникации между господствующей и подвластной частью общества. В конечно счете это были универсальные механизмы, с помощью которых скреплялись союзы (в том числе дипломатические) и умиротворялись конфликты, обеспечивалась культурная однородность общества и, что не менее важно, реализовывалась (в случае аталычества) оригинальная система воспитания. Но их роль в социально-политической структуре абхазского общества следует оценить по достоинству. Тут они превращались в механизмы, позволявшие ограничить масштабы конфликта между представителями господствующей и подвластной частей социума и наладить сотрудничество между ним. Соответственно аталычество становилось одним из источников формирования патрон-клиентских отношений как "идеологическое оформление оказания доверия" [19, с. 57].

Практика установления молочного родства использовалась в основном для умиротворения кровной вражды и упрочения дружеской связи, т. е. тут

преобладали личностные мотивы, пусть зачастую и поднятые до масштабов династической дипломатии. В традиции же аталычества - взятии детей на воспитание в другую семью (такой воспитанник назывался у абхазов *ахупха*) преобладала социальная подоплека. Неслучайно воспитанник передавался в семью человека либо более низкого, либо, что реже, равного социального статуса. Конечно, в постоянной свите каждого могущественного лидера всегда присутствовала молодежь - дети его подвластных, но статусом *ахупха* они не обладали. Так в практике аталычества отражалась социальная иерархия абхазского общества: крестьяне брали на воспитание детей дворян, те - детей князей, а они в свою очередь стремились стать воспитателями (аталыками) детей удельных князей или даже самого владетеля страны.

То, что в виде аталычества оформлялись властные отношения, вполне проявляется в обязательстве одаривать воспитанника и оказывать помощь в делах, лежавшем на крестьянах-воспитателях. Причем это обязательство служило одним из источников формирования регулярных повинностей в пользу правящего слоя [31, с. 559]. Речь идет о "доле воспитанника" - приношениях, совершаемых воспитателями в пользу своего патрона-воспитанника в определенные дни года [14, с. 88].

Но следует помнить, что это были властные отношения патрон-клиентского типа, а значит, многое зависело от умения воспитанника и воспитателя извлечь выгоду из сложившихся между ними отношений. В одних случаях воспитанник мог широко эксплуатировать своих аталыков. В других случаях - воспитатель обращал связь со своим могущественным *ахупха* к себе на пользу, обретая влияние в обществе.

В качестве примера такового служит история крестьянина Джира Ахуба из с. Члоу, чей отец был воспитателем влиятельного князя Хабугу Ачба. Таким образом, они стали молочными братьями, что позволило Джигу превратиться в посредника между князем и теми, кто искал протекции: этот крестьянин на протяжении жизни получил порядка ста предложений установить молочное

(фиктивное) родство [Там же, с. 78]. Потому инициатива зачастую принадлежала крестьянам - стоило лидеру продемонстрировать свою эффективность как покровителя, «спрос» на него поднимался: «Пользовавшихся известностью ахалапшюю признавали патронат нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона» [33, с. 160]. Причем, как видим, статусом воспитателя (аталыка) мог наделяться как отдельный человек, так и группа - родственная (большая семья или фамилия) или территориальная (вся соседская община *ахабла-ацута* или даже сообщество *акыта* целиком), в рамках которых воспитывалось дитя. Наиболее четко функцию аталычества как способа для подвластных избежать тирании лидера и обернуть его силу себе на пользу выразил Ф. Ф. Торнау: "Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, - воспитывать детей своих вдали от родительского дома, принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством" [32, с. 468]. На этот аспект аталычества обращал внимание М. О. Косвен, когда писал, что: "материал говорит преимущественно об аталычестве как порядке, существующем не в силу желания отдать детей на воспитание, а в силу стремления получить ребенка, стремления, доходящего вплоть до похищения" [19, с. 47].

Как видно, патрон-клиентские отношения в абхазском обществе, вызванные невозможностью двух противоборствующих социальных сил - лидеров и подвластных, обойтись друг без друга, представляли собой не примитивную связку господин-слуга, а площадку социальной игры, на которой каждый из них - *ахылапшюю* и *хипшы* стремился удовлетворить свои интересы за счет другого. Здесь мы возвращаемся к тому, что патрон-клиентские отношения у абхазов нельзя однозначно отнести ни к чисто горизонтальной, ни к сугубо иерархической форме связи. Игра есть форма конкуренции, а она в свою очередь предполагает свободу воли и инициативу двух самостоятельных субъектов. А как раз яркая

особенность патрон-клиентских отношений в том, что это - управляемая форма родства, предполагающая определенную свободу выбора и инициативу сторон. Кровное родство не допускает личного выбора: человек должен быть верен своему родственному коллективу по факту рождения в нем и в этом смысле кровное родство - недобровольная форма корпоративности [10, с. 114]. Формальное же родство, в которое облекались патриархальные отношения между покровителем (*ахылапшую*) и клиентом (*хипшы*), наоборот, предполагало момент осознанного личного выбора: человек сам решает, с кем и для чего ему породниться. А в сочетании с полипатронатом (см. ниже) такое родство, в отличие от кровного, представляло собой уже скорее добровольную форму корпоративности.

То же самое можно сказать и о другой форме патрон-клиентской связи у абхазов - территориальной. В стране с развитой практикой переселения согласие на проживание в рамках определенного территориального сообщества (*акыта*) автоматически означало признание над собой протекции ее главы - *ахылапшую*. Человек мог выселиться в другое сообщество или остаться по собственному разумению, тем самым совершая акт признания или, наоборот, неприятия власти местного патрона.

Институт глав сообществ *акыта* представлял собой вариант патрон-клиентских отношений, но основанный уже по признаку территориальности, а не родства. Он рассматривался в главе посвященной власти и лидерству, поэтому здесь внимание будет сосредоточено на его сути как варианте патрон-клиентских отношений.

Акыта, как автономное самоуправляющееся объединение, помимо схода всех жителей по наиболее важным вопросам, нуждалось в некой властной субстанции, которая бы олицетворяла и постоянно воплощала на практике его экономическое, социальное и политическое единство. То есть - регулярном институте управления. В силу особенностей местной социально-политической культуры постоянная власть реализовывалась в форме патрон-клиентских

отношений, олицетворявших взаимозависимость сословий. Она была строго персонифицирована, т. е. воплощалась не в абстрактном титуле и привилегиях, а конкретном человеке и мощи его авторитета. Итогом сочетания этих факторов явился институт главы (*ахылапшую*) в отношении которого население сообщества *акыта* имело статус "покровительствуемого" (*хипшы*): "Ахылапшую... есть принадлежность каждой общины (*акыта*). Звание это в некоторых фамилиях составляет родовую принадлежность и само собой всегда переходило в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоинству... Считаюсь первым между равными ахылапшую собирал сходки (айбарбара) для обсуждения мер к сохранению союза (ажвлар)... принимал участие в устранении несогласий между хипшы, предводительствовал в набегах, когда обстоятельства требовали действий сообща, ходатайствовал перед владельцем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. п." [33, с. 159].

Власть *ахылапшую* соответствовала всесословному характеру *акыта*: все, проживающие на ее территории, вне зависимости от сословной принадлежности и статуса (не исключая и гостей) находились под его защитой и властью [Там же, с. 160]. Даже сам *ахылапшую*, находясь на территории чужого сообщества *акыта*, попадал в категорию покровительствуемых ее руководителем. В зависимости от сословной принадлежности, влияния своей фамилии и принятых в рамках сообщества норм, его жители (то есть "покровительствуемые") несли те или иные повинности в пользу главы сообщества: отдавали ту или иную часть урожая, продуктов животноводства, выполняли в его пользу работы или поручения. Повинности эти облекались в форму добровольных услуг (а зачастую и были таковыми). Их характер и объем не был строго фиксированным, а разнился в каждом конкретном случае.

Зачастую "чистые" крестьяне (*анхаю*), опираясь на авторитет и многочисленность своей патронимической группы в *акыта*, отказывались от несения каких-либо повинностей в пользу главы сообщества [21, с. 13], а в некоторых областях, например Цабале, повинностей не было [20, с. 314]. В

наименее экономически развитых горных районах страны это объясняется слабостью и незрелостью института главы сообщества [25, с. 233; 20, с. 313]. С другой стороны, именно влияние, многочисленность и давность проживания представителей какой-либо знатной фамилии в сообществе служили важнейшими предпосылками к обретению власти над ним. Это яркий пример двойной роли родовой солидарности в структуре сообщества: служба одной из основ власти *ахылапшую*, эта же солидарность, но уже в среде лично свободных крестьян, была одним из факторов, ограничивающих его власть.

Несмотря на высокую степень хозяйственной, военной и идеологической самостоятельности абхазского крестьянства институт территориального *ахылапшую* как регулярная организационная субстанция был востребован в жизни незнатного населения Абхазии и в случае, если после смерти *ахылапшую* ему на смену не появлялся достаточно эффективный преемник, жители поселения расходились и оно переставало существовать [28, с. 481].

Звание территориального *ахылапшую* нельзя в полном смысле рассматривать как должность, т. е. формализованную иерархическую позицию. Это превращало бы *ахылапшую* в чиновника - элемент, предполагающий существование сложившегося бюрократического аппарата, многоступенчатого и отделенного от населения, коего в Абхазском владетельном княжестве не было. Правильнее рассматривать это как статус, который констатировал, что данный человек пользуется наибольшим влиянием в данном сообществе и в обмен на признание населением его первенства берет на себя функции их покровителя. Звание территориального патрона - *ахылапшую* не предполагало официальных стандартизированных процедур выборов такового и исполнения им соответствующих обязанностей. Утверждение, легализация лидера в статусе *ахылапшую* сообщества осуществлялась неформальным путем, через добровольное принесение ему даров, обращение за помощью и демонстрацию почтения. Когда большая часть населения *акыта* начинала прибегать к этому в отношении определенного влиятельного человека - он становился *ахылапшую*

данного сообщества. Как видно, и здесь имеет место нечто среднее между свободным выбором и необходимостью считаться с властью лидера, что опять же возвращает нас к выводу о переходном характере патрон-клиентских отношений у абхазов между симметричной и асимметричной формой связи.

Само существование патрон-клиентской связи основанной на неродственном принципе, напрямую связан с фактом перехода к территориальному принципу расселения и организации человеческих сообществ - т. е. переходу от родовой общины к соседской. Это служит показателем уровня социально-политического развития абхазского общества, преодолевшего рамки родовой организации.

Так же с патрон-клиентскими отношениями в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. был связан институт княжеских представителей на местах - *ацнахума*, где он представлял собой наиболее позднюю и сложную форму таковых отношений. Как уже говорилось, данную категорию некорректно считать в полном смысле слова бюрократией: статус *ацнахума* был строго привязан к конкретному князю, коему он служил, а не являлся обезличенной должностью. Повторюсь: не бывало *ацнахума* «вообще» как самовоспроизводящегося сословия наподобие дворян или крестьян, не бывало и *ацнахума* как регионально-отраслевого административной должности, аналогично приставам. *Ацнахума* - личный представитель конкретного князя. Такая персональная привязка показывает, что это вариант патрон-клиентской связи, но основанный не на родстве или соседстве, а профессиональных мотивах - потребности князей в контроле и управлении через доверенных людей.

В силу своей природы патрон-клиентские отношения имеют свойство эволюционировать в патримониальное господство, когда подчиненные попадают в жесткую зависимость от воли господина. Однако как поле социальной игры такие отношения предполагали стремление самих клиентов-*хипшы* по максимуму использовать потенциал патрон-клиентской связи в своих интересах. Неизбежно возникала потребность в механизме, позволявшем:

а) обеспечить сохранение статус-кво между патроном и клиентом, т. е. *ахылапшую* и *хипшы*, дабы их связь не превратилась в прямое подчинение;

б) извлекать клиентам максимально возможную выгоду из своих связей с патроном.

Поскольку патрон-клиентские отношения предполагали определенную свободу выбора и инициативы для обеих сторон, а также практиковались в нескольких различных формах (родство, квазиродство, территориальное покровительство или личное покровительство), решение для клиентов было очевидным: обладать не одним, а множеством патронов и сочетать разные варианты покровительства. Так в абхазском обществе сложилась своеобразная социальная практика, при которой один клиент одновременно был связан с несколькими патронами. Для ее обозначения предлагаю термин «полипатронат», образованный путем добавления к термину "патронат" приставки «поли» (греч. «πολύς» - многий, многочисленный).

Полипатронат являлся механизмом удержания социума на низком уровне вертикальной стратификации. Всякий патронат предполагает обоюдную выгоду. А данная его разновидность - *полипатронат* - еще и предоставляла клиенту инициативу в выборе патрона в зависимости от задуманного им дела, а также использовании покровительства одного патрона в целях защиты от деспотии другого. Благодаря этому, в отличие от классического патроната, при *полипатронате* отсутствует монополия одного господина на покровительство в отношении конкретного человека. Отношения «патрон – клиенты» заменяются отношениями «множество патронов - множество клиентов». Вместо четко зафиксированных социальных позиций каждая сторона *полипатронатных* отношений получала определенное пространство для маневра, в пределах которого отстаивала свои интересы. Лидеры конкурировали между собой за покровительство над наибольшим числом клиентов и стремились прочнее привязать их себе через личные обязательства. Каждый клиент стремился заручиться благосклонностью как можно большего числа патронов, в результате

чего их влияние на него взаимно блокировалось, а его социальная позиция усиливалась: «Если подвластный какому-нибудь дворянину, состоящему, в свою очередь, в зависимости у патрона высшего разряда, получил бы на воспитание сына последнего (аталычество - *С.П.*), то считал бы себя уже совершенно независимым от подвластности своему непосредственному владельцу и был бы уже свободен в отношении обоих своих патронов... На основании этого правила, чей бы подвластный не был анхайве, воспитатель члена абхазского владетельного дома, - он делался уже свободным» [34, с. 75]. Таким образом, *полипатронат* позволял человеку укрепить собственную самостоятельность, расширить диапазон своих возможностей через вхождение в сети доверия не одного, а множества лидеров. Тут уместно вспомнить, что: «гибкость социальной системы определялась большим количеством корпоративных объединений, к которым в случае необходимости мог апеллировать человек» [27, с. 34].

Значение *полипатроната* как механизма, ограничивающего глубину социального расслоения, явно видна по тому, что потребность в нем зависела от степени социальной защищенности. Чем хуже было положение человека, тем большим числом покровителей он стремился обзавестись. Ш. Д. Инал-ипа например писал об аталычестве, что: «Некоторые же из них (крестьян - *С.П.*) имели по три, четыре и даже более... приемных ахупха. Только наиболее сильные представители влиятельных крестьянских родов, которые даже пытались соперничать с некоторыми дворянами, могли считать все это для них не обязательным» [14, с. 74].

С другой стороны, *полипатронат* служил механизмом сохранения целостности патронов и клиентов как обособленных социальных групп. С. Эйзенштадт и Л. Ронигер прямо указывали, что, будучи вертикальным вариантом связи отдельных персон, а не коллективов, патрон-клиентские отношения подрывают их внутренние горизонтальные связи, а значит целостность участвующих социально-политических групп, прежде всего подчиненной – клиентов [35, р. 49]. *Полипатронат*, бытовавший у абхазов, стабилизировал их

положение, позволяя сохранить свой социальный статус и горизонтальные социальные связи, т. е. связи с равными себе по социальному положению и образу жизни людьми.

В этом смысле описываемый феномен выглядит как реакция общества на развитие социального неравенства, которая препятствовала попаданию клиента под полный контроль патрона, лишая последнего монополии на единоличную протекцию. В результате за счет полипатроната в абхазском обществе не произошло расщепления сословий и коллективов (родственных и соседских) на частные патронаты. Складывалась ситуация, когда клиент, то есть *хипшы* в широком значении этого термина, а не патрон (покровитель - *ахылапшыу*) являлся стабильным началом, социальным ядром, вокруг которого выстраивалась система патрон-клиентских отношений. Именно поэтому инициатива в налаживании таковых столь часто в абхазской жизни принадлежала (да и принадлежит в наши дни) клиентам - лицам, находящимся в подчиненном положении.

Подводя итог обзору патрон-клиентских отношений в абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. уместно обобщить их социальную сущность. Перед нами вариант реализации властных отношений, который в силу самой своей структуры закреплял социальные позиции правящего класса и массы подвластных, препятствуя углублению пропасти между ними, а значит - препятствовал установлению жесткой иерархической модели подчинения и эксплуатации или наоборот - полной свободе и анархии. Неслучайно взаимные обязательства патрона и клиента у абхазов, будучи однажды оговорены, не подлежали одностороннему пересмотру: «при всем разнообразии повинностей, нормы их для каждого дома постоянны и не могут подлежать произвольному изменению ни с той, ни с другой стороны. Патрон не может по своему произволу увеличить, зависящий - уменьшить лежащие на дыме повинности» [21, с. 14].

Это - неизменная черта властных отношений, оформленных в виде патриархальной связи, когда господин и подвластные не отчуждены друг от друга, а уподоблены семье, где лидер - не чуждый тиран, но «отец», пусть и

суровый и эгоистичный, но ответственный за своих «чад» - т. е. подвластных. И патрон и клиент обоюдно были связаны долгом взаимопомощи, даже если это требовало рискнуть собственной жизнью или уничтожить чужую, о чем писал в 1866 г. С. Баратов: «В прежнее время помещик помогал анхайве делать нападение и мстить за кровомщение, как равно и анхайве обязан в свою очередь помогать в таком случае и помещику» [3, с. 162]. Такая взаимопомощь реализовывалась и на более прозаическом уровне бытового меркантилизма: так, при женитьбе *агыруа* часть калыма за невесту выплачивал его господин [1, с. 277]. Это жизненный пример совпадения интересов и сотрудничества господина, желающего увеличить количество подвластных и раба, желающего создать семью.

С другой стороны, патрон-клиентская связь по способу своей организации была неформальной, что являлось существенным изъяном: соблюдение взаимных обязательств определялось не универсальными юридическими нормами и институтами контроля, а межличностными отношениями этих двух персон - патрона-*ахылапшую* и клиента-*хипшы*. Лаконичную характеристику системе властных отношений в Абхазском владетельном княжестве дал в 1820 г. П. Гибаль: «Владетельный князь Абхазии пользуется в отношении дворян такой же властью, какой те пользуются в отношении своих крестьян. Он является всего лишь старшим родственником, который пользуется влиянием, но не имеет ни законодательной, ни исполнительной власти» [9, с. 145-146].

Перед нами - оболочка, скрывавшая неспособность каждой из этих социальных сил самостоятельно, опираясь лишь на свои силы и за счет противоположной стороны, установить приемлемый социальный порядок. Из этого вытекала нужда в сотрудничестве, предполагающем обязательства сторон и взаимовыгодные условия. Так, патрон-клиентские отношения выражали собою фундаментальное свойство властных отношений в абхазском социуме конца XVIII - второй половины XIX в.: глубокую взаимозависимость правящего и подчиненного слоев общества. В структурном смысле это означает, что социальные силы, олицетворяющие иерархический (элитарный) и

горизонтальный (эгалитарный) варианты интеграции общества находились в состоянии стабильного равновесия и взаимосвязи, порождая смешанные, переходные варианты соорганизованности людей, которые невозможно строго отнести ни к иерархическому, ни к горизонтальному типу.

Самое интересное, что такое свойство абхазского социума реализовывалось не спонтанно, а было закреплено в самой его структуре. На это указывает наличие *полипатроната* и гостеприимства. Вспомним: оказавшись на территории чужого *акыта*, даже князь автоматически попадал в категорию покровительствуемых - *хипшы* по отношению к его главе, независимо от социального происхождения последнего. Также и *полипатронат*, при котором, например, крестьянин, находясь под властью своего аристократа-покровителя, прибегал к аталычеству, сам становясь полновластным воспитателем своего знатного воспитанника. В обоих случаях речь идет об изменении иерархии между двумя людьми относительно друг друга, обусловленном текущими условиями. Это верный показатель того, что социальная иерархия в абхазском обществе, спроецированная на взаимоотношения двух конкретных персон, не была абсолютной, жестко закрепленной, а могла меняться согласно социальному контексту [6, с. 143].

§ 2. Народный сход и ополчение как всеобщие формы соорганизованности людей

В абхазском обществе конца XVIII - второй половины XIX в. народный сход и войско были организованы таким образом, чтобы обеспечить взаимозависимость и сотрудничество правящего слоя и массы простого народа при выполнении практических задач по управлению и обороне. Скудость имеющихся данных об этих институтах ограничивает возможность рассмотреть их в желаемой полноте. Однако определить общие принципы, на которых эти институты были организованы и функционировали, представляется вполне возможным.

Как явление многогранное, народный сход вполне уместно рассмотреть с нескольких ракурсов - управленческого, социального и политического.

Важная особенность - неразделимость народного схода и суда, что имело свою логику: функционирование обоих этих институтов предполагало противоборство мнений, которое происходило в виде публичных дебатов. Эта процедурная близость обусловила тот факт, что народный сход и суд в абхазском обществе не были четко отделены друг от друга, а представляли собой две ипостаси единого института (поэтому далее он будет именоваться единым термином - "народный сход" или просто "сход"). Лучшее свидетельство неотделимости народного схода от суда у абхазов - это единство их организационных принципов, каковыми были:

а) корпоративность: субъектами, защищающими свои интересы на сходе, являлись не отдельные люди, а группы - родственные, соседские или политически ориентированные (например, сторонники той или иной влиятельной персоны или политической линии);

б) представительство: озвучивал и защищал интересы всякой группы на дебатах не любой из ее членов, но избранный из числа таковых человек, обладающий достаточной репутацией и ораторскими способностями, чтобы публично выступать от лица своего коллектива;

в) выборность арбитров: лица, исполняющие роль посредников и судей в конфликте, будь то группа старейшин или могущественный авторитетный князь, избирались в качестве таковых на месте схода и только с одобрения непосредственных участников дебатов;

г) в случае, если обсуждение важного вопроса зашло в тупик, но при этом требовалось безотлагательное окончательное решение, его вынесение возлагалось либо на владетеля Абхазии, либо на коллективное решение общей массы сторонних участников схода (на "волю народа"). Такое решение, как явление экстраординарное, рассматривалось как выражение воли общества в целом, а

потому не подлежало пересмотру и было обязательным для исполнения под угрозой противопоставить себя всей его мощи.

В соответствии с этими принципами выстраивалась процедура схода, выглядящая в общем виде так: по инициативе двух и более групп людей поднимался вопрос, требующий публичного рассмотрения в рамках той территориальной общности, к жизни которой вопрос имел непосредственное отношение: одного *акыта*, нескольких, или целой провинции.

Изложение и защита интересов каждой группы передавались выбранному ею представителю, что не исключало персональных выступлений и комментариев, рискующих, впрочем, быть воспринятыми как неучтивая "отсебятина". Право обсуждать позиции сторон и предлагать решение возлагалось на арбитров, избираемых с одобрения спорящих сторон из числа умудренных жизнью знатоков традиционного права. Так же в качестве арбитра мог выступать *ахылапшыу* сообщества и, в особо важных случаях, владетель страны. Выслушав мнения сторон, арбитры затем по отдельности обсуждали проблему с каждой из них, а после - между собой, вырабатывая окончательный вариант предлагаемого решения. Далее оно публично озвучивалось, приводилось его обоснование и уточнения, после чего осведомлялись у спорящих сторон, согласны ли они с предложенным решением.

В случае согласия сход заканчивался, если нет - договаривались о новом собрании, хотя опасность затягивания дела в подобном случае породила простой и эффективный способ избежать волокиты и полного игнорирования решений схода, что особенно было актуально для судебных разбирательств: "Обе стороны... принимали предварительно присягу, давали поручителей в том, что исполнят беспрекословно решение суда. На этом основании их не спрашивали, довольны ли они решением и дело возобновлено уже быть не могло" [12, с. 350].

Народный сход являлся институтом управления, не отделенным от населения, что позволяло широким слоям участвовать в принятии решений и исключало появление профессиональных самовоспроизводящихся

административных институтов, отделенных от народных масс - то есть бюрократического аппарата, способного навязать и проконтролировать исполнение решения схода.

Это со всей ясностью выразил в 1820 г., несколько гиперболизируя, П. Гибаль: "Вопрос о мерах, которые предпринимаются или, точнее говоря, которые нужно было бы предпринимать, решаются большинством голосов. Но так как при обсуждении этого вопроса Совет (т. е. сход - *С.П.*) никогда не приходит к единому мнению, то обсужденные меры не приводятся в исполнение: ведь каждый может не выполнить то, чего он не одобряет. Впрочем, Совет ничего никому не приказывает и не принимает мер, чтобы обязать отдельные лица подчиниться его решениям. Поэтому и получается, что тот, кто наиболее горячо выступал за данное предложение, первым же отказывается его выполнять из-за трудностей, с которыми оно связано. В течение моего годичного пребывания в Сухуме, Совет собирался 7 или 8 раз в Сухуме или в окрестностях" [9, с. 147]. Тут ситуация с абхазским народным сходом, его долгими и многочисленными заседаниями, мягкими, почти рекомендательными решениями сложилась в одностороннюю, искаженную картину абсолютной неэффективности данного института. Это был неизбежный результат взгляда на традиционное общество со стороны представителя европейского индустриального общества, пришельца из мира сложнейших управленческих систем - капиталистических государств XIX в.

Но абхазский сход нельзя сравнивать с бюрократическими институтами управления, поскольку цели и принципы их функционирования различались. Народный сход у абхазов не являлся органом срочного принятия волевых решений. Сам П. Гибаль обронил фразу, открывающую путь к пониманию истинной сути схода, когда написал, что «каждый может не выполнить то, чего он не одобряет» [Там же]. Это обстоятельство имело важное значение: поскольку никаких альтернативных сходу институтов рассмотрения и принятия решений не было, неизбежно обращались к нему. Но при этом неспособность схода жестко навязывать свои решения создавала ситуацию, когда он, в лице выборных

представителей сторон и арбитров, был вынужден искать и находить, пусть с большой потерей времени такое решение, которое могло удовлетворить противоборствующие стороны в наибольшей степени. Именно поэтому не боевая мощь и богатство, а практический жизненный опыт, дар убеждения и репутация являлись главными критериями при выборе арбитров и представителей противоборствующих групп на сходе. Нужны были люди, способные найти компромисс, при том достаточно авторитетные, чтобы к ним добровольно прислушивались те, кто в абхазской социальной терминологии обозначались как «человек собрания» [23, с. 37].

Получается, что абхазский народный сход был, прежде всего, институтом согласования, конечной целью которого было не добиться истины в интересах только одной стороны, пусть и правой, но достичь консенсуса. Причем процесс согласования должен был быть открытым: «Созванное секретным образом собрание считалось заговором» [12, с. 346]. Таким образом, само заседание схода превращалось в процедуру реализации важной черты политической культуры абхазов - публичности как механизма обсуждения, согласования и легитимации решений.

Последняя из указанных функций открывает путь к пониманию социальной сущности народного схода как всеобщего института. Через него осуществлялась легитимация власти у абхазов, как получение общественного признания и нахождения общего языка между лидерами и обществом. Только так можно объяснить, почему представители правящего класса абхазского общества были заинтересованы и имели возможность принимать в сходе участие.

Демонстративное насилие само по себе не может служить серьезной основой власти, особенно в обществе, где элита не обладает монополией на него. Всегда, при отсутствии жесткой социальной иерархии и развитых институтов управления, власть вынуждена искать легализации своих действий в их публичном одобрении или хотя бы молчаливом согласии. Непременным условием для этого, одновременно устанавливающим пределы могущества всякого лидера

или привилегированной группы, была необходимость компромисса с обществом, поиск взаимовыгодных условий сосуществования. Иного пути не было, ввиду высокой степени социально-экономической самостоятельности большей части населения Абхазии в изучаемое время. Так рождалось стремление и потребность осуществлять важные политические акции по возможности публично, искусно подбирая им соответствующие традициям обоснование и форму осуществления. Тем более что в случае удачи лидер и находил новых сторонников, и передавал долю моральной ответственности за совершаемое им действие всей общественности, одобрявшей его или хотя бы не возражавшей против. Так народный сход в Абхазии конца XVIII - второй половины XIX в. становился полем конкуренции и диалога противоположных социальных сил, на котором та или другая сторона одерживала время от времени победу.

Выше уже приводился пример того, как сход мог обуздать неумеренные притязания лидера, как в случае с убийством князя Чачба (Шервашидзе). Но бывало и иначе. В конце XIX в. Г. А. Рыбинский писал, что в Абхазии: «дворяне участвуют на крестьянских общинных сходах, участвуют при выборе старшин, судей и, пользуясь силою обычая и традиций старины, глубоко вкоренившихся в нравах простого народа, решают дело схода так, как им благоугодно, и что всего хуже, так, как порешит старейший из дворян» [30, с. 310-311]. При этом, как видим, одного знатного происхождения было недостаточно. Автор специально пояснял, что для достижения такого результата приходилось обернуть в свою пользу потенциал неполитической формы лидерства, основанной на этических нормах - старшинства: «вредная сторона вмешательства дворян в дела крестьянских сходов преобладает, потому что лучшие из молодых князей и дворян, которых коснулось влияние школьного образования, любящие земледельческий труд наравне с крестьянством, лишены возможности влиять на решения сходов и парализовать вредное влияние «стариков». Народный обычай запрещает противоречить «старикам»» [Там же].

В итоге народный сход нельзя однозначно считать ни сугубо институтом народовластия, ни орудием управления массами в руках элиты, но - одновременно выступающим в обеих этих ипостасях. Здесь нет противоречия, ибо перед нами - институционально оформленное поле конкуренции и согласования интересов социально-политических субъектов: сословий, фамилий, семей и отдельных персон, у каждого из которых имелся свой диапазон возможностей и свои шансы на победу. Абхазский народный сход имел главной целью прежде всего не твердое управление массами или поиск абсолютной справедливости, но обеспечение равновесия и диалога между людьми и группами таковых на определенной территории, дабы обеспечить в ее пределах приемлемые условия для их совместного проживания. Это обуславливало фундаментальный принцип проведения схода - рассмотрение и принятие решений на условиях учета интересов всех значимых субъектов обсуждения, будь то отдельная персона или группа. Так, обсуждение вопроса о принятии подданства Российской империи жителями Цабала в 1835 г. вели "князя Маршаниевы, после многих совещаний между собою и с почтеннейшими из народа Цебельдинского" [29, с 457].

Важно, что как институт народный сход имел строгую территориальную привязку: он объединял людей сугубо по признаку общности места проживания: территориального сообщества (*акыта*) или провинции. В этом смысле он служил ключевым элементом территориально-политического устройства Абхазии в конце XVIII - второй половине XIX в., обеспечивавшим самоуправление всесословных территориальных сообществ - *акыта*, на уровне которых этот самый народный сход в основном и функционировал. Получается, что данный сход функционировал на двух уровнях: локальном - в масштабах *акыта* и региональном - в масштабах провинций, на котором собирались представители от входящих в них сообществ. В каждой провинции имелось свое твердо установленное место для проведения схода, в качестве которого выступал определенный населенный пункт: в Самурзакане таковым было Агу-Бедия, а

затем Окум, в Абжуаа - Мыку (Моква), в Гумаа - Дранда, а позже - Эшера, в Бзыбской Абхазии - Лыхны [23, с. 34].

Народный сход воплощал в абхазском обществе практическую неотделенность управления от населения и способность последнего к самоуправлению, выполняя три непреложных условия:

- добровольность, которая была обусловлена заинтересованностью людей участвовать в сходе как единственном институте согласования и легитимации управленческих решений;

- всеохватность населения в рамках определенной местности, вне зависимости от сословной, политической, религиозной или фамильной принадлежности. Это свидетельствовало об осознанной и признанной групповой обособленности в рамках той территориальной общности, к которой относился сход;

- способность самостоятельно принимать управленческие решения без привлечения внешних сил и ресурсов, за исключением экстраординарных случаев, требующих вмешательства владетеля Абхазии и созыва схода в более крупных масштабах.

В своей внутренней структуре сход населения *акыта* соответствовал его территориальному устройству: подобно тому, как *акыта* объединяло в себе соседские общины *ахабла-ацута*, сам сход в качестве отдельных участников (субъектов) включал соседско-родственные группы - *амцахара*, каждая из которых представляла свою соседскую общину.

Точно так же, по сути, было организовано и абхазское войско, ведь, как мы помним, *амцахара* являлась в ней основной организационно-тактической единицей. Эта двойная функция, при которой *амцахара* была одновременно и военным отрядом, и отдельным коллективным участником народного схода, показывает существовавшую у абхазов глубокую взаимосвязь социально-политической и военной организации, что было вполне характерно для горских народов Кавказа.

О военной организации абхазов известно мало. Имеющиеся сведения демонстрируют ее эгалитарную природу. Здесь, на Кавказе, война была в первую очередь продолжением не столько политики, сколько социальной жизни и хозяйствования "иными методами". Взаимные набеги, похищения и вражда не были вытеснены на периферию жизни, а интегрировались в нее через свод правил, обязательных для исполнения. Военное дело было основой социализации всякого мужчины (в какой-то мере и женщины), глубоко проникая в образ жизни людей. Военная организация населения основывалась на его системе расселения, и потому отдельные организационно-тактические единицы (военные отряды) в составе войска соответствовали родственно-территориальному разделению страны.

Рядовое крестьянское население, а не знать являлось основной военной силой в стране не только в плане комплектования войска, но и как наиболее многочисленная социальная группа, обладающая оружием и применяющая его. Институт профессионального войска, в равной мере отделенный как от общества, так и от производственной деятельности и подчиненный правителю страны или князьям, в Абхазии в конце XVIII- второй половине XIX в. отсутствовал. В качестве реальной военной силы фигурирует только иррегулярное войско как самоорганизующееся народное ополчение, состоящее из отдельных родственно-территориальных отрядов - *амцахара*.

Разумеется, как и всякое народное ополчение, оно могло использоваться для борьбы с внешним врагом, но не как инструмент подчинения населения. Будучи основано на эгалитарных началах, это войско хоть и находилось под руководством конкретных знатных лидеров, в вопросах организации и снабжения было самостоятельным: «Когда приготовление было окончено и поступило распоряжение о сборе, то ратники решали сами, кто должен выступить в поход и кто должен остаться... После окончательного объявления, на сборных уже пунктах, о числе милиции, требуемой с каждой деревни или околотка, милиционеры вторично делали между собою выбор и лишних отправляли по

домам. Не участвовавшие в милиции должны были доставлять продовольствие и прочие предметы, необходимые для похода. Все это делалось по нарядам обществ. Владельцы (то есть князья-командующие - *С.П.*) в распоряжения эти не вмешивались» [13, с. 358-359].

Организация войска в форме ополчения отвечала интересам территориальной народной самообороны, поэтому такое войско было способно к постоянному самостоятельному воспроизводству - само население добровольно собиралось в ополчение при первой необходимости, не нуждаясь в постоянной специализированной структуре призыва, снабжения и командования. Поэтому такая военная организация сохранялась в Абхазии в целостности вплоть до позднего времени. В XIX в., описывая территориальные сообщества *акыта*, на которые делилась вся страна, П. Д. Краевич сообщал: «Главная обязанность, лежавшая вообще на всех членах союзов, заключалась в исполнении военной повинности; каждый должен был, в случае надобности, явиться для защиты общей безопасности и действий против общих врагов» [21, с. 14].

Неотъемлемой чертой жизни находившихся в соседстве *акыта* было оказание взаимной помощи при обороне от нападений извне и постоянная готовность к ней [13, с. 138]. Для вторгшегося врага нападение на одно сообщество превращалось в нападение на все соседствующие с ним. Возможно, именно эта взаимопомощь была основой, на которой выстраивались взаимоотношения, позволявшие сообществам-*акыта* внутри отдельно взятой провинции при необходимости координировать свои позиции по внутривополитическим вопросам страны [18, с. 179].

Итак, военную организацию абхазского войска в форме ополчения можно в целом обозначить как стихийно сложившуюся в условиях военизированного быта и ограниченных возможностей княжеской власти систему, основанную на территориальном устройстве страны. Обеспечивая выживание населения в таких условиях, эта система одновременно являлась в вопросах обороны и территориального устройства альтернативой крепкой княжеской власти (читай -

иерархическому способу интеграции людей), поскольку существование войска в форме народного ополчения лишало правящий класс возможности использовать войско для подавления подвластных и контроля над ними. Ведь не имея альтернативы, в качестве боевой силы лидеры вынуждены были привлекать простой народ, формируя из него ополчение. Такое ополчение можно было, причем на условиях общей выгоды, т. е. обретения трофеев и воинской славы, бросить на внешнего врага - иноземцев, на иное территориальное сообщество или своего политического врага. Но о подавлении населения на той территории, где это войско созывалось, не могло быть и речи, ведь оно состояло из тех, кого следовало покорять.

С другой стороны, не нужно забывать - и в Абхазии изучаемого времени это прекрасно понимали - войско не могло бы эффективно выполнять свои задачи, не имея единоличного руководства. Оно, в свою очередь, неизбежно попадало в руки знатным предводителям - людям, не обремененным трудовыми буднями (т. е. оторванным от хозяйственной деятельности) и всем своим образом жизни ориентированным на борьбу за власть и войну.

В итоге, так же как и народный сход, абхазское войско в силу своих организационных особенностей и функций обрекало два полюса общества - правящий класс, тяготеющий к установлению строгих иерархических отношений и народ, хранящий традиции объединения людей по принципу равенства, на неизбежное сотрудничество.

§ 3. *Акыта* как универсальная форма социально-политической и территориальной организации абхазов

Итак, перед нами надобщинная структура, в рамках которой территориальная (объединение соседских общин), социальная (взаимозависимость сословий), политическая (народный сход) и военная (ополчение) составляющие накладывались друг на друга, образуя единый

социально-политический организм, локализованный на конкретной территории. То, что эти составляющие не были механическим набором самостоятельных параллельно существующими феноменов, а находились в состоянии взаимодействия, образуя целостную систему, свидетельствует о синергии - состоянии, когда отдельные элементы, вступая во взаимодействие, образуют структуру с принципиально новыми и оригинальными свойствами, которые не сводятся к сумме свойств каждого из этих элементов. Количество переходит в качество и потому функции и возможности народившейся системы принципиально шире, чем каждого из тех институтов, явлений, социальных практик, которые в нем объединены. Это в полной мере соответствует сути *акыта* - самоуправляющемуся всеобщему сообществу соседских сельских общин - основной форме территориального и социально-политического устройства у абхазов в конце XVIII - второй половине XIX в.

В плане территориального устройства *акыта* представляла собой объединение соседских сельских общин *ахабла-ацута*. Принадлежащие им земельные угодья, сливаясь, образовывали территорию *акыта*. Как автономное территориально-политическое объединение *акыта* включала два института, обеспечивающих ее самоуправляемость.

Прежде всего, это был рассмотренный выше народный сход - институт обсуждения и согласования интересов различных групп и персон, входящих в сообщество. Он представлял собой общее собрание населения *акыта*, по судебному или управленческому вопросу на котором происходили дебаты, поиск компромисса и принимались решения. В силу функциональных особенностей сход носил иррегулярный и чрезвычайный характер.

Сход всех жителей *акыта* собирался по наиболее важным вопросам, а роль регулярной управленческой субстанции исполнял глава, "покровитель" сообщества – *ахылапшюу*. Всякий человек, находящийся на территории *акыта*, вне зависимости от своего социального происхождения и политического статуса, находился под властью и защитой *ахылапшюу*, автоматически попадая в

категорию "покровительствуемых" (*хипшы*). [33, с. 160]. В пользу *ахылапшыю* все *хипшы* имели определенные обязательства или повинности, форма и размер которых в каждом конкретном случае были разными.

Авторитет и многочисленность какой-либо родственной группы, проживающей в *акыта*, могли служить поводом ее отказа от несения каких-либо повинностей в пользу главы сообщества [21, с. 14]. С другой стороны, именно влияние, многочисленность и давность проживания представителей какого-либо знатного рода в сообществе служили важнейшими предпосылками к обретению одним из них статуса его главы-покровителя. Это яркий пример двойкой роли родовой солидарности в структуре сообщества: служба одной из основ власти *ахылапшыю*, эта же солидарность, но уже в среде лично свободных крестьян, была одним из факторов, ограничивающих его власть.

В структуре *акыта* отчетливо проявились причины, по которым власть в абхазском обществе принимала завуалированную форму покровительства и на практике реализовывался силовой паритет между сословиями знати и лично свободных крестьян. Власть глав сообществ, основанная на личном авторитете, влиянии и силе их фамилий, знатном происхождении и нужде населения в военном руководстве, а зачастую и на связях с самим владельцем, уравновешивалась целым комплексом различных социально-политических институтов и явлений. Родственная и соседская солидарность в среде крестьянства была лишь одним (хотя и очень важным) из них.

Какого-либо способа превращения земельного фонда сообщества и статуса его главы-покровителя в неотчуждаемые не существовало. Отсутствовала и монополия аристократии и *ахылапшыю* на насилие. Наиболее важные вопросы в жизни *акыта* решались не единолично главой, а общим собранием ее дееспособного лично свободного мужского населения. Родственные и квазиродственные (*аталычество* и молочное родство) связи, долг гостеприимства и соседской взаимопомощи, роль общественного мнения – все это порождало между членами *акыта*, не равными в социальном происхождении и

влиятельности, отношения глубокой взаимозависимости. Как отмечали Д. С. Старосельский и Н. И. Воронов: «Влияние и значение каждой фамилии находились в прямом отношении с силою покровительствуемой ею общиной (*акыта* - С.П.). Чем община сильнее, многочисленнее, тем легче было покровителю (*ахылапшыю*) исполнять лежащие на нем обязанности» [31, с. 553].

В зависимости от того, кто выполнял роль главы-покровителя, все *акыта* делились на два типа. Чаще всего данным статусом обладал представитель наиболее сильной и авторитетной патронимической группы знатного происхождения, проживающей в ней. Другой тип был представлен сообществами, находящимися под покровительством лица, наиболее могущественного в том регионе страны, где располагались такие сообщества. В роли таковых выступали представители княжеских фамилий Чачба (Шервашидзе) и Амаршан (Маршания). Для решения текущих дел в таких *акыта* князя назначали своих «управителей» из дворян [28, с. 513], имеющих право на получение доли податей. Примером может служить сообщество Гумм, население которого одновременно приносило подати и своему *ахылапшыю*, которым был удельный князь провинции Гумаа (Сухумский округ), и «управителями» - князьям Ачба [1, с. 274]. Подобные "управители" имелись и в других *акыта* страны: в Дранде эту функцию выполняла знатная семья Званба, в Гулрыпще - Маан (Маргания), в Яштухе - Чирикба [Там же, с. 275]. Со временем, достаточно утвердившись в сообществе, такие "управители" могли претендовать на статус *ахылапшыю* и пытаться избавиться от опеки князя [28, с. 478, 498].

Пахотные земли на территории сообщества находились в частном владении, основанном на факте вложения в них труда, т. е. расчистки и распашки. Остальное полезное в хозяйственном отношении достояние сообщества – лес, водоемы и пастбища находились в общем пользовании его жителей [15, с. 387–395].

При существующих в Абхазии социально-экономических отношениях авторитет человека, как сумма репутации и широты связей, давал человеку право

на владение экономическими благами, а не наоборот. Не богатство давало влияние, а наоборот - влияние обуславливало возможность владеть чем либо. Так, в ходе крестьянской реформы 1860-х гг. администрация Сухумского военного округа стала собирать сведения о существовавших поземельных отношениях. Некоторые дворяне и представители владельца (*ашнахума*) попытались представить временно используемые ими земли, относившиеся к тем сообществам (*акыта*), членами которых они являлись, как неотчуждаемые землевладения. Общество презрительно высмеяло их, назвав "лесными" и "болотными" дворянами, тем самым подчerkнув, что право на землю не является источником общественного статуса. В то же время поземельные отношения в стране были далеки от идеальных, зачастую основываясь на грубой силе.

На протяжении всего XIX в. возрастало стремление знати в целом и глав-покровителей сообществ присваивать земельное достояние *акыта*, прежде всего леса' (которые использовался как источник шедшей на продажу древесины и охотничьи угодья), а также пастбища. Сопrotивление этому рядовых жителей сообществ привело к появлению специального института хранителей земельного и лесного фонда *акыта* [11, с. 4]. Проведение поземельной реформы в 1870 г. изменило ситуацию в худшую для крестьянства сторону, резко ограничив доступные им хозяйственные ресурсы рамками частных землевладений.

Отношения взаимозависимости покровителей и покровительствуемых не могли бы стать таковыми в случае, если бы высокая степень свободы рядового крестьянства, основанная на родственной и соседской солидарности и взаимных личных обязательствах, не уравновешивалась механизмами, укреплявшими власть покровителей. Традиционная монополия высших сословий на этот статус и помощь фамилии естественно не ликвидировали процесс борьбы за власть, а ограничивали ее масштабы рамками сословия и фамилий, ослабляя и разрушая их. Это прекрасно демонстрирует история борьбы князей Амарщан (Маршания) между собой за власть над областью Цабал в 60-х гг. XIX в. Поэтому представители знати, в том числе главы-покровители сообществ, практиковали

покровительство над членами других *акыта*, расположенных в разных частях страны. Это одновременно усиливало их собственное влияние и неизбежно ослабляло власть других глав-покровителей. В наиболее развитом виде такое покровительство воплотилось в институте княжеских представителей – *ашнахума*, проживавших практически в каждом сообществе.

Таким образом, в структуре сообщества *акыта* проявилась особенность абхазского традиционного общества: переплетение различных форм покровительства, взаимозависимости, двусторонних социальных связей, складывавшихся в сложную систему равновесия и кооперации разных социальных сил. Это значительно сглаживало острые противоречия социального характера и максимально замедляло процесс классового расслоения общества. Данное обстоятельство позволяет понять суть *акыта* как социального феномена, в основе которого лежало представление о жизненном устройстве свободного земледельца - *анхаю*. Представители этого сословия обладали полной свободой перемещения и, как уже говорилось, правом на применение оружия, подтвержденном традициями. Мнение большинства *анхаю* было определяющим в сходе жителей *акыта*, созывавшемся для решения наиболее важных вопросов его жизни.

Итак, структурной основой сообщества *акыта* служила система взаимозависимости его лидеров и основной массы полноправных крестьян. Она в равной мере и смягчала противоречия между ними и ограничивала степень свободы каждой из сторон. К сожалению, скудность имеющейся информации не позволяет детально реконструировать процесс эволюции *акыта*, и установить всю совокупность причин, по которым она обрела описанную структуру. Можно лишь попытаться наметить общие контуры этого процесса. Переход населения Абхазии к хуторскому типу расселения в последней четверти I тысячелетия н.э. был началом процесса формирования института *акыта*. В XI–XIV вв. структура сельских сообществ обретает черты, более свойственные феодальному владению. В Абхазии идет присущий этапу феодальной раздробленности процесс

"озамкования", знаменующийся появлением в каждом сообществе четко выраженного политического центра в виде близко расположенных крепости феодала, храма и расчищенного поля для общего собрания жителей сообщества. Даже в наши дни в наиболее старых *акыта*, таких как Лыхны, Абгархук, Тамыш и др., сохранились подобные центры. При этом с конца VIII в. непрерывные войны, которые вело Абхазское царство за господство в Грузии, должны были вызвать значительный отток из страны наиболее активной части мужского населения, прежде всего из знатных сословий. Итогом стала утрата значительной частью абхазской знати своих этнических корней и принятие грузинской культуры и языка [26, с. 135]. Оба эти фактора, особенно последний, неизбежно должны были ослабить мощь знати как социальной силы и повысить статус больших патриархальных крестьянских родов, сохранивших и впоследствии всегда (вплоть до наших дней) подчеркивавших свою роль хранителей этнической самобытности абхазского народа. XV–XVII вв. - период активного вмешательства генуэзцев, турок и западногрузинских княжеств во внутреннюю жизнь страны, ознаменованный распространением работорговли, междоусобиц и грабительских нападений иноземцев, когда физическое выживание становится для населения Абхазии главной задачей. С одной стороны, это приводит к консолидации больших патриархальных семей и временному возвращению соседских общин (*ахабла-ацута*) от хуторской формы расселения к более ранней, характерной для середины I тысячелетия н. э. когда имела место схожая нестабильность во внутренней жизни страны. В середине XVII в. А. Ламберти пишет об абхазах: "Они не живут ни в городах, ни в башнях, но 15 или 20 семейств соединяются вместе и, выбрав вершину какого-нибудь холма, ставят на ней хижины и окружают их плетнем и глубокими рвами. Так поступают они для того, чтобы не подвергаться нападению даже туземцев" [24, с. 212]. В основном, захват и продажу в рабство практиковала знать, следовательно, такая консолидация населения была направлена, в том числе на ограничение произвола знати. В то же время, побывавший в Абхазии в 1641 г. Эвлия Челеби в качестве названий

местных территориальных сообществ перечисляет наименования крупных знатных фамилий, правящих в них: Чачба, Цанба, Гечьба и др. [7, с. 173-174], что говорит о формировании института глав-покровителей (*ахылапшыю*) территориальных сообществ. То есть этот период можно считать временем, когда оформляется институт *акыта* как оборонительный союз, основанный на сотрудничестве лично свободного крестьянства, нуждающегося в территориальной консолидации, и знати, ищущей социальную опору своей власти. Причем силовой паритет этих двух социальных сил был неременным условием существования этих территориальных сообществ.

В каком-то смысле структура *акыта*, отражала результат социальной борьбы высших и низших сословий абхазского традиционного общества, смягченной, если не сказать, законсервированной на определенном этапе ее исторического развития, что в большей мере было в интересах лично свободных крестьян – *анхаю*. На это указывает факт их возвращения в XVIII в. к хуторскому способу расселения, означавший оформление достаточно эффективной системы обеспечения безопасности. Насколько сильно, по канонам абхазского общества, социальный статус знати зависел от поддержки со стороны *анхаю*, демонстрирует практика переселения: неспособность знатной семьи при переходе на другое место жительства увлечь за собой своих покровительствуемых и лично зависимых автоматически влекло за собой переход в более низкую социальную категорию [16, с. 156–157]. Присоединение Абхазии к Российской империи, сопровождавшееся введением административно-правовой поддержки знати, внедрением института частного землевладения и распространением товарно-денежных отношений, привело к разрушению этой сбалансированной системы, в целом ухудшив положение *анхаю*.

Подводя итог, можно отметить, что совокупность свойств *акыта* как целого нельзя свести к сумме свойств входящих в него родовых, аристократических и эгалитарных институтов. Они не столько противостояли, сколько дополняли друг друга, а потому являлись не механическим набором обособленных элементов, а

образовывали систему, отдельные части которой взаимодействовали между собой. Это была форма самоорганизации населения, в какой-то мере альтернативная иерархическим государственным институтам и в то же время более универсальная по своей структуре и функциям, чем родовая или феодальная крестьянская община.

Обобщая, ее следует определить как территориальное сословное сообщество (*акыта*) соседских сельских общин (*ахабла-ацута*). Социальные отношения в таком сообществе основывались на глубокой взаимозависимости сословий, в результате чего властные отношения внутри него облекались в форму покровительства его глав (*ахылапшую*) над рядовыми членами сообщества (*хипшы*). Среди последних преобладало лично свободное крестьянство, которое делегировало главе-покровителю полномочия по управлению сообществом в обмен на поддержку его властных притязаний, одновременно сдерживая эти притязания внутри *акыта* с помощью институтов родственной и соседской солидарности и на началах патрон-клиентских отношений, предполагающих взаимные личные обязательства между лидером и подвластными. Организация власти внутри сообщества *акыта* не была отделена от населения и в определенной степени уподоблялась патриархальной связи старший-младший. В то же время сообщество-*акыта* являлось надродовым сословным механизмом регуляции взаимоотношений разнородных социальных сил, обеспечения экономической самостоятельности и безопасности населения на обособленной территории. Более того, способность к самоуправляемости, обороноспособность и обладание собственной территорией обуславливали суверенность *акыта* как самостоятельного территориально-политического объединения - полноценного субъекта политики локального уровня.

В итоге, *акыта* представляла собой «точку схождения», в которой территориальная, социальная и политическая системы, созданные абхазским народом для обустройства своей жизни, соединялись в единый, привязанный к конкретной территории самоуправляющийся социально-политический организм.

-
1. *Анчабадзе З. В.* Социально-политическая эволюция крупной феодальной сеньории в Абхазии XIX в. // *Он же.* Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II. С. 270-280.
 2. *Афанасьев М. Н.* Клиентизм: историко-социологический очерк. [Электронный ресурс] // Восток. 2004. № 4(16). www.situation.ru.
 3. *Баратов С.* Сведения об отношениях в Абжывском округе подвластных крестьян к своим помещикам. // Труды Сухумского педагогического института. Сухуми, 1962. Вып. XV. С. 159-163.
 4. *Барсукова С. Ю.* Вынужденное доверие сетевого мира. // Полис. 2001. №2. С. 52-60.
 5. *Бобровников В. О.* Берберы (XIX - начало XX вв.). // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002. С. 198-217.
 6. *Бондаренко Д. М.* Сложности со "сложностью". Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой. // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 141-149.
 7. *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей. 1875. Т. IX. С. 161-188.
 8. *Введенский А. Н.* Абхазы (Азега). // Сборник сведений о кавказских горах. 1872. Вып. VI. С. 1-48.
 9. *Гибаль П.* Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.
 10. *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М.; 2010.
 11. *Джанашиа Н.* Кое-что из быта Абхазии // Иверия. 1902. № 109 (на грузинском языке). С. 3-4.

12. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.
13. *Званба С.* Зимние походы убыхов в Абхазию. // Кавказ. 1852. №33. С. 136-138.
14. *Инал-ипа Ш. Д.* Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.
15. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
16. *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
17. *Карпов Ю. Ю.* Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений. // Лидерство в архаике: условия и формы проявления. СПб., 2011. С. 118-129.
18. *Коньяр В. М.* Рапорт начальника Сухумского военного отдела полковника кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому от 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 178-181.
19. *Косвен М. О.* Аталычество. // Советская этнография. 1935. №2. С. 41-61.
20. *Корганов И. И.* Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 311-315.
21. *Краевич П. Д.* Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.
22. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
23. *Куправа А. Э.* Вопросы традиционной культуры Абхазов. Сухум, 2008.
24. *Ламберти А.* Описание Колхиды или Мингрелии миссионера Конгрегации для распространения христианской веры // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. X. С. 178-224.
25. *Лисовский Ф.* Докладная записка цебельдинского пристава о Псху и его жителях за 1838 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008. Т. I. С. 232-235.

26. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
27. *Новожилова Е. М.* Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. // Африка: общества, культуры, языки. М., 1999. С. 33-37.
28. *Пахомов А. В.* Объяснительная записка управляющего именьями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию за 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.
29. *Розен Г. В.* Отношение к гр. Нессельроде от 2-го января 1835 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 457.
30. *Рыбинский Г. А.* Скотокрадство в Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312.
31. *Старосельский Д. С. Воронов Н. И.* Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани от 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 551-569.
32. *Торнау Ф. Ф.* Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. 1835 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 465-470.
33. *Черепов А. П.* Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.
34. *Шатилов П.* Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому за 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 72-76.
35. *Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984.
36. *Wolf E.* Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies. // Social Anthropology of Complex Societies. L., 1966.

Заключение

Традиционная социально-политическая структура абхазского общества конца XVIII - второй половины XIX в. являла собой наглядный пример «мягкого» варианта социальной интеграции, при котором социальные отношения основывались на вынужденной взаимозависимости и сотрудничестве власти и населения. Такой нетривиальный характер социально-политического уклада абхазов обратил на себя внимание еще в 60-х годах XIX в. [5, с. 156], и исследовательская работа в советское время подтвердила это [1, с. 395]. Посему данная структура не может рассматриваться в парадигме классового антагонизма и формирования государства сугубо как аппарата угнетения. Более целесообразным будет применение нелинейной теории социальной эволюции, которая позволяет точнее отразить своеобразие социально-политической структуры, созданной абхазским народом. Как отмечали Д. М. Бондаренко и А. В. Коротаяев: "Наращение социально-политической сложности вполне может сопровождаться "иерархизацией" (усилением роли вертикальных связей), но оно может сопровождаться и "деиерархизацией" (ростом относительной значимости связей горизонтальных)" [4, с. 6]. А абхазское общество как раз представляло собой вариант симбиоза иерархической структуры власти лидеров и развитых форм горизонтальной интеграции людей.

Власть в абхазском обществе не располагала специализированным бюрократическим аппаратом управления и контроля, а посему практика управления предполагала широкое участие населения и носила ситуативный характер. Основной функцией власти при этом становилось упорядочивание насилия, а ее способность вмешиваться в иные сферы жизни общества была ограничена.

Силой, устанавливающей предел притязания лидеров на централизацию, были горизонтально интегрированные родственные и соседские коллективы, позволяющие населению самостоятельно решать хозяйственно-бытовые задачи,

не прибегая к лидерскому руководству. Само наличие таких объединений родственных и соседских коллективов автоматически снижало не только необходимость, но и саму возможность концентрации ресурсов и власти в руках отдельных людей и элитарных групп. Однако способность таких сообществ решать военно-политические задачи была мала, и периодически возникала нужда в единоличном руководстве. Складывалась взаимообусловленная система: с одной стороны, лидеры не могли полностью подчинить себе горизонтально интегрированные самоуправляющиеся сообщества и монополизировать функции контроля, распределения ресурсов и обеспечения порядка; с другой стороны, их неспособность сделать это вынуждала общество решать насущные жизненные проблемы самостоятельно, поддерживая жизнеспособность традиций и институтов народовластия.

В то же время необходимость лидеров опираться непосредственно на население в целях укрепления и реализации своей власти, с одной стороны, и нужда последнего в военно-политическом руководстве, с другой, обусловили вынужденную взаимную заинтересованность этих сторон в социальном сотрудничестве на обоюдно выгодных условиях. Результатом стала реализация властных отношений у абхазов в форме патрон-клиентских отношений, предполагающих двусторонние обязательства. Показателем того, что патрон-клиентские отношения у абхазов были господствующим вариантом реализации властных отношений, явился их надсословный характер. Градация между патроном и клиентами определялась не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Своеобразие абхазского варианта патрон-клиентских отношений заключалось в феномене *полипатроната*, при котором человек мог являться клиентом сразу нескольких патронов, по факту обладая инициативой выбора между ними согласно своим интересам, что блокировало переход власти патрона к жесткой авторитарной модели.

Институционально состояние взаимозависимости и вынужденного сотрудничества правящей и подвластной частей общества воплотилось в народном сходе и ополчении - всесословных формах соорганизованности людей, которые обеспечивали возможность совместного осуществления управленческой и судебной практики, а также выполнения боевых задач между представителями разнородных социальных общностей.

Базовой формой соорганизованности населения Абхазии в XIX в. являлся единый родственно-территориальный кластер - *ахабла-ацута*, в котором воедино сливались родственное (патронимия) и территориальное (соседская община) сообщества, состоящие из одних и тех же людей и обладающие едиными институтами, обеспечивающими кооперацию их деятельности в двух важнейших сферах - военной и трудовой. Такое было возможно благодаря сетевой природе этих сообществ. И патронимия, и соседская община были сугубо неформальными горизонтально интегрированными объединениями, а потому реализовывали важнейшее свойство структур данного типа - отсутствие жесткой специализации и неограниченную коммутацию между собой [3, с. 94]. Это предопределяло их сосуществование и глубокое взаимное проникновение при нечетком разделении выполняемых ими функций.

Совокупность нескольких соседских общин *ахабла-ацута* образовывала более крупный территориальный организм - *акыта*. Это была основная форма территориального и социально-политического устройства абхазов в рассматриваемое время. Социальные отношения в таком сообществе основывались на глубокой взаимозависимости сословий, в результате чего властные отношения внутри него облекались в форму покровительства его глав (*ахылапшую*) над рядовыми членами сообщества (*хипшы*). Среди последних преобладало лично свободное крестьянство. Оно делегировало главе-покровителю полномочия по организации безопасности сообщества в обмен на поддержку его властных притязаний. Одновременно крестьянство сдерживало эти притязания, опираясь на институты народного самоуправления и традиционные

формы взаимных личных обязательств. Посему власть внутри сообщества *акыта* не была отделена от населения, а практика управления строилась на условии взаимных обязательств сторон и консенсусном способе принятия решений. Это дает основание рассматривать *акыта* как всеобщий механизм контроля взаимоотношений между разнородными социальными силами, внутри которого родовые, аристократические и эгалитарные институты, входящие в его состав, не столько противостояли, сколько дополняли друг друга. Способность к самоуправлению, обороноспособность и обладание собственной территорией позволяли *акыта* выступать суверенным субъектом политических отношений локального уровня. Это была надродовая форма интеграции людей, основанная на социальном компромиссе, общности территории проживания и наличии пусть ограниченного, но централизованного руководства. Ввиду этого *акыта* уместно рассматривать не как родовую или феодальную общину, а как самобытный тип территориально-политического устройства, созданный абхазским народом.

Подобный тип сообществ не уникален, а представляет собой локальный вариант суверенного территориального объединения, что присуще горским народам различных, не связанных между собой регионов. Это важное обобщающее наблюдение сделал в 1995 г. А. В. Коротаев, писавший: «удивительное сходство... большинства горских обществ в самых разных концах Ойкумены Старого Света... возьмем ли мы древних горцев Йемена или Греции, средневековых швейцарцев или басков, горцев Албании и Черногории средних веков или нового времени, «вольные общества» Кавказа, многих афганских горцев, апа-тани Ассамского нагорья, сообщества гумлао качина горной Бирмы, горцев атласа или филиппинских ифугао и т. п.» [2, с. 19]. Исследователь пояснял, что: «важнейшей характеристикой этого «горского знаменателя» является относительный «демократизм» горских политий. Политическое развитие здесь нередко идет не за счет... все более самовластной... системы централизованной редистрибуции и т. п., в ходе чего масса общинников утрачивает какой-либо реальный контроль над политическим центром, превращаясь в «подданных», а

совсем иным путем... Масса полноправных общинников не теряет контроль над политическим центром, а совершенствует этот контроль, превращаясь в граждан» [Там же]. Этому описанию вполне соответствует социальная категория *анхаю* – свободных абхазских общинников, основного населения каждой *акыта* и главной социальной основой традиций народовластия в абхазском обществе, которую в 1866 г. современник охарактеризовал так: «Во всех обыденных делах каждый анхае и по обращению и по правам и по силе есть равноправный гражданин. По численному превосходству своему, по понятию о достоинстве своего звания, анхае были сильнее старых рабов и аамыст (дворян - С.П.), всегда знали, что могли с ними справиться, видели примеры и последствия открытой борьбы этих классов в соседних горских племенах и потому нисколько не были закабалены высшими классами» [5, с. 163-164].

Подводя итог, следует отметить, что уклад жизни абхазов в конце XVIII - второй половине XIX века не только еще один образец существования народа в форме суверенных гражданских общин. Это и яркий пример того, что направление социальной эволюции всякого народа, будь то в сторону построения жесткой иерархии или наоборот, развития институтов социального компромисса, в итоге определяет тип и внутреннюю структуру выстроенных им политических и территориальных объединений.

-
1. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 395.
 2. *Коротаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы. // Восток, 1995. №3. С. 19.
 3. *Олескин А. В.* Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М., 2013, С. 94.
 4. *Цивилизационные модели политогенеза* (под. ред. Д. М. Бондаренко и А. В. Коротаева). М., 2002. С. 6.
 5. *Черепов А. П.* Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 156.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники.

Аверкиев И. С. С северо-восточного побережья Черного моря // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 285-291.

Баратов С. Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам. // Труды Сухумского педагогического института. Сухуми, 1962. Вып. XV. С. 159-163.

Бебутов В. О. Рапорт кн. Долгорукому от 11-го июля 1855 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI. ч. 1. С. 46-50.

Бларамберг И. Ф. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.

Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1.

Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей. 1875. Т. IX. С. 161-188.

Бутков В. Записка о вознаграждении владельца Абхазии М. Г. Чачба (Шервашидзе) в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии от 1864 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 22-28.

Введенский А. Н. Абхазы (Азегга). // Сборник сведений о кавказских горцах. 1872. Вып. VI. С. 1-48.

Введенский А. Н. Следственное дело о принадлежности земель, расположенных между р. Бзыбь и г. Гагры за 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 79-81.

Гибаль П. Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.

Дюбуа де-Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1.

де-Лагард Б. Рапорт начальника воинского укрепления Гагры кутаисскому генерал-губернатору от 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 196-198.

Журнал заседаний комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа за 1869 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 315-324.

Журнал заседаний сухумской сословно-поземельной комиссии за 1874 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 583-584.

Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.).* Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.

Званба С. Зимние походы убыхов в Абхазию. // *Кавказ.* 1852. №33. С. 136-138.

Кишельский И. Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Абжуйского округа и управляющему Самурзаканью в 1865 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 92-95.

Коньяр В. М. Докладная записка начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому о поземельных отношениях в Абхазии за 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 172-177.

Коньяр В. М. Рапорт начальника Сухумского военного отдела полковника кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому от 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 178-181.

Корганов И. И. Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения за 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 311-315.

Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.

Краевич П. Д. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. // *Сборник сведений о кавказских горцах.* 1870. Вып. IV. С. 27-44.

Кровная месть (Из судебной хроники). // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.).* Сухум, 2008. Кн. II. С. 520-523.

Курнатовский И. Д. Рапорт ген. - м. Сталю от 9-го мая 1818 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1874 Т. VI. ч. 1. С. 644.

Ламберти А. Описание Колхиды или Мингрелии, о. *Ламберти*, миссионера Конгрегации для распространения христианской веры // *Записки Одесского общества истории и древностей.* 1877. Т. X. С. 178-224.

Лисовский Ф. Докладная записка цебельдинского пристава о Псху и его жителях за 1838 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2008. Т. I. С. 232-235.

Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев. // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* 1884. Вып. IV. С. 40-76.

Мачавариани К. Очерки Абхазии. // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.).* Сухум, 2008. Кн. II. С. 566-570.

Небольсин Д. Современные жертвоприношения в Сухумском округе (Из записок туриста). // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.).* Сухум, 2008. Кн. II. С. 450-462.

Немирович-Данченко В. *Море. Абхазское поморье.* М., 1897.

Пахомов А. В. Объяснительная записка управляющего именьями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную

комиссию за 1868 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.

Понсэ М. Приложение к рапорту председателя комиссии "приводящей в известность владетельские имения в Абхазии" от 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 129-142.

Пушкарев С. Абхазы. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 160-169.

Прошение самурзаканских князей начальнику Самурзаканского и Абжуйского военного округа от 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 67-69.

Розен Г. В. Отношение к гр. Нессельроде от 2-го января 1835 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 457.

Розен Г. В. Отношение командира отдельного кавказского корпуса к военному министру от 8-го мая 1837 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 459-460.

Розен Г. В. Отношение к гр. Нессельроде от 20-го мая 1837 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 460-462.

Романов М. О положении в Абхазии в 1864 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 20-22.

Рыбинский Г. А. Скотокрадство в Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XX вв.). Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312.

Рыбинский Г. А. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894.

Сведения о действиях владетеля М. Г. Чачба-Шервашидзе и о положении края в 1863 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 5-18.

Сведения о туземном населении Сухумского отдела за 1868 г. // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. I. С. 18-19.

Селезнев М. А. Руководство к познанию Кавказа. за 1847 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2011. Т. II. С. 276-282.

Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет. // Морской сборник. 1865. №6. С. 90-105.

Серебряков Л. М. Предписание начальника Черноморской береговой линии за 1853 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2011. Т. II. С. 392-393.

Синоков (?) Ответы на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором Д. Святополк-Мирским начальнику Бзыбского округа в 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 104-110.

Старосельский Д. С. Воронов Н. И. Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани от 1870 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 551-569.

Статистический взгляд на Абхазию в 1831 г. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 9-28.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.

Торнау Ф. Ф. Обычай абхазского народа и разделение его на состояния в 1835 г. // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 465-470.

Фадеев Р. А. Письма с Кавказа. Письмо третье. // Кавказская война. М., 2005. С. 127-136.

Черепов А. П. Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.

Шатилов П. Рапорт начальника Сухумского военного отдела кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому за 1865 г. // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2012. Т. III. С. 72-76.

Шервашидзе М. К. Письмо барону Розену от 5-го марта 1834 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1888. Т. VIII. С. 446.

de Scassi R. Nations sur Sokhoum-kale et sur les Abazes. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1874. Т. VI, ч. 1. С. 646-647.

Литература.

Антелава И. Г., Дзидзария Г.А, Олонецкий А. А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии // Исторический архив. 1950. № 5. С. 392-453.

Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.

Анчабадзе З. В. Социально-политическая эволюция крупной феодальной сеньории в Абхазии XIX в. // *Он же.* Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II. С. 270-280.

Афанасьев М. Н. Клиентизм: историко-социологический очерк. [Электронный ресурс] // Восток. 2004. № 4(16). www.situation.ru.

Ачугба Т. А. О некоторых особенностях абхазского феодализма. // Абхазоведение. 2011. Вып. V-VI. С. 215-227.

Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира. // Полис. - 2001. №2. С. 52-60.

Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20-30.

Бобровников В. О. Берберы (XIX - начало XX вв.). // Цивилизационные модели политогенеза (под. ред. Д. Бондаренко и А. Коротаева). М., 2002. С. 198-217.

Бондаренко Д. М. Сложности со "сложностью". Гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой. // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 141-149.

Бондаренко Д. М. Коротаев А. В. Политогенез, "гомологические ряды" и нелинейные модели социальной эволюции. // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 128-139.

Бондаренко Д. М. Кортаев А. В. Введение. // *Цивилизационные модели политогенеза* (под. ред. Д. Бондаренко и А. Кортаева). М., 2002. С. 5-36.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии // *Проблемы истории, филологии и культуры*. Вып. XII. 2002. С. 334-362.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М.; 2010.

Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.

Дзидзария Г. А. Труды. Сухуми, 1990. Т. III.

Джанашиа Н. Кое-что из быта Абхазии // *Иверия*. 1902. № 109 (на грузинском языке). С. 3-4.

Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории*. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.

Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.

Карнышев А. Д. Этнокультурные критерии рациональности/нерациональности экономического поведения. // *Психология в экономике и управлении*. 2010. № 1. С. 75-80.

Карпов Ю. Ю. Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений. // *Лидерство в архаике: условия и формы проявления*. СПб., 2011. С. 118-129.

Кортаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы. // *Восток*, 1995. №3. С. 18-26.

Кортаев А. В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

Косвен М. О. Аталычество. // *Советская этнография*. 1935. №2. С. 41-61.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Кочакова Н. Б. Размышления по поводу раннего государства. // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 153-164.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Куправа А. Э. Народные Сходы и ораторское искусство. // Абхазы (под ред. Ю. Анчабадзе и Ю. Аргун). М., 2007. С. 331-339.

Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры Абхазов. Сухум, 2008.

Маан О. В. Основные черты социально строя. // Абхазы (под ред. Ю. Анчабадзе и Ю. Аргун). М., 2007. С. 322-331.

Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Миллер Д. Короли и сородичи. Раннее государство мбунду в Анголе. М., 1984.

Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V - VII вв. М., 1981.

Новожилова Е. М. Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. // Африка: общества, культуры, языки. М., 1999. С. 33-37.

Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М., 2013.

Пигарь С. С. Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2014. №3. С. 117-127.

Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс. // Западная экономическая социология. М., 2004. С. 82-104.

Поланьи К. О вере в экономический детерминизм. // "Великая трансформация" Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее (под ред. Р. Нуреева). М., 2006. С. 22-29.

Потто В. А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III, ч. 2.

Сергеев В. М. Сергеев К. В. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети. // Полис. 2003. №3. С. 6-13.

Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.

Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939. Сборник первый. С. 105-126.

Эсадзе С. С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX- нач. XX вв.). Сухум, 2005. Кн. I. С. 225-253.

Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984.

Sik E. "Small Is Useful" or the Reciprocal Exchange of labour // Labour Market and Second Economy in Hungary. Frankfurt/Main, N.Y., 1985.

Wolf E. Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies. // Social Anthropology of Complex Societies. L., 1966.